

Министерство сельского хозяйства Российской Федерации
Уральский государственный аграрный университет

М. А. ХОМЯКОВА

ОРГАНЫ И ТКАНИ
ЧЕЛОВЕКА КАК ПРЕДМЕТ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ

МОНОГРАФИЯ

Екатеринбург
Издательство Уральского ГАУ
2024

УДК 343
ББК 67.408
Х76

*Утверждено и рекомендовано к печати
Научно-техническим советом ФГБОУ ВО Уральский ГАУ
(протокол 06/23 от 16.06.2023)*

Рецензенты: Воронин Борис Александрович – доктор юридических наук, профессор Уральского государственного аграрного университета

Рудич Валерий Владимирович – доктор юридических наук, профессор Уральского государственного экономического университета

Хомякова, М. А.
Х76 Органы и ткани человека как предмет преступления: монография / М. А. Хомякова. – Екатеринбург: Издательство Уральского ГАУ, 2024. – 192 с.

ISBN 978-5-87203-558-9

В настоящей монографии рассматриваются особенности преступлений, предметом которых являются органы и ткани человеческого организма. Данное исследование является уникальным для российского материального уголовного права: впервые на страницах монографического исследования проведен гносеологический анализ определения «органы и ткани человека», изучены преступления, предметом которых они выступают, а также предложен вектор развития уголовного права и связанных с ним отраслей в рамках заданной тематики.

**УДК 343
ББК 67.408**

ISBN 978-5-87203-558-9

© М. А. Хомякова, 2024
© Уральский государственный аграрный университет, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Глава 1. ГЕНЕЗИС ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОРГАНОВ И ТКАНЕЙ ЧЕЛОВЕКА	15
1.1. Органы и ткани человека: понятие, содержание и правовое регулирование в Российской Федерации	15
1.2. Международно-правовое регулирование отношений, связанных с органами и тканями человека	36
1.3. Исторический аспект правового регулирования отношений в сфере регулирования органов и тканей человека	53
Глава 2. ОРГАНЫ И ТКАНИ ЧЕЛОВЕКА КАК ПРЕДМЕТ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	63
2.1. Преступления, связанные с каннибализмом, и наказание за них	63
2.2. Уголовно-правовая охрана отношений в сфере трансплантологии	81
2.3. Незаконное проведение искусственного прерывания беременности: вопросы квалификации и уголовного наказания	107
2.4. Торговля людьми с целью изъятия органов и тканей человека: вопросы квалификации	119
2.5. Надругательство над телами умерших: вопросы квалификации и уголовного наказания	126
Глава 3. ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РАМКАХ ОХРАНЫ ОТНОШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОРГАНАМИ И ТКАНЯМИ ЧЕЛОВЕКА	139
3.1. Вопросы квалификации преступлений, предметом которых являются органы и ткани человека	139
3.2. Предложения по совершенствованию уголовного законодательства в сфере защиты органов и тканей	149
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	157
БИБЛИОГРАФИЯ	165

ВВЕДЕНИЕ

Конституция Российской Федерации¹ устанавливает, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью (ст. 2). Конкретизируя данное положение, Основной закон России регламентирует такие права человека, как право на жизнь (ч. 1, ст. 20), право на личную неприкосновенность (ч. 1, ст. 22), закрепляет норму о защите достоинства личности (ч. 1, ст. 21). При этом, как неоднократно подчеркивал в своих решениях Конституционный суд России, содержание данных прав составляет не только охрана прав и свобод человека как личности, но и как *живого организма*². В этом смысле, как отметил Европейский суд по правам человека в постановлении от 16 января 2014 г. по делу «Куштова (Kushtova) и другие против Российской Федерации» (жалоба № 21855/07)³, особым предметом правовой охраны и защиты становятся отношения, сложившиеся вокруг использования органов и тканей человека. В то же время следует подчеркнуть, что ни в российской, ни в зарубежной правовой доктрине не утвердился единый подход к определению содержания категории «органы и ткани человека». Вместе с тем, как справедливо отмечал советский

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) // Российская газета. 1993 г. 25 декабря.

² См., например: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 марта 2017 г. № 494-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Парапана Евгения Ивановича на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 12.8 и примечанием к данной статье Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «Гарант»; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 мая 2012 г. № 880-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч. П. и Ч. Ю. на нарушение их конституционных прав положениями пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» // СПС «Гарант»; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2016 г. № 120-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Королева Николая Валентиновича и Королевой Вероники Вадимовны на нарушение их конституционных прав пунктом «б» части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант».

³ Постановление Европейского Суда по правам человека от 16 января 2014 г. по делу «Куштова (Kushtova) и другие против Российской Федерации» (жалоба № 21855/07) // СПС «Консултант Плюс».

исследователь А. М. Васильев, определение содержания правовых категорий является одной из важнейших задач юридической гносеологии, поскольку позволяет установить сущность изучаемых явлений в правовой реальности и выявить основные закономерности онтологии права¹.

В этой связи представляется, что отсутствие единого методологического подхода к раскрытию свойств и сущности органов и тканей человека как юридической категории является одной из важнейших методологических проблем прав человека, в особенности в аспекте их уголовно-правовой охраны.

Мировая статистика говорит о высоком количестве тяжких преступлений, связанных с органами и тканями человека: около 10 % всех трансплантаций в мире происходит нелегально, в том числе с использованием незаконно приобретенного донорского материала².

Растет количество правоотношений относительно органов и тканей человека: с каждым годом увеличивается количество трансплантологических операций, развивается институт суррогатного родительства и т. д. Подобные отношения требуют соответствующего правового регулирования, в том числе и уголовного: жизнь и здоровье человека являются высшей ценностью, что закреплено в Конституции Российской Федерации, эта ценность нуждается в уголовно-правовой защите, но ввиду несовершенства современного уголовного закона и практики его применения в сегменте преступлений, предметом которых выступают органы и ткани человека, жизнь и здоровье человека остаются незащищенными в должной мере.

Научные исследования по указанной тематике встречаются в работах следующих авторов: А. В. Бриллиантов, Я. Е. Иванова, С. А. Дронова, Е. А. Капитонова, О. В. Романовская, Г. Б. Романовский, Т. А. Фабрика, О. А. Эльязов пишут о проблемах криминальной трансплантологии в мире в целом и в Российской Федерации в частности, а также о методах борьбы с ней. В работах этих авторов предлагаются пути решения проблемы криминализации незаконных сделок, предметом которых выступают органы и ткани человека,

¹ Васильев А. М. Правовые категории: Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юрид. литература, 1976. С. 41–42.

² Delmonico Francis L. The Implications of Istanbul Declaration on organ trafficking and transplant tourism // Current Opinion in Organ Transplantation. 2009. № 14 (2). С. 116–119.

правового регулирования операций, связанных с трансплантологией, повышения общего уровня грамотности населения в вопросах трансплантации. Несмотря на все предложения указанных авторов, в том числе и на предложения об изменении медицинского и уголовного законодательств в части донорства органов и тканей человека, остаются трудности с квалификацией трансплантологических преступлений и применения соответствующих норм на практике.

Л. И. Кулицкая, С. Н. Мызров, В. А. Нагорный пишут о правовом регулировании клеточных и медицинских продуктов: данное направление в медицине является одним из самых молодых, не сформирована нормативная база, регулирующая подобные отношения. Указанные авторы предлагают пути формирования законодательства в данной сфере, в том числе и установления уголовной ответственности за посягательства на подобные продукты. Несмотря на это, вопросы регулирования настоящих отношений остаются открытыми: нет устоявшейся догматической основы, нет устоявшейся нормативной базы и практики ее применения.

Ю. М. Антонян, Н. А. Колчина, Н. Быкова, Р. Свобода, С. В. Тасиков являются авторами научных работ о каннибализме, где поднимают вопрос о необходимости установления уголовной ответственности за антропофагию, поскольку данное явление является общественно опасным и аморальным. В современном уголовном праве, как отмечают данные авторы, существует уголовная ответственность лишь за каннибализм, связанный с причинением вреда жизни и здоровью человека, но и в этом случае правоприменительная практика не устоялась: нет определенной статьи, устанавливающей ответственность за поедание человеком человека. В работах этих авторов не предложены конкретные изменения в действующий УК РФ, а также рекомендаций по применению норм действующего законодательства относительно каннибализма.

Признавая теоретическую и практическую значимость данных исследований, стоит отметить, что на сегодняшний день фактически существуют пробелы в законодательстве, регулирующем отношения по поводу органов и тканей человека, в частности, отсутствие уголовного наказания в России за каннибализм и торговлю органами и тканями потерпевшего, если таковые проведены без причинения вреда жизни и здоровью человека (изъятые в ходе планового оператив-

ного вмешательства либо изъяты у трупа), отсутствие предложений по урегулированию пробелов в таком законодательстве, различные мнения ученых-правоведов, которые де-факто не предлагают решения указанных проблем, отсутствие легального определения понятия «органы и ткани человека» в российском законодательстве говорят о низкой степени научной и практической разработанности темы данного исследования.

Объектом исследования выступают общественные отношения по поводу охраны органов и тканей человека средствами уголовного права, их использования и обращения в преступных целях.

Предметом исследования являются правовые нормы российского и зарубежного уголовного законодательства, устанавливающие ответственность за преступления, предметом которых выступают органы и ткани человека, а также нормы российского права, регулирующие отношения, возникающие относительно органов и тканей человека; положения науки уголовного права; судебная практика и деятельность правоохранительных органов относительно квалификации преступных деяний, где предметом выступают органы и ткани человека при их использовании с определенной целью (что четко выражается, например, в диспозиции п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ – «убийство с целью использования органов и тканей человека»), а не при воздействии на них, как в случае со всеми преступлениями, объектом которых выступают органы и ткани человека.

Цель исследования состоит в совершенствовании механизма уголовно-правовой охраны отношений, предметом которых являются органы и ткани человека.

Для достижения указанной цели поставлены и решены следующие задачи исследования:

1. Систематизировать концептуальные подходы к определению содержания органов и тканей человека как правовой категории. Провести критический анализ этой категории, сформулировать определение соответствующих понятий в рамках уголовно-правовых дисциплин.
2. Изучить международно-правовое регулирование отношений, связанных с органами и тканями человека.
3. Определить ключевые проблемные аспекты, связанные с квалификацией преступлений, предметом которых выступают

органы и ткани человека, а именно сложность определения цели преступления; несформировавшаяся практика применения статей, предметом которых выступают органы и ткани человека, отсутствие единой позиции судебных органов о криминализации деяний, связанных с использованием органов и тканей человека.

4. Провести научный анализ составов преступления, где предметом выступают органы и ткани человека: п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ, п. «ж» ч. 2 ст. 111 УК РФ, ст. 120 УК РФ, ст. 123 УК РФ, ст. 244 УК РФ.
5. Сформулировать предложения по совершенствованию уголовного законодательства Российской Федерации в части преступлений, предметом которых являются органы и ткани человека.

Методологическую основу исследования образует метод всеобщего познания. При подготовке монографии применялись статистический, социологический, формально-логический методы, сопоставительный анализ.

Нормативную базу исследования составляет законодательство России и зарубежных стран, в том числе Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовный кодекс Республики Беларусь, Уголовный кодекс Республики Казахстан, российское медицинское законодательство и ряд международных правовых актов.

Теоретическую основу исследования составили работы таких ученых, как J.-R. Binet, D. H. Davis, B. Hankins, E. Jackson, R. Scott, М. М. Абакумов, И. Авдеев, Е. Г. Азарова, Э. М. Алсынбаева, Ю. М. Антонян, О. Н. Барабанова, П. М. Богопольский, А. И. Бойко, А. В. Бриллиантов, А. Бурков, А. В. Винницкий, К. А. Волков, И. В. Выдрин, И. В. Гецманова, В. А. Голиченков, В. И. Грехнева, А. В. Демин, А. М. Диноршоев, С. А. Дронова, К. В. Дядюн, Н. А. Емельянова, О. И. Еремеева, О. Ю. Еремина, Д. А. Ефременкова, К. Ю. Жилияков, Е. А. Иванов, Я. Е. Иванова, А. В. Калужская, Е. А. Капитонова, А. В. Карачун, Ф. Г. Кипарисов, В. Г. Нестолий, Е. Н. Никерясова, О. В. Романовская, Г. Б. Романовский, Н. А. Сайфуллина, Т. В. Слюсаренко и др.

Работы этих авторов посвящены проблеме правового регулирования органов и тканей человека: в трудах ученых раскрываются вопросы преступного посягательства на органы и ткани человеческого организма; выносятся предложения по реформированию законодательства в части охраны отношений, возникающих относительно органов и тканей человека, и т. д.

Эмпирической основой исследования послужили Постановления Европейского суда по правам человека, Постановления и Определения Конституционного суда Российской Федерации, Приговоры и Постановления Верховного суда Российской Федерации, Приговоры российских судов различных уровней: проведен более сотни уголовных дел по тематике данного исследования. Проанализированные в ходе исследования судебные акты были вынесены в результате рассмотрения дел, связанных с криминальным использованием органов и тканей человека. Был проведен обзор статистики осужденных в России по статьям с составами, предметом которых являются органы и ткани человека. Также рассмотрены исторические и культурные казусы, связанные с использованием (в том числе и криминальным) органов и тканей человека.

Научная новизна исследования определяется тем, что оно является первым комплексным исследованием в области уголовного права, где изучаются органы и ткани человека как предмет преступления, то есть как то, ради чего субъект преступления совершает преступные деяния.

Основные тезисы работы:

1. В работе предлагается закрепить определение понятия «органы и ткани человека» в правовом поле для единообразия судебной практики. В результате исследования выявлено, что термин «органы и ткани человека» некорректен: в медицинской терминологии органы также являются разновидностью тканей, поэтому с точки зрения логики понятие «органы и ткани человека», используемое в российском уголовном законодательстве, включая некоторые уголовно-правовые нормы, является неверным, поскольку звучит как соотношение целого и его части, а именно «некоторые ткани и ткани человека».

В п. 9 ст. 2 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах» содержится определение биоло-

гического материала человека (БМЧ)¹. Согласно данной норме, БМЧ являются биологические жидкости, ткани, клетки, секреты и продукты жизнедеятельности человека, физиологические и патологические выделения, мазки, соскобы, смывы, биопсийный материал. Предлагается добавить в указанную норму следующее: «Биологический материал человека (*органы и ткани человека*) – это...».

2. Необходимо устранить пробел в законодательстве о криминализации сделок, предметом которых выступают органы и ткани человека. Выявлены несоответствия между нормами медицинского и уголовного права: в ст. 1 Закона РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» от 22.12.1992 № 4180-1 сказано об уголовной ответственности за куплю-продажу органов и тканей человека. Однако в самом уголовном законодательстве Российской Федерации наказания за такие сделки не предусмотрено.

В связи с этим предлагается исключить ст. 1 Закона РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» от 22.12.1992 № 4180-1 фразу про уголовную ответственность за гражданско-правовые сделки с органами и тканями человека.

3. Необходимо расширить понимание такого предмета преступления, как органы и ткани человека, потому что в ходе работы выявлено, что уголовное наказание в Российской Федерации предусмотрено только за те преступления, предметом которых являются органы и ткани человека, если нанесен вред жизни и здоровью потерпевшего. Если органы и ткани человека добыты без причинения жизни и вреда его здоровью (например, ампутированы в результате оперативного вмешательства), то их купля-продажа, употребление их в пищу, использование их в донорских целях и т. д. не являются уголовно наказуемыми. Подобные разъяснения необходимо дать в п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)».
4. Закрепить в тексте Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах» создание

¹ Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах» (ред. от 03.08.2018) // СЗ РФ. 2016. № 26 (часть 1). Ст. 3849.

единой базы для выявления согласия на посмертную трансплантацию органов и тканей человека во избежание в дальнейшем судебных разбирательств относительно посмертного использования органов и тканей человека в донорских и иных целях.

5. Закрепить уголовную ответственность в части установления наказания за незаконное использование органов и тканей человека.

Расположение данной нормы должно быть именно в 24 главе Уголовного кодекса России, потому что, как было выявлено ранее, при купле-продаже органов и (или) тканей человека жизнь и здоровье могут и не пострадать, в то время как общественный порядок (опираясь на мнение представителей ВОЗ) как раз подвергнется опасности. На случай, если купля-продажа органов и (или) тканей человека повлечет за собой по неосторожности вред жизни либо здоровью, а также будет совершена группой лиц, либо с применением насилия, либо лицом, имеющим медицинское образование, предлагается ввести квалифицированный состав. Наказание предлагается аналогичное тому, которое предусмотрено санкцией ст. 244 УК РФ, за исключением ареста до трех месяцев, поскольку арестные дома в Российской Федерации отсутствуют и данный вид наказания неисполним¹. Учитывая, что в качестве квалифицированного состава предлагается исполнение того же деяния лицом, имеющим медицинское образование, необходимо также предусмотреть санкцию в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Теоретическая значимость исследования заключается в возможности применения результатов научного исследования в подготовке законодательных актов, регулирующих отношения в сфере использования органов и тканей человека, устранения пробелов в законе (включая уголовный).

Практическая значимость исследования проявляется в том, что гносеологическая рефлексия категории «органы и ткани человека»

¹ Лавриненко М. В., Минаков Г. Л. К вопросу о применении ареста как вида уголовного наказания в Российской Федерации // Евразийская юридическая конференция: сб. ст. по итогам науч.-практ. конф. (Пенза, 23 мая 2018 г.). Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. С. 112–115.

в уголовно-правовой науке позволит предотвратить потенциальные ошибки в квалификации преступлений, выявить и устранить коллизии и противоречия в федеральном законодательстве, предложить наиболее фактуально адекватный подход к законодательному определению биологического материала человека. Выводы, сформулированные по результатам настоящего исследования, могут быть использованы в рамках преподавания учебных курсов «Уголовное право», «Медицинское право», «Теория и практика квалификации преступлений» в юридических высших учебных заведениях, а также учебного курса «Биологическая этика» в рамках направления подготовки «Лечебное дело». Предложения, сформулированные в настоящей работе в порядке *de lege ferenda*, могут быть использованы при совершенствовании законодательства и юридической практики, в том числе и при подготовке проектов постановлений Пленума Верховного суда Российской Федерации. Значимость настоящего исследования в прикладном аспекте также состоит в том, что выводы, сделанные по его результатам и доказанные доктринально и нормативно, могут использоваться при обосновании субъективных требований и притязаний, вытекающих из отношений по охране биологического достоинства человека, в плоскости гражданского судопроизводства.

Глава 1

ГЕНЕЗИС ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОРГАНОВ И ТКАНЕЙ ЧЕЛОВЕКА

1.1. Органы и ткани человека: понятие, содержание и правовое регулирование в Российской Федерации

Особым объектом правовой охраны являются органы и ткани человека. Этот тезис подтверждается тем, что российские и международные правовые акты в значительной степени регулируют положения касательно указанных предметов. Согласно положениям ст. 2 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ), человек, его права и свободы являются высшей ценностью в нашем государстве. Конституционный суд РФ неоднократно высказывал свою позицию о том, что человек ценен в том числе и как *живой организм*¹.

¹ См., например: Определение Конституционного суда Российской Федерации от 28 марта 2017 г. № 494-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Парапана Евгения Ивановича на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 12.8 и примечанием к данной статье Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «Гарант»; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 мая 2012 г. № 880-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч. П. и Ч. Ю. на нарушение их конституционных прав положениями пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» // СПС «Гарант»; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2016 г. № 120-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Королева Николая Валентиновича и Королевой Вероники Вадимовны на нарушение их конституционных прав пунктом «б» части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант».

В Российской Федерации законодательно не закреплено понятие органов и тканей, несмотря на то что данные термины неоднократно использовались законодателем. Примером тому служат такие нормативные акты и нормы российского права: Закон РФ от 22.12.1992 № 4180-1 (ред. от 23.05.2016) «О трансплантации органов и (или) тканей человека»¹, ст. 120 Уголовного кодекса (далее – УК) Российской Федерации² «Принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации», ст. 47 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 19.07.2018) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»³ (далее – ФЗ об основах охраны здоровья) «Донорство органов и тканей человека и их трансплантация (пересадка)», ст. 68 того же закона «Использование тела, органов и тканей умершего человека» и т. д. Далее в исследовании будет более подробно правовое регулирование органов и тканей человека.

В медицинской и правовой научной и учебной литературе даны понятия интересующих терминов, однако в рамках данного исследования будут приведены лишь те, которые наиболее полно отразят суть.

Ткань – это система клеток и внеклеточных структур, объединенных единством происхождения, строения и функций⁴.

Органом называется часть тела, которая имеет определенную форму, строение, занимает соответствующее место и выполняет специфическую функцию⁵.

Подобные определения даны в ст. 1 Соглашения о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с торговлей людьми, органами и тканями человека, согласно которой:

орган – часть организма, представляющая собой эволюционно сложившийся комплекс тканей, объединенный общей функцией, структурной организацией и развитием;

¹ Закон РФ от 22.12.1992 № 4180-1 (ред. от 23.05.2016) «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // <http://www.pravo.gov.ru>.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2018 // <http://www.pravo.gov.ru>.

³ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 19.07.2018) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // <http://www.pravo.gov.ru>.

⁴ См.: Федюкович Н. И. Анатомия и физиология человека: учеб. пособие. 2-е изд. Ростов н/Д: Феникс, 2003. 416 с.

⁵ См.: Там же.

ткань – система клеток и неклеточных структур, объединенных общей функцией, строением и (или) происхождением¹.

И законодательство, и медицинская литература говорят, что органы и ткани человека взаимосвязаны, поскольку любой орган формируется из одной или нескольких тканей², отсюда следует вывод, что понятие «ткани человека» шире понятия «орган человека». Более того, первое охватывает второе, поскольку, судя из определений, органы являются разновидностью тканей. Исходя из этого, казалось бы, последовательным было бы рассматривать лишь ткани человека, поскольку это понятие охватывает также понятие органов. Тем не менее в медицинской литературе используются два термина, а не один, как и в законодательстве. Именно поэтому в рамках данного исследования будет проводиться научная работа с использованием понятий как тканей, так и органов человека (однако в судебной практике иногда используется термин «ткани», а не «органы и ткани»). Дмитрий Лучин был осужден за убийство с целью использования тканей потерпевшей³.

В ходе научной работы возник вопрос: входят ли биологические жидкости человека в предмет данного исследования? Оказывается, медики придерживаются точки зрения, что многие жидкости организма можно квалифицировать как жидкие ткани, в связи с чем кровь, сперму, лимфу и прочие жидкости организма также предлагается возможным включить в предмет данного исследования⁴.

Вопрос правового регулирования органов и тканей человека весьма интересен в рамках философско-методологического подхода: как было сказано выше, в современном российском праве нет четкого определения понятия «органы и ткани человека». Более того, используя эту формулировку, законодатель допускает логическую ошибку, включая в перечисление объектов синонимы (ведь органы также

¹ Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с торговлей людьми, органами и тканями человека (Заключено в г. Москве 25.11.2005) // Бюллетень международных договоров. 2007. № 6. С. 5–11.

² См.: Федюкович Н. И. Указ соч.; Перез В. Большой атлас анатомии человека. СПб.: Астрель, 2017. 192 с.; Иваницкий М. Ф. Анатомия человека (с основами динамической и спортивной морфологии): учеб. для ин-тов физической культуры. 7-е изд. / под ред. Б. А. Никитюка, А. А. Гладышевой, Ф. В. Судзиловского. М.: Олимпия, 2008. 624 с.

³ См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14.02.2019 № 84-АПУ19-2 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Перез В. Большой атлас анатомии человека. СПб.: Астрель, 2017. 192 с.

являются разновидностью тканей живого организма). Закрепленное в правосознании выражение «органы и ткани» для медиков звучит все равно что «ткани в общем и отдельные виды тканей человека»: в рамках правового поля в одном и том же термине используется общее и частное, что является весьма сомнительным подходом с точки зрения логики.

С учетом вышеизложенного использование термина «ткани человека» в законах и научных источниках права было бы более логичным и рациональным, однако мы вынуждены пользоваться термином «органы и ткани человека», поскольку именно это словосочетание используется в отечественных нормативных правовых актах и нормах права:

- закон РФ от 22.12.1992 № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека»¹;
- статья 120 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее в тексте – УК РФ): «Принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации»²;
- статья 68 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»³: «Использование тела, органов и тканей умершего человека».

Это далеко не полный перечень нормативных актов и норм права, в которых используется термин «органы и (или) ткани человека».

Следует отметить, что в п. 9 ст. 2 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах» содержится определение биологического материала человека (БМЧ)⁴. Согласно данной норме, БМЧ являются биологические жидкости, ткани, клетки, секреты и продукты жизнедеятельности человека, физиологические и патологические выделения, мазки, соскобы, смывы, биопсийный материал. Это определение по своему существу тождественно приведенным выше определениям органов и тканей

¹ Закон РФ от 22.12.1992 № 4180-1 (ред. от 23.05.2016) «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // <http://www.pravo.gov.ru>.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019) // <http://www.pravo.gov.ru>.

³ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 31.01.2019) // <http://www.pravo.gov.ru>.

⁴ Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах» (ред. от 03.08.2018) // СЗ РФ. 2016. № 26 (часть I). Ст. 3849.

человека, поэтому предлагается в данном исследовании считать термины «биологический материал человека», а также «органы и ткани человека», «органы», «ткани» синонимами – терминами, обозначающими одно и то же понятие¹. Однако в уголовном законодательстве используется термин «органы и ткани человека», поэтому именно такая формулировка заявлена в теме данного исследования.

В начале параграфа было сказано о том, что легальное определение понятия органов и тканей человека в законодательстве России отсутствует. Тем не менее данный термин встречается в нормативных правовых актах и является предметом многих отношений, регулируемых законодательством, среди которых:

- трансплантация органов и тканей человека²;
- убийство с целью использования органов и тканей человека³;
- причинение тяжкого вреда здоровью человека с целью использования органов и тканей человека⁴.

Как видно из исследования, вопрос о том, что же является органами и тканями человека, а также возможно ли применение термина «биологический материал человека», остается для российского права дискуссионным. В связи с этим необходимо закрепить законодательно определение понятия, столь часто используемого законодателем.

Поскольку понятие органов и тканей человека относится в первую очередь к медицине, то соответствующее определение необходимо включить в текст нормативного правового акта из сферы здравоохранения. В таком случае иные нормы (например, п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ), в которых содержится понятие «органы и ткани человека», станут бланкетными. Как отмечает профессор А. В. Винницкий, придание норме бланкетного характера – самый простой и удобный прием для законодателя и является своеобразной «законодательной экономией»⁵.

¹ Хомякова М. А. Целесообразность использования понятия «биологический материал» в уголовном законодательстве Российской Федерации // Современное право. 2023. № 3. С. 115–117.

² Закон РФ от 22.12.1992 № 4180-1 (ред. от 23.05.2016) «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // <http://www.pravo.gov.ru>.

³ Пункт «м» ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации.

⁴ Пункт «ж» ч. 2 ст. 111 Уголовного кодекса Российской Федерации.

⁵ Винницкий А. В. Административная ответственность арбитражных управляющих: динамика и практика применения новых норм КоАП РФ // Административное и муниципальное право. 2017. № 12. С. 11–25.

Однако принимая во внимание тот факт, что определение понятия «биологический материал человека» содержится в нормативном акте федерального уровня, а также то, что в ходе исследования было выявлено, что с точки зрения медицины понятия «биологический материал человека» и «органы и ткани человека» (точнее сказать – ткани человека) являются тождественными, предлагается заменить термин «органы и ткани человека» в нормативных актах (в том числе и в Уголовном кодексе Российской Федерации) термином «биологический материал человека».

Также остро стоит вопрос о том, стоит ли считать человеческий эмбрион биологическим материалом человека? Российский законодатель не дает четкого ответа на данный вопрос, чем вызывает дискуссию в российском юридическом научном сообществе.

Согласно п. 1 ст. 1115 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее в тексте ГК РФ), к наследованию могут призываться граждане, находящиеся в живых в момент открытия наследства, а также зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства¹. Данная норма права свидетельствует о том, что наследственные права эмбриона в Российской Федерации закреплены и охраняются с момента зачатия ребенка. Отмечается, что в наследственном праве России такой субъект называется *nasciturus*, что в переводе с латыни означает «тот, кто *должен* родиться»². Данная норма является наследием римского частного права, согласно положениям которого нерожденный ребенок мог наследовать имущество своего отца (естественно, подразумевалось, что этот ребенок будет зачат до смерти родителя). Будущая мать наследника, овдовев, могла даже нанять попечителя, который бы распоряжался унаследованным имуществом ее пока не рожденного ребенка³.

Однако прервать беременность в соответствии с законодательством Российской Федерации можно до 12 недель (ч. 2 ст. 56 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «Об основах

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 03.08.2018) с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2019 // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

² Еремеева О. И., Сайфуллина Н. А. К вопросу о принятии и правовом положении эмбриона человека // Инновационная наука. 2016. № 3. С. 41.

³ Тертуллиан К. С. Ф. Апология VIII в. Т. 8: Богословские труды: сб. 25. М., 1984. С. 181.

охраны здоровья граждан в Российской Федерации»)¹, а искусственное прерывание беременности по социальным показаниям проводится при сроке беременности до 22 недель, а при наличии медицинских показаний – независимо от срока беременности (ч. 2 ст. 56 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 29.05.2019)).

Анализ указанных норм показывает, что наследственные права эмбриона охраняются больше, чем право человеческого эмбриона на жизнь. Однако обладает ли человеческий эмбрион этим правом на жизнь? Плод становится человеком в момент рождения. В отечественном законодательстве также не определен момент, когда этот момент наступает. Так, п. 1 ст. 49 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ говорит о том, что рождением является момент отделения плода от организма матери посредством родов.

Складывается парадоксальная ситуация: согласно гражданскому законодательству Российской Федерации, эмбрион обладает наследственным правом, что приравнивает его к иным субъектам наследственного права, являющимся людьми. Однако право на жизнь эмбриона может быть нарушено до 12 недель беременности по желанию матери и на всем протяжении беременности по медицинским показателям. Однако согласно ст. 2 Конституции Российской Федерации, человек, его права и свободы являются высшей ценностью в нашей стране. Нерожденный эмбрион человеком не является, права на жизнь у него в общепринятом смысле нет, а вот право стать наследником есть. Тем не менее, принимая во внимание тот факт, что жизнь человека начинается с момента рождения, несмотря на все парадоксы конституционного и гражданского законодательства, мы будем считать, что эмбрион до рождения не является человеком.

Этот же тезис поддерживается и положениями уголовного закона Российской Федерации: в ст. 123 УК РФ («незаконное прерывание беременности») в роли потерпевшего выступает беременная женщина, беременность которой прерывается. Эмбрион (несмотря на то что он обладает правом на наследование) потерпевшим не является, потому что он не обладает правом на жизнь в связи с тем, что жизнь наступает в результате рождения. Даже если предположить, что в ходе неудач-

¹ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

ной операции по прерыванию беременности, которая будет произведена на позднем сроке, эмбрион выживет и станет обладать статусом человека, вследствие чего у него появится право на жизнь, этот человек не будет потерпевшим, поскольку в момент совершения деяния он еще не был рожден, не обладал правом на жизнь, соответственно, на это право не могло бы быть совершено преступное посягательство. Более того, если женщина добровольно пошла на преступное прерывание беременности, организовала это деяние, то она все равно будет являться потерпевшей, но не организатором прерывания жизни ее же нерожденного ребенка. То есть если женщина пошла на криминальный аборт, то она является жертвой, но если она убьет своего новорожденного ребенка, то та же женщина становится субъектом состава, предусмотренного ст. 106 УК РФ. Временная разница между этими двумя деяниями может быть ничтожно мала: ровно на столько, сколько занимает процесс рождения человека.

В связи с этим в литературе отмечается нивелирование зарождающейся человеческой жизни в правовой системе России¹. Можно согласиться с данным тезисом или отрицать его, однако до момента отделения эмбриона от тела матери посредством родов он не является человеком и не обладает правом на жизнь. В связи с этим, следуя императивному принципу, возможно выдвинуть тезис о том, что человеческий эмбрион (до момента его рождения) представляется возможным считать биологическим материалом человека. Более того, согласно ст. 2 Закона «О трансплантации органов и (или) тканей человека», эмбрион относится к «органам, частям и тканям, имеющим отношение к процессу воспроизводства человека». При этом в данной норме отмечено, что положения этого Закона не распространяется на данные органы, части и ткани человека, на эмбрионы (и прочий БМЧ, имеющий отношение к процессу воспроизводства). Соответственно, эмбрион может быть продан, подарен, сдан в аренду (в теории) и выступать предметом иных гражданско-правовых сделок, а также быть предметом состава, описанного в ст. 123 УК РФ. Однако не является ли продажа эмбриона, который может быть выращен

¹ Крылатова И. Ю. Право ребенка на жизнь как элемент основ конституционного строя // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 4. С. 13.

в полноценного человека, предвестником легализации ст. 127.1 УК РФ (торговля людьми)?

Вопрос, безусловно, неоднозначный. В теории права и философии сформировалось несколько подходов по данному поводу. Согласно абсолютистской теории, эмбрион является человеком с момента его зачатия. Эмбрион представляет собой абсолютную ценность и обладает правом на жизнь, которое должно оберегаться законом и государством на любой стадии развития зародыша. Сторонники данной теории заявляют, что с точки зрения современной медицины жизнь человека начинается с момента слияния женских и мужских половых клеток, получения ядра и обретения уникального генетического кода, то есть с момента зачатия¹. Безусловно, с позиции абсолютистов человеческий эмбрион не может являться органом или тканью и выступать предметом в правовых отношениях, поскольку является живым и имеет высокий потенциал развития в человека, обладающего правами и свободами, гарантированными национальными и международными законами².

Представители либерального подхода поддерживают точку зрения, согласно которой человеческий эмбрион на любой стадии развития не является личностью, в связи с чем не представляет ценности для общества и не обладает правом на жизнь, соответственно, государство не должно защищать его. Приверженец данного подхода М. Тулли отмечает: «Организм обладает правом на жизнь только в случае, если он осознает себя развивающимся субъектом, обладает жизненным опытом и другими умственными способностями»³. Данная теория подвергается сомнению в силу ряда факторов. Для начала следует отметить спорное высказывание, называющее жизненный опыт умственными способностями. Затем – сразу после рождения (то есть после официального начала жизни) человек не обладает личностью в полном смысле слова. Безусловно, новорожденного можно идентифицировать как человека, однако психологи говорят, что становление личности – это процесс социализации человека, заключающийся

¹ Голиченков В. А., Иванов Е. А., Никерясова Е. Н. Эмбриология: учеб. для студ. университетов. М.: Академия, 2004. С. 17–24.

² Еремеева О. И., Сайфуллина Н. А. Указ. соч. С. 42.

³ Перевозчикова Е. В., Панкратова Е. А. Конституционное право на жизнь и правовой статус эмбриона // Медицинское право. 2006. № 2.

в освоении им своей родовой, общественной сущности в конкретно-исторических обстоятельствах и связанный с принятием индивидом выработанных в обществе социальных функций и ролей, норм и правил поведения, с формированием умения выстраивать отношений с другими¹. Исходя из этого только что рожденного человека нельзя назвать личностью, поэтому и его жизнь, согласно аргументации, высказанной представителями либерального подхода, не представляет социальной ценности и не должна охраняться государством. Однако такое заявление идет в разрез с нормами права, согласно которым человеческая жизнь начинается с момента рождения и представляет собой высшую ценность независимо от того, успела ли сформироваться личность у человека.

Наиболее приемлемой, на взгляд автора, является умеренная позиция, согласно которой эмбрион развивается в человеческое существо постепенно, и возникновение у него права на жизнь связано с определенным уровнем развития и жизнеспособности, подтвержденных медицинскими факторами. Сроки прерывания беременности, указанные в российском законодательстве, не противоречат срокам, указанным в актах международного права. Исходя из этого человеческий эмбрион можно назвать биологическим материалом человека, который имеет, однако, значительную, но не абсолютную ценность.

Ранее в тексте данного исследования неоднократно упоминался Закон «О трансплантации органов и (или) тканей человека». Повторимся, что с точки зрения юридической техники, логики, а также соотношения общего и частного название данного акта корректнее было бы переформулировать как «О трансплантации тканей человека» или «О трансплантации биологического материала человека».

В рамках данной работы предлагается исключить из ст. 2 Закона «О трансплантологии органов и (или) тканей человека» слова о том, что положения указанного закона не распространяется на половые клетки и человеческие эмбрионы, (в том числе это касается торгово-денежных отношений относительно эмбриона), поскольку каждый эмбрион может потенциально развиваться в полноценного человека, а торговля людьми запрещена уголовным законом. При этом иные

¹ Торгонский В. В. Формирование личности, индивидуальности и ее интегративных качеств // Историческая и социально-образовательная мысль. 2010. № 4 (6). С. 96.

нормы права (например, ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» не запрещают куплю-продажу таких органов и тканей.

Согласно Приложению к приказу Министерства здравоохранения Российской Федерации и Российской академии наук от 4 июня 2015 г. № 306н/3, объектами трансплантации могут являться амниотическая оболочка, белочная оболочка яичка, васкуляризированный комплекс мягких тканей, включающий дермальный слой кожи, подкожную жировую клетчатку и мышцы, верхняя конечность и ее фрагменты, височная фасция, глазное яблоко (роговица, склера, хрусталик, сетчатка, конъюнктивы), кишечник и его фрагменты, комплекс легкое – сердце, кости свода черепа, костный мозг и гемопоэтические стволовые клетки, легкое, нижняя конечность и ее фрагменты, нижняя конечность, печень, поджелудочная железа с 12-перстной кишкой, подкожно-жировая клетчатка подошвенной области стопы, почка, селезенка, сердце, серозная капсула печени, сосуды (участок сосудистого русла), трахея, фиброзная капсула почки, эндокринные железы (гипофиз, надпочечники, щитовидная железа, паращитовидная железа, слюнная железа, яичко)¹.

Данный перечень не противоречит тексту ст. 2 Закона «О трансплантации органов и (или) тканей человека». Однако во втором абзаце указанной статьи сказано, что «действие настоящего Закона не распространяется на органы, их части и ткани, имеющие отношение к процессу воспроизводства человека, включающие в себя репродуктивные ткани (яйцеклетку, сперму, яичники, яички или эмбрионы), а также на кровь и ее компоненты». В связи с этим возникает юридико-технический вопрос относительного правового регулирования трансплантации мужских тестикул: согласно п. 24 Приложения к приказу Министерства здравоохранения Российской Федерации и Российской академии наук от 4 июня 2015 г. № 306н/3, мужские яички являются объектами трансплантологии, однако на данный объект трансплантологии не распространяется действие основного нормативного правового акта федерального уровня, который регу-

¹ Приказ Минздрава России, РАН от 04.06.2015 № 306н (ред. от 01.10.2018) «Об утверждении перечня объектов трансплантации» (зарегистрировано в Минюсте России 18.06.2015 № 37704) // СПС «КонсультантПлюс».

лирует отношения, связанные трансплантологией органов и (или) тканей человека.

Также, исходя из текста указанной статьи, отношения, связанные с иными органами, их частями и тканями, имеющими отношение к процессу воспроизводства человека, включающие в себя репродуктивные ткани, не регулируются Законом «О трансплантации органов и (или) тканей человека». Однако Приложение к приказу Министерства здравоохранения Российской Федерации и Российской академии наук от 4 июня 2015 г. № 306н/3 не говорит о том, что данные органы могут быть объектами трансплантации.

Иными словами, если в нормативном акте, носящем императивный характер, не содержится информации о том, что яйцеклетки, сперма, яичники и эмбрионы могут быть объектами трансплантологии, то имеет ли смысл оговорка во втором абзаце ст. 2 Закона «О трансплантации органов и (или) тканей человека» о том, что на указанные органы и ткани человеческого организма не распространяется действие данного Закона? И есть ли смысл называть мужские яички объектом трансплантации, если на них все равно не распространяется действие Закона?

При этом матка хоть и является органом, связанным с репродуктивной системой человека, в указанном перечне отсутствует, как и в ст. 2 Закона «О трансплантологии органов и (или) тканей человека». Однако в мире уже были проведены операции по пересадке данного органа¹. Поэтому в случае проведения аналогичной операции на территории Российской Федерации может возникнуть проблема с правовым регулированием данной трансплантации.

На взгляд автора данного исследования, следует включить в текст Приложения к приказу Министерства здравоохранения Российской Федерации и Российской академии наук от 4 июня 2015 г. № 306н/3, устанавливающего перечень объектов трансплантации, иные органы, их части и ткани, имеющие отношение к процессу воспроизводства человека, включающие в себя репродуктивные ткани. Еще одним аргументом в пользу исключения из ст. 2 Закона «О трансплантации органов и (или) тканей человека» второго абзаца «Действие настояще-

¹ Романовская О. В. Законодательство в сфере трансплантологии: проблемы и перспективы развития // Судья. 2016. № 11. С. 27–32.

го Закона не распространяется на органы, их части и ткани, имеющие отношение к процессу воспроизводства человека, включающие в себя репродуктивные ткани (яйцеклетку, сперму, яичники, яички или эмбрионы), а также на кровь и ее компоненты» служит тот аргумент, что, поскольку трансплантация данных органов и тканей все равно производится и если отношения относительно части указанных биологических материалов так или иначе регулируются российским законодательством (например, Федеральным законом от 20.07.2012 № 125-ФЗ «О донорстве крови и её компонентов»¹), то отношения относительно трансплантологических манипуляций с иными органами и тканями остаются неурегулированными в рамках правового поля. Статья 55 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» говорит лишь о применении вспомогательных репродуктивных технологий, которые, согласно ч. 1 данной нормы, «представляют собой методы лечения бесплодия, при применении которых отдельные или все этапы зачатия и раннего развития эмбрионов осуществляются вне материнского организма (в том числе с использованием донорских и (или) криоконсервированных половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов, а также суррогатного материнства)».

Неизъятие из оборота половых клеток ставит под угрозу семейные ценности, указанные в ст. 38 Конституции Российской Федерации, согласно которой материнство и детство, семья находятся под защитой государства, а воспитание детей и забота о них – это права и обязанности родителей. Люди, у которых были отчуждены половые клетки (в том числе и за денежную сумму), зачастую не могут в полной мере реализовывать свои родительские права и обязанности по отношению к своим биологическим детям, появившимся на свет в результате искусственных манипуляций.

Сегодня в ч. 3 ст. 52 Семейного кодекса Российской Федерации указано, что супруг, давший в порядке, установленном законом, согласие в письменной форме на применение метода искусственного оплодотворения или на имплантацию эмбриона, не вправе при оспаривании отцовства ссылаться на эти обстоятельства². А супруги,

¹ Федеральный закон от 20.07.2012 № 125-ФЗ (ред. от 07.03.2018) «О донорстве крови и ее компонентов» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

² Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 29.05.2019) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

давшие согласие на имплантацию эмбриона другой женщине, а также суррогатная мать не вправе при оспаривании материнства и отцовства после совершения записи родителей в книге записей рождений ссылаться на эти обстоятельства.

Да, к половым клеткам и человеческим эмбрионам можно относиться как к биологическому материалу, органам и тканям человеческого организма, но в результате такого отношения ставятся под угрозу семейные ценности, охраняемые Конституцией. Нарушаются права ребенка на общение с родителями, вопреки не только ч. 1 ст. 55 Семейного кодекса Российской Федерации, но и Конституции России, а также норм международного права (так, согласно ч. 3 ст. 24 Хартии Европейского союза об основных правах¹, каждый ребенок имеет право регулярно поддерживать личные взаимоотношения и непосредственные контакты со своими обоими родителями, если только это не противоречит его интересам).

Родитель вне зависимости от того, каким способом было произведено зачатие эмбриона (искусственным или естественным), не перестает быть биологическим родителем ребенка, который рождается в результате зачатия. Сам рожденный ребенок не выбирает способ, которым он будет зачат, однако ч. 3 ст. 52 Семейного кодекса Российской Федерации не только освобождает родителя от обязанностей по воспитанию ребенка, но и нарушает права ребенка на общение с родителями.

Что касается прерывания беременности, то не только в России данный вопрос вызывает своего рода дискуссии, поскольку, с одной стороны, эмбрион приравнен к биологическому материалу человека, а с другой, он обладает некоторыми правами и потенциально является новым членом общества, однако этот вопрос будет более подробно рассмотрен в следующем параграфе данного исследования.

Также суррогатное материнство, регулируемое в первую очередь ч. 9 и ч. 10 ст. 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», является отношениями, связанными с органами и тканями человека.

¹ Хартия Европейского союза об основных правах (2007/С 303/01) [рус., англ.] (вместе с Разъяснениями... (2007/С 303/02)) (Принята в г. Страсбурге 12.12.2007) // СПС «КонсультантПлюс».

С точки зрения уголовного права представляет особый интерес ст. 106 УК РФ, где потерпевшим является новорожденный, а субъектом – его мать. В случае с суррогатным материнством у ребенка есть биологическая мать, которая его не рожала, и мать-роженица, которая не является биологической родственницей младенца. Кто из этих женщин будет являться субъектом состава, предусмотренного ст. 106 УК РФ?

Законодатель не дает конкретного ответа на данный вопрос, однако догматические источники уголовного права говорят о том, что субъектом данного преступления будет являться именно мать-роженица, поскольку такое убийство является квалифицированным потому, что только что родившая женщина имеет особенности психоэмоционального и физического здоровья, что позволяет говорить о более мягком для нее наказании¹. Биологические родители умершего ребенка могут быть признаны в таком случае потерпевшими в соответствии со ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации².

23 июня 2016 года в Российской Федерации был принят Федеральный закон № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах»³. Принятие данного закона, на взгляд автора данного исследования, является важной вехой в российском медицинском праве и консолидирует между собой различные нормы, до сего момента существующие в российской правовой системе. Этот закон определяет основные принципы, которыми должны руководствоваться участники рынка биомедицинских продуктов. Данные принципы перечислены в ст. 3 этого Федерального закона.

Принцип добровольности и безвозмездности донорства биологического материала означает, что отчуждение БМЧ у донора возможно лишь с его согласия, а сам БМЧ не может быть предметом товарно-денежных отношений.

¹ Дядюн К. В. К вопросу о субъекте преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ // Российский следователь. 2017. № 23. С. 37–40; Уголовное право России. Общая и Особенная части: учеб. / А. А. Арямов, Т. Б. Басова, Е. В. Благов [и др.]; отв. ред. Ю. В. Грачева, А. И. Чучаев. М.: КОНТРАКТ, 2017. 384 с.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах» (с изм. и доп. от 03.08.2018) // СЗ РФ. 2016. № 26 (часть I). Ст. 3849.

Принцип соблюдения врачебной тайны и иной охраняемой законом тайны коррелирует со ст. 13 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹ и заключается в том, что сведения о факте обращения гражданина за оказанием медицинской помощи, состоянии его здоровья и диагнозе, иные сведения, полученные при его медицинском обследовании и лечении, составляют врачебную тайну.

Принцип недопустимости продажи биологического материала человека. Аналогичная норма содержится в ст. 1 ФЗ «О трансплантации органов и (или) тканей человека». Однако в ст. 1 данного ФЗ законодатель говорит об уголовной ответственности за куплю-продажу органов и тканей человека (то есть биологического материала человека), однако в самом Уголовном кодексе Российской Федерации не содержится санкций за подобные сделки.

Принцип недопустимости создания эмбриона человека в целях производства биомедицинских клеточных продуктов и принцип недопустимости использования для разработки, производства и применения биомедицинских клеточных продуктов биологического материала, полученного путем прерывания процесса развития эмбриона или плода человека, или нарушения такого процесса говорят о том, что человеческий эмбрион является биологическим материалом человека. Тем не менее данный вид БМЧ обладает особым статусом: его нельзя использовать для различных манипуляций в целях производства биомедицинских продуктов. Иными словами, женщине как потенциальному донору эмбриона нельзя забеременеть в целях добровольного или не добровольного прерывания беременности, чтобы данный эмбрион использовался в указанных целях.

На наш взгляд, данные принципы коррелируют с умеренной позицией относительно правового статуса эмбриона: он имеет ценность, пускай не абсолютную, не тождественную той, которой обладает рожденный человек.

Далее следует *принцип соблюдения требований биологической безопасности в целях защиты здоровья доноров биологического материала, работников, занятых на производстве биомедицинских клеточных*

¹ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

продуктов, медицинских работников, пациентов и окружающей среды, соответствующий положениям ст. 2 Конституции Российской Федерации, согласно которой жизнь и здоровье человека (наряду с остальными правами и свободами) являются наивысшей ценностью в Российской Федерации.

Далее необходимо остановиться на тексте Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹, в статье 47 которого также используется термин «органы и ткани человека». Данная норма регулирует донорство органов и тканей человека и их пересадку (трансплантацию). Необходимо отметить, что в данном нормативном правовом акте, регулирующем основы охраны здоровья граждан в Российской Федерации, органы и ткани человека упоминаются лишь в рамках отношений, связанных с донорством и трансплантацией, а также репродукцией человека.

Также следует отметить Федеральный закон от 12.01.1996 № 8-ФЗ (ред. от 23.05.2018) «О погребении и похоронном деле», который регулирует отношения, связанные с погребением тела на территории Российской Федерации. Согласно положениям ст. 7 и ст. 12 данного ФЗ, всем умершим на территории Российской Федерации людям, в том числе и тем, личность которых была не установлена, гарантируется погребение. Однако в советское время существовала норма, которая допускала передачу неопознанных останков в учебные медицинские учреждения для медицинской практики. Тренируясь на телах, фрагментах тел, а также органах и тканях неопознанных умерших, советские студенты-медики отработывали врачебные навыки, прежде чем приступить к работе с живыми пациентами². В российском же законодательстве такая норма отсутствует, соответственно, у российских студентов медицинских высших учебных заведений есть легальная возможность тренировать свои навыки лишь на тех телах, которые были доставлены в образовательные медицинские учреждения до 1996 года. Действительно, положения Федерального закона «О погребении и похоронном деле» охраняют и гарантируют права

¹ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление СНК СССР от 15.09.1937 № 1607 «О порядке проведения медицинских операций» (утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс».

любого умершего на достойное погребение и посмертное уважение личности, однако живые пациенты имеют риск получить себе во врач-специалиста, который оттачивал навыки в лучшем случае на трупе четвертьвековой давности. Тем самым права на уважение достоинства умершего человека превалирует над правом живого человека получить квалифицированную медицинскую помощь от специалиста, который не имеет практического опыта работы с человеческим организмом. На взгляд автора данного исследования, необходимо принятие нормы, аналогичные той, что была в советском медицинском праве, которая разрешала во благо живых пациентов, проводить учебные опыты над телами умерших, личность которых не была установлена.

В уголовном законодательстве также можно встретить термины «органы и ткани человека», как было сказано ранее. С точки зрения уголовного права органы и ткани человека могут выступать в роли предмета преступления, то есть предметом материального мира, на который происходит покушение. Как и любой предмет преступления, органы и ткани человека являются факультативными признаками объекта состава ряда преступлений, предусмотренных российским законодательством.

Среди этих преступлений п. «м» ч. 2 ст. 105 (убийство в целях использования органов и (или) тканей потерпевшего), п «ж». ч. 2 ст. 111 (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью в целях использования органов и (или) тканей потерпевшего), ст. 120 (принуждение к изъятию органов или тканей человека), п. «ж» ч. 2 ст. 127.1 (купля-продажа человека, иные сделки в отношении человека, а равно совершенные в целях его эксплуатации вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение в целях изъятия у потерпевшего его органов и тканей).

Выше перечислены статьи Уголовного кодекса Российской Федерации, в диспозиции которых прямо используется понятие «органы и (или) ткани человека». Однако в УК РФ присутствует также ряд статей, описывающих составы преступлений, предметом которых являются органы и ткани потерпевшего, хотя именно этот термин в диспозиции не используется.

Это ст. 123 УК РФ «Незаконное проведение искусственного прерывания беременности». Ранее в тексте данной работы был сделан вывод

о том, что эмбрион является биологическим материалом человека, его приравнивают к органам и тканям человека.

Еще одним составом, предметом которого являются органы и ткани потерпевшего, является преступление, описанное в ст. 244 УК РФ «Надругательство над телами умерших и местами их захоронения». Не все преступления, описанные в диспозиции данной статьи, имеют своим предметом органы и ткани человека: в рамках этого исследования нас интересует именно надругательство над телами умерших. Зачастую такие преступления сопряжены с убийством.

Так, 27 марта 2019 года Кемеровский областной суд вынес приговор Захрямину С. В., который убил своего знакомого Б. на фоне личной неприязни, а затем отчленил голову от тела потерпевшего¹. По данному эпизоду Захрямин был осужден по совокупности преступлений, предусмотренных п. п. «а», «ж», «к» ч. 2 ст. 105, ч. 1 ст. 244.

Верховным судом Республики Башкортостан 23 октября 2018 г. по делу № 2-24/2018 был вынесен приговор, согласно тексту которого обвиняемый Метелев А. В. убил своего знакомого (обозначен в тексте приговора как ФИО11) с помощью предметов, используемых в качестве оружия, с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего и сопряженное с разбоем. После чего, как показала экспертиза, Метелев А. В. «находясь в состоянии алкогольного опьянения, после совершения убийства ФИО11, проявляя цинизм, бессердечие и глумление над жертвой умышленно, осознавая, что совершает надругательство над телом умершего, с использованием острого предмета, не исключается строительным ножом внешним видом похожим на канцелярский нож, причинил посмертные повреждения ФИО11 в виде резаных ран на правой щеке с переходом на переднюю поверхность шеи с повреждением скелетных мышц, горизонтальных резаных ран на шее, множественных резаных ран на передней поверхности груди и живота, с переходом на переднюю поверхность левого плечевого сустава и переднюю поверхность левого плеча в верхней трети, с образованием множественных надразов на ребрах, двух резаных ран на передней поверхности правой доли печени, резаных ран мошонки, полное отсечение полового члена, вертикальные широкие раны

¹ Приговор Кемеровского областного суда № 2-14/2019 2-37/2018 от 27 марта 2019 г. по делу № 2-14/2019. URL: <http://surl.li/ugng> (дата обращения: 26.09.2019).

на передне-наружной поверхности обоих бедер, коленных суставов и голеней до пяток с повреждением скелетных мышц, резаных ран по средней линии спины вдоль остистых отростков позвонков с их продолжением на крестец, обе ягодицы с продолжением по задним поверхностям обеих бедер, коленных суставов и голеней до пяток, с частичным пересечением скелетных мышц и сухожилий, которые образовались от множественного режущего воздействия острым предметом, не исключается строительным ножом внешним видом похожим на канцелярский нож, в соответствующие области тела после наступления смерти ФИО11¹. Метелев был осужден за совершение преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 4 ст. 162, п. п. «д», «з» ч. 2 ст. 105, ч. 1 ст. 244 УК РФ.

В ночь с 13 на 14 октября 2017 года Дебердеев Д. Э. Убил свою знакомую, после чего, согласно тексту Приговора Октябрьского районного суда г. Омска № 1-273/2018 от 13 июня 2018 г. по делу № 1-273/2018, «с целью надругательства над телом умершей сначала ввел неустановленный цилиндрический предмет в задний проход трупа, чем причинил посмертные разрывы заднего прохода и посмертное проникающее во влагалище колото-рваное ранение прямой кишки. Затем нанес режущим предметом резаные раны левой и правой щечных областей на трупе А (в виде улыбки). После этого Дебердеев Д. Э. при помощи ножа извлек из трупа внутренние органы и отрезал правую кисть, а затем при помощи пилы расчленил труп А. по линиям нижней трети брюшной стенки, области таза и нижних конечностей на уровне 4 поясничного позвонка, головы, шеи и грудной клетки на уровне подключичных областей, верхней и средней третей грудной клетки с фрагментом правой верхней конечности на уровне подключичных областей и на уровне 7 грудного позвонка, левой верхней конечности, нижней трети грудной клетки и брюшной полости на уровне 7 грудного позвонка и 4 поясничного позвонка. Также Дебердеев Д. Э. оставил на трупе проникающую рубленую рану лица с переломом тела нижней челюсти, рубленую рану поясничной области, резаные раны подчелюстной области слева, левой задне-боковой поверхности шеи и правой локтевой ямки путем многократного (не менее 10) воздей-

¹ Приговор Верховного суда Республики Башкортостан № 2-24/2018 от 23 октября 2018 г. по делу № 2-24/2018. URL: <http://surl.li/ugnh> (дата обращения: 26.09.2019).

ствия режущим предметом. Части трупа Дебердеев Д. Э. поместил в яму на территории своего домовладения и засыпал землей, где они пролежали до 17.10.2017». Дебердеев также был осужден по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 105 и ч. 1 ст. 244 УК РФ¹.

Практика также показывает, что, для того чтобы совершить надругательство над телом умершего, необязательно перед этим убивать потерпевшего. Так, ночью с 9 на 10 февраля 2018 года Божков А. С. проник в патологоанатомическое отделение городской больницы г. Невинномыска (Ставропольский край), после чего следующим образом надругался над телами нескольких умерших: «с использованием большого ампутационного ножа, который взял в вышеуказанном патологоанатомическом отделении, совершил надругательство над телами умерших путем повреждения кожных покровов тел трупов, а именно на кожных покровах лица, шеи и груди трупа ФИО1 1930 года рождения нанес многочисленные раны, кроме того, в лобковой части, выше верхнего края половой щеки, на внутренней боковой поверхности левого бедра нанес одну рану и на тыльной поверхности левого предплечья одну рану. Кроме того, на кожных покровах передней поверхности грудной клетки, шеи и груди трупа ФИО2 1931 года рождения нанес многочисленные раны. Кроме того, на кожных покровах шеи и груди нанес многочисленные раны, а также одну рану в средней части передней брюшной стенки, вокруг пупочного кольца трупа ФИО3 1936 года рождения, чем причинил моральный вред родственникам ФИО4, ФИО5, ФИО6 вышеуказанных умерших»².

В данном параграфе изучено определение понятия «органы и ткани человека» с медицинской и правовой точек зрения. Учитывая, что данного определения в законе нет, однако есть определение понятия «биологический материал человека», с точки зрения медицины в рамках права данные определения являются тождественными, поэтому предлагается в данном исследовании считать термины «биологический материал человека», а также «органы и ткани человека», «органы», «ткани» синонимами – терминами, обозначающими одно и то же понятие. Однако в уголовном законодательстве используется

¹ Приговор Октябрьского районного суда г. Омска № 1-273/2018 от 13 июня 2018 г. по делу № 1-273/2018. URL: <http://surl.li/ugni> (дата обращения: 26.09.2019).

² Приговор Кочубеевского районного суда Ставропольского края № 1-183/2018 от 26 июля 2018 г. по делу № 1-183/2018. URL: <http://surl.li/ugnk> (дата обращения: 26.09.2019).

терминология «органы и ткани человека», поэтому именно такая формулировка заявлена в теме данного исследования.

1.2. Международно-правовое регулирование отношений, связанных с органами и тканями человека

Первую в мире успешную операцию по трансплантации почки от человека к человеку произвел советский врач Юрий Вороной в начале прошлого столетия¹. К XXI веку стало очевидным, что отношения, возникающие между людьми относительно органов и тканей человека, нуждаются в правовом регулировании как на национальном, так и на международном уровне².

В наше время, пользуясь несовершенством национального и международного законодательства, злоумышленники производят операции по изъятию органов и тканей человека. Зачастую такие преступления происходят на международном уровне, когда потерпевшими являются граждане одной страны, субъекты являются резидентами другой страны, а само деяние производится на территории третьего государства (при этом на территории не всех государств, где проходит трансплантация либо граждане которых являются одной из сторон преступления, подобные операции вне закона). От подобных деяний зачастую страдают граждане Российской Федерации и иных государств, входящих в Содружество Независимых Государств, Европейско-азиатский экономический союз и т. д. В литературе описаны случаи разоблачения в 2010 году двух банд «черных трансплантологов», действующих на территории Украины и Республики Беларусь, изымающих для продажи органы у граждан России, Украины, Республики Беларусь и среднеазиатских республик. В 2013 году в Косово судили группу из пятерых медиков, которые участвовали

¹ См.: Романовская О. В. Законодательство в сфере трансплантологии: проблемы и перспективы развития // Судья. 2016. № 11. С. 27–32.

² Козлова А. А. Соотношение преступлений, связанных с незаконным оборотом человеческих органов и торговлей людьми с целью изъятия человеческих органов, в нормах международного права // Российская юстиция. 2019. № 4. С. 26–28.

в незаконной торговле органами граждан России, Молдавии, Республики Казахстан и Турции¹.

Прежде всего следует отметить Всемирную организацию здравоохранения (ВОЗ), которая относится с осуждением к незаконному обороту человеческих органов и тканей, поскольку подобные деяния противоречат Всеобщей декларации прав человека² и духу Устава ВОЗ³.

В Резолюции Всемирной ассамблеи здравоохранения содержится рекомендация для государств, ратифицировавших данный акт, «принимать меры для защиты самых бедных и уязвимых групп от „трансплантационного туризма“ и продажи органов и тканей, уделяя внимание более широкой проблеме международной торговли тканями и органами человека» (WHA57.18)⁴.

Всемирная ассамблея здравоохранения приняла Резолюцию WHA63.22 от 21.05.2010 «Трансплантация органов и тканей человека», на основании которой был утвержден обновленный вариант Руководящих принципов ВОЗ по трансплантации человеческих клеток, тканей и органов 2010 года⁵.

Данный нормативный акт нашел свое отражение в российском национальном праве: в 2019 году Министерством здравоохранения были приняты «Национальные клинические рекомендации трансплантация сердца и механическая поддержка кровообращения», соответствующие Руководящим принципам и не противоречащие им.

Также именно в тексте Руководящих принципов ВОЗ по трансплантации человеческих клеток, тканей и органов 2010 года отражен принцип запрета на извлечение финансовой выгоды из использования человеческого тела и его частей. В Российской Федерации данный принцип нашел свое отражение в ст. 1 Закона «О трансплантации органов и (или) тканей человека» и в ст. 3 Федерального закона № 180-

¹ Кнонов В. А., Козлова А. А. О понятии незаконного оборота человеческих органов в международном праве // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 3. С. 61–64.

² Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 05.04.1995. № 67.

³ Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) (Принят в Нью-Йорке 22.07.1946) (с изм. от 24.05.1973) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ World Health Assembly. Resolution on Human organ and tissue transplantation WHA57.18. Fifty Seventh World Health Assembly. 22 May 2004 // СПС «Гарант».

⁵ Руководящие принципы ВОЗ по трансплантации человеческих клеток, тканей и органов 2010 года // СПС «Гарант».

ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах», однако в Уголовном кодексе РФ нет статьи, устанавливающей санкции за такое деяние.

Следует отметить, что стандарты и принципы ВОЗ носят рекомендательный, но не общеобязательный характер, однако, как было отмечено, они находят свое отражение в национальных нормативных актах государств.

Также нельзя не сказать о нормативных актах Совета Европы, в который входит Российская Федерация. Важным международным нормативно-правовым актом Совета Европы по данному вопросу является Конвенция о защите права и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине 1997 г.¹ (Россия не участвует) и Дополнительный протокол к Конвенции о правах человека и биомедицине относительно органов и тканей человеческого происхождения 2002 г.² (Россия не участвует).

А. А. Козлова отмечает, что эффективное международное сотрудничество в области незаконного оборота человеческих органов невозможно без активного участия международных организаций³. Вопрос о борьбе с криминальной трансплантологией стоит остро для мировой общественности: Интерпол и Европол реализуют направление по пресечению, раскрытию и расследованию преступлений, связанных с криминальной трансплантологией, особую роль в этом играют страны Евросоюза (далее ЕС), которые, следует признать, зачастую сотрудничают в этом плане с государствами, не входящими в ЕС⁴.

О. О. Салагай отмечает, что важную роль в регулировании оборота органов и тканей человека на международной арене также играют

¹ Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине (ETS № 164) (заключена в г. Овьедо 04.04.1997) // СПС «КонсультантПлюс».

² Дополнительный протокол к Конвенции по правам человека и биомедицине относительно трансплантации органов и тканей человеческого происхождения (ETS № 186) (подписан в г. Страсбурге 24.01.2002) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Козлова А. А. Правовые аспекты деятельности международных организаций по противодействию незаконному обороту человеческих органов // Современное право. 2018. № 6. С. 141–143.

⁴ Рыжов В. В. Направления сотрудничества стран – участников Европейского союза в противодействии криминальной трансплантологии // Современное право. 2017. № 9. С. 125–129.

неправительственные акты¹. Так, автор отмечает Эдинбургское заявление по донорству и трансплантации органов, принятое в 2002 году². Всемирной медицинской ассоциацией.

Также необходимо сказать о Стамбульской декларации о торговле органами и трансплантационном туризме³. Данный документ был разработан под руководством Общества от трансплантации и Международного общества по неврологии в 2008 г. Согласно преамбуле декларации, «трансплантация органов – одно из медицинских чудес двадцатого века, омраченное, однако, многочисленными сообщениями о торговле людьми, которых используют в качестве источников органов. Также существуют „пациенты-туристы“ из богатых стран, которые выезжают за границу для покупки органов от бедных людей».

Для решения актуальных и растущих проблем продажи органов, трансплантационного туризма и торговли донорами органов в контексте глобальной нехватки органов состоялась встреча на высшем уровне, в которой приняли участие более 150 представителей науки и медицины со всего мира: правительственные чиновники, социологи, профессионалы в области этики. Встреча проходила в Стамбуле (Турция) с 30 апреля по 2 мая 2008 года.

В данном документе перечислен ряд принципов, касающихся торговли органами и трансплантационного туризма. Поскольку официальный перевод Стамбульской декларации на русский язык отсутствует, ниже будет приведен перевод, предложенный московским авторским коллективом под редакцией Н. В. Путило⁴:

1. «Правительствам следует разработать и внедрить этически и клинически обоснованные программы по профилактике и лечению органной недостаточности.

¹ Салагай О. О. Трансплантация органов и тканей человека в международно-правовом и сравнительно-правовом аспектах // Российская юстиция. 2010. № 7. С. 58–64.

² World Medical Association Statement on Human Organ Donation and Transplantation / Adopted by the 52nd WMA General Assembly in Edinburgh, Scotland during October 2000 and Revised by the WMA General Assembly, Pilanesberg, South Africa, October 2006.

³ Стамбульская декларация о торговле органами и трансплантационном туризме. URL: <http://www.declarationofistanbul.org> (дата обращения: 04.10.2019).

⁴ Правовое регулирование трансплантации в Российской Федерации: науч.-практическое пособие / Н. С. Волкова, О. Ю. Еремина, О. О. Журавлева [и др.]; отв. ред. Н. В. Путило. М.: Проспект, 2019. 176 с.

2. Оптимальный уход за здоровьем доноров органов и реципиентов трансплантатов должен быть основной целью политики и программ трансплантации.
3. Торговля людьми и торговля людьми с целью удаления органов должна быть запрещена под угрозой уголовного наказания.
4. Пожертвование органов должно быть финансово нейтральным актом.
5. Каждая страна должна разрабатывать правила, направленные на восстановление органов у живых доноров.
6. В каждом государстве должны быть специально назначенные органы, которые должны осуществлять надзор за организацией донорства, включая распределение и трансплантацию органов на принципах стандартизации, прослеживаемости, прозрачности, качества, безопасности, справедливости и общественного контроля.
7. Все жители страны должны иметь равный доступ к трансплантации и органам, приобретенным у умерших доноров.
8. Органы трансплантации должны быть справедливо распределены в соответствии с объективными, недискриминационными, внешними, обоснованными и прозрачными правилами, клиническими критериями и этическими нормами.
9. Специалисты здравоохранения и медицинские учреждения должны помочь в предотвращении и борьбе с торговлей людьми, связанной с удалением органов и их пересадкой.
10. Правительствам и специалистам здравоохранения – предотвращать участие жителей своей страны в трансплантационном туризме».

В данном разделе, на наш взгляд, следует сказать о так называемом абортном праве Великобритании (английское абортное право), поскольку оно наиболее ярко характеризует отношение права Великобритании в частности и Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) в целом к правовому регулированию отношений, связанных с эмбриологией¹.

¹ Scott R. Risks, reasons and rights: the European convention on human rights and English abortion law // *Medical Law Review*. 2016. Vol. 24 (1). DOI: 10.1093/medlaw/fwv020.

Это представляет научный интерес в том числе и потому, что в российском праве, как было сказано выше, эмбрион является биологическим материалом человека, пускай и обладающим определенным статусом, который отличает его от прочих органов и тканей человеческого организма. Примеры из права Великобритании и прочих стран Европы позволяют провести компаративистский анализ по данному вопросу¹.

В Великобритании производство аборта является преступлением в соответствии с положениями Закона об абортах 1967 г. (с изменениями, внесенными Законом «Об искусственном оплодотворении человека и дальнейшем развитии эмбриологии» 1990 г. (далее – Закон об эмбриологии)). Согласно данному закону, производство аборта признается легальным только при наличии определенных условий (оснований). Вместе с тем даже в этих условиях правовое регулирование производства аборт в Англии иногда оценивается как достаточно либеральное.

Представляется маловероятным, что правовое регулирование аборт в Англии может быть признано не соответствующим положениям Европейской Конвенции о правах человека (далее – ЕКПЧ, Конвенция), имплементированным в английское право Законом «О правах человека» 1998 г. Это связано с тем, что английским правом воспринят подход, утвердившийся в государствах – участниках вышеназванной Конвенции, в соответствии с которым производство аборта допускается в ряде случаев, к примеру, когда существует угроза здоровью беременной. Вместе с тем анализ как негативных, так и позитивных обязательств Соединенного Королевства, вытекающих из содержания ст. 8 ЕКПЧ, регламентирующей право на уважение личной и семейной жизни, позволяет судить о том, что в аспекте рассматриваемой проблемы английское право до сих пор характеризуется наличием ряда спорных вопросов. Несмотря на всю моральную сложность принятия решения о прерывании беременности, британские ученые отмечают, что исследуемая проблема свидетельствует о необходимости хотя бы частичного изменения английского законодательства об абортах.

В то же время анализ негативных обязательств Соединенного Королевства, принятых им на себя в соответствии со ст. 8 ЕКПЧ,

¹ Рудич В. В. Решения Европейского суда по правам человека о недопустимости использования при получении обвинительных доказательств по уголовному делу ловушек и провокаций // Вестник. Государство и право. 2015. № 20. С. 45–47.

свидетельствует о том, что реализация положений, закрепленных в подп. «а» п. 1 ст. 1 Закона об абортах, затруднена применительно к производству аборта в первом триместре беременности. Помимо этого, после того как аборт был в определенных случаях разрешен в государствах – участниках Совета Европы, ЕСПЧ сформулировал позицию, согласно которой по вопросам, связанным с производством аборт и исполнением позитивных обязательств государств в силу связанных с этим положений Конвенции, дискреция национальных правоприменительных органов должна быть снижена. Проведенное исследование английского права в части вышеозначенных вопросов позволяет судить о том, что проблема заключается в отсутствии не базовых принципов правового регулирования производства аборт, а нормативно урегулированной процедуры рассмотрения двумя врачами вопроса о возможности производства аборт. Вопреки тому, что принятие соответствующего решения в значительной степени осложнено нравственными категориями, проведенное нами исследование позволяет сделать вывод о необходимости внесения определенных изменений в нормативно-правовую массив, регулирующий производство аборт (в частности – в нормы об их производстве в первом триместре беременности). Результатом внесения соответствующих изменений должно стать предоставление беременной женщине в рамках соответствующих правоотношений большей свободы, пусть принадлежащей ей только в течение определенного срока, но при этом основанной на фундаментальных правах человека.

Исторически сложилось, что правовые системы Ирландии и Великобритании во многом схожи, это касается и абортного права. Однако если в Великобритании решение о прерывании беременности может быть принято в результате врачебного консилиума, то статья 40.3.3 Конституции Ирландии предусматривает, что «государство признает право на жизнь нерожденного плода и с должным учетом равного права на жизнь матери гарантирует выполнение своих законов в части уважения и по практической возможности своих законов в части защиты и осуществления этого права», а за искусственное прерывание беременности и женщина, которой была сделана данная операция, и человек, проведший изгнание плода, могут понести уголовное наказание в виде лишения свободы. Ирландское прецедентное право знает случаи, когда аборт необходимо было сделать по медицинским

показаниям (например, ввиду нежизнеспособности плода), но врачи не брали на себя ответственность на проведение данной операции, поэтому беременной оставалось либо дождаться естественного прерывания беременности (выкидыша либо появления на свет мертворожденного младенца), либо прервать беременность в другой стране¹.

Позиция ЕСПЧ относительно производства аборт берет свое начало из решений Европейской Комиссии по правам человека относительно действия положений ст. 8 ЕКПЧ применительно к беременной женщине и ст. 2 Конвенции (регламентирующей право на жизнь) применительно к эмбриону.

Следует кратко изложить позицию, выраженную ЕСПЧ в первом решении, затрагивающем данный вопрос, в постановлении по делу «Брюгман и Шойтен против Германии», так как сам Суд до сих пор ссылается на него. В постановлении по данному делу Европейская Комиссия пришла к выводу, что «говорить об отнесении вопросов, связанных с беременностью, исключительно к сфере частной жизни, было бы неправильно, поскольку само состояние беременности неразрывно связывает частную жизнь женщины с процессом развития плода». Такой подход Комиссии представляется не вполне однозначным. Судья Фоссет в своем особом мнении подчеркнул, что «Комиссия, по-видимому, полагает, что в связи с тем, что беременность как юридическое состояние относится не только к сфере частной жизни, то, каким бы ни было ее правовое регулирование, оно само по себе не будет являться вмешательством в частную жизнь и ни в одном из случаев не будет считаться нарушением ст. 8 ЕКПЧ».

Несмотря на то что дело Брюгмана было рассмотрено еще в период существования Комиссии, оно оказало существенное влияние на позицию ЕСПЧ относительно производства аборт и обычно упоминается в положительном ключе в решениях Суда как сформировавшее магистральное направление его позиций по отношению к абортам. В то же время отсутствие ясности в аргументации Комиссии со временем способствовало тому, что Суд постепенно, но вместе с тем значительно изменил свою позицию относительно применимости ст. 8 ЕКПЧ к вопросам беременности. Важно отметить, что, несмотря

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2017) // Бюллетень трудового и социального законодательства РФ. 2017. № 6.

на это, современная практика Суда, как представляется, изменила направление своего развития в сторону тезиса о том, что правовое регулирование абортa представляет собой вмешательство в частную жизнь и, соответственно, является нарушением положений п. 2 ст. 8 ЕКПЧ. Так, к примеру, в недавнем деле «А, Б и Ц против Ирландии»¹ Суд отметил: «В деле Брюгмана Судом было совершенно справедливо указано, что не всякое регулирование производства абортa представляет собой нарушение права на уважение частной жизни матери (дело «Во против Франции»). *Тем не менее*, учитывая широкое понимание частной жизни по смыслу статьи 8 ЕКПЧ, включая право на личную автономию и физическую и психологическую неприкосновенность..., Суд считает, что *запрет на производство абортa* первой и второй заявительницам по причинам, связанным с состоянием здоровья и (или) материальными условиями, *представляет собой вмешательство в их право на уважение их частной жизни*».

Из содержания вышеприведенной цитаты достоверно усматривается, что Суд мотивирует свою позицию таким же образом, как и в деле Брюгмана. На это указывает использование Судом оборота «тем не менее», а также однозначное утверждение, что правовое регулирование производства абортa релевантно положениям п. 2 ст. 8 ЕКПЧ. Несколько иная позиция по данному вопросу усматривается в постановлении ЕСПЧ по делу «ПР против Польши», которое было вынесено год спустя после решения по делу «А, Б и Ц». Тем не менее из содержания дела следует не изменение взгляда Суда на проблему, а лишь некоторая трансформация позиции по делу Брюгмана. Об этом свидетельствует следующая фраза: «Как отметил Суд, содержание категории „частная жизнь“ также включает в себя возможность самостоятельного принятия решения о том, иметь или не иметь детей (дело „Эванс против Соединенного Королевства“). Учитывая вынесенные ранее постановления Комиссии, Суд приходит к выводу, что *решение беременной женщиной вопроса о сохранении либо прерывании беременности относится к сфере ее частной жизни*. Из этого также следует, что законодательство, регулирующее прерывание беременности, затрагивает сферу частной жизни, поскольку с наступлением

¹ Постановление ЕСПЧ от 16.12.2010 «Дело „А, Б и Ц (А, В and С) против Ирландии“ (жалоба № 25579/05)» // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2020. № 8.

беременности частная жизнь женщины становится тесно связанной с жизнью развивающегося эмбриона». В связи с этим в своем особом мнении судья ЕСПЧ Фоссет подчеркнул: «Данное решение – это, по всей видимости, трансформированная позиция по делу Брюгмана, которая определяла бы, что юридическое регулирование беременности релевантно положениям п. 2 ст. 8 ЕКПЧ».

Резюмируя, следует отметить, что недавняя практика ЕСПЧ (например, дело «Тизяк против Польши») позволяет сделать достоверный вывод, что в настоящее время Суд, с одной стороны, приравнивает правовое регулирование производства оборотов к вмешательству в право на уважение частной жизни (в соответствии с п. 1 ст. 8 ЕКПЧ), но в то же время, с другой стороны, признает его допустимым (в контексте положений п. 2 ст. 8 ЕКПЧ).

Применительно к природе личных интересов в рамках права на уважение частной жизни, о которых Суд говорил в данном контексте, следует сказать, что, как подчеркнул ЕСПЧ в деле «А, Б и Ц», «концепция частной жизни в практике Суда находит свое отражение в широком ее понимании, включающем в себя право на личную автономию, а также физическую и психологическую неприкосновенность». Также, как отметил Суд в деле «R. R. против Польши», «решение беременной женщины о продолжении либо прерывании беременности относится к сфере ее частной жизни и личной автономии». Хотя взаимосвязь между неприкосновенностью частной жизни и лично автономией долгое время была предметом доктринальной полемики, Суд в контексте ст. 8 ЕКПЧ указал, что в данную сферу входит целый ряд интересов, в том числе и непосредственно личная автономия. Несмотря на то что Суд в своей практике признал, что возможность беременной женщины решать судьбу плода составляет ее личную автономию, данная позиция не стала объектом научного внимания применительно к другим вопросам медицинского права, в частности, применительно к эвтаназии. Кроме того, в некоторых делах, в которых вопросы права касались юридического регулирования производства абортов, категория физической неприкосновенности играла ключевую роль для мотивировки позиции ЕСПЧ, как, к примеру, в деле «Тизяк против Польши», касающемся прерывания беременности на основании угрозы здоровью матери.

Не только в Европе репродуктивное законодательство отличается неоднородностью и определенного рода «запутанностью». Австралийские медицинские работники, чьи пациенты проходят вспомогательное репродуктивное лечение за рубежом, сталкиваются с конфликтом: попытка обеспечить оптимальный и непрерывный уход за своим пациентом одновременно с обеспечением соблюдения австралийских правовых, этических и профессиональных правил. Однако эти правила запрещены как небезопасные или неэтичные ключевые аспекты такого лечения.

Одним из основных предложений, содержащихся в литературе по медицинским поездкам, является то, что риски для пациента могут быть смягчены за счет привлечения местного специалиста. Однако сила правового регулирования и этического руководства в Австралии усиленно направляет клиницистов от участия в зарубежном репродуктивном лечении.

Медицинские отчеты демонстрируют фрагментарный и запутанный «медицинский ландшафт» в Австралии, в котором возможность доступа к домашнему уходу и экспертным знаниям заметно варьировалась в зависимости от вида лечения, которое пациенты искали за рубежом, и способа практики австралийского врача. Врачи, практикующие в лицензированных клиниках ЭКО, были значительно более ограничены, чем те, кто находился за пределами таких условий. Пациентам, ищущим донорство яйцеклеток, предлагали информацию и получали широкий спектр диагностических и подготовительных процедур, в то время как тех, кто искал суррогатное материнство, избегали, упрекали и предлагали ограниченную (а иногда и скрытую) помощь.

В то время как последние изменения в Национальном этическом руководстве повышают ясность в отношении предоставления информации, этическая и правовая целесообразность австралийских медицинских работников, предоставляющих диагностическое или подготовительное лечение для трансграничного воспроизводства, остается неопределенной¹.

С опорой на предварительные выводы австралийского эмпирического проекта по трансграничному воспроизводству (CBR) в этой

¹ Millbank J. What is the Responsibility of Australian Medical Professionals Whose Patients Travel Abroad for Assisted Reproduction? // Medical Law Review. 2019. Vol. 27, Iss. 3. Pp. 365–389.

статье утверждается, что регулирующие органы и политики могут извлечь уроки из опыта тех, кто путешествует за границу, чтобы получить доступ к лечению бесплодия и суррогатному материнству. Он делает четыре основных замечания. Во-первых, различие между так называемым «альтруистическим» и «коммерческим» донорством гамет и суррогатным материнством становится все более неустойчивым и не воспринимается многими участниками CBR как значимое. Во-вторых, статус закона в CBR глубоко неоднозначен; для участников он часто есть и не есть одновременно. В-третьих, информация из собственных источников, полученная через интернет и, в частности, через социальные сети, в настоящее время является главным источником информации и поддержки со стороны коллег для лиц, совершающих поездки в целях воспроизводства. В-четвертых, отечественные поставщики репродуктивных услуг часто остаются в стороне. Если одной из целей регулирования является минимизация риска причинения вреда участникам, то неясно, что в настоящее время она достигает этой цели, и в данной статье утверждается, что любые реформы будут работать только в том случае, если они будут более чутко реагировать на реалии CBR¹.

За последние два десятилетия австралийцы все чаще выезжают за границу, чтобы получить доступ к медицинским процедурам и услугам, включая лечение бесплодия. Люди путешествуют, чтобы получить услуги фертильности по широкому кругу причин, которые в Австралии условно делят на группы «толкать» и «тянуть». Некоторые путешествуют, чтобы получить процедуры, которые являются незаконными или недоступными для них дома; другие ищут лучшего ухода, более короткого времени ожидания, большей конфиденциальности или более низких затрат. Соединенные Штаты, например, являются местом назначения для некоторых репродуктивных путешественников, включая европейцев и австралийцев, ищущих суррогатное материнство или выбор пола. В то же время граждане США ездили в Индию и Мексику, чтобы получить доступ к более дешевым соглашениям о суррогатном материнстве. «Диаспорские» путешественники могут выезжать в свою страну происхождения для удовлетворения своих

¹ Jackson E. Learning from Cross-Border Reproduction // Medical Law Review. 2017. Vol. 25, Iss.1. Pp. 23–46.

культурных или религиозных потребностей или для получения доступа к этнически соответствующим донорам.

Трансграничное репродуктивное лечение осуществляется в условиях быстро меняющейся правовой среды. Например, Таиланд запретил иностранцам доступ к суррогатному материнству в 2015 году, а Индия ограничила суррогатное материнство гетеросексуальными супружескими парами в 2013 году и в настоящее время осуществляет запрет на всех иностранцев, за исключением лиц индийского происхождения. Непал и Мексика первоначально представлялись альтернативными недорогими направлениями, прежде чем в 2015 и 2016 годах были введены ограничения на доступ иностранцев к суррогатному материнству, соответственно.

Невозможно сказать, сколько людей путешествуют, чтобы получить доступ к услугам по рождаемости. В 2010 году Shenfield с коллегами подсчитали, что в Европе ежегодно проводится около 24–30 тысяч циклов трансграничного лечения бесплодия с участием 11–14 тысяч пациентов. Однако систематического сбора данных не ведется, поэтому распространенность и результаты репродуктивных путешествий неизвестны.

В то время как картина трансграничного воспроизводства (CBR) является одновременно неполной и чрезвычайно сложной, одна определенность заключается в том, что государства больше не могут предполагать, что их граждане будут обращаться за лечением бесплодия и услугами в местные, легко регулируемые клиники. Поэтому каждое государство сталкивается с вопросом о том, каким должен быть соответствующий нормативный ответ, если таковой имеется, на этот динамичный и широко распространенный (но в конечном счете не поддающийся количественной оценке) обход национальных служб здравоохранения и нормативных актов. Стоит отметить, что растет интерес к разработке межнациональных минимальных стандартов. Они могут принять форму Гаагской конвенции о суррогатном материнстве, с тем чтобы как защитить благополучие суррогатной матери, так и избежать создания «детей без гражданства и родителей», или же они могут просто предполагать сотрудничество между членами Международной федерации обществ по вопросам рождаемости в целях «разработки единых клинических стандартов и стандартов безопасности».

Исследования, проведенные в Великобритании и Австралии, предлагают ряд общих направлений, которые делают их полезными компараторами при разработке ответов на вопросы CBR. Как в Великобритании, так и в Австралии люди, которые выезжают за границу для проведения репродуктивного лечения, могут иметь несколько причин для этого, но, поскольку обе страны предоставляют высококачественное лечение ЭКО (с различной степенью государственной субсидии) и могут в целом характеризоваться как либеральные в своем доступе, жители Австралии могут быть менее склонны мотивироваться в первую очередь исключениями из лечения или соображениями стоимости.

Также для иностранного и международного законодательства актуален вопрос правового регулирования так называемой криоконсервации как только что умерших людей, так и органов и тканей человека. Здесь следует процитировать 14-летнюю Джей Эс (JS): «Меня попросили объяснить, почему я хочу, чтобы эта необычная вещь (криоконсервация) была сделана. Мне всего 14 лет, и я не хочу умирать, но я знаю, что умру. Я думаю, что криоконсервация дает мне шанс вылечиться и проснуться даже через сотни лет. Я не хочу, чтобы меня похоронили под землей. Я хочу жить и жить дольше, и я думаю, что в будущем они могут найти лекарство от моего рака и разбудить меня. Я хочу иметь этот шанс. Это мое желание»¹.

Желание продлить жизнь за счет криоконсервации понятно, однако данная процедура не до конца урегулирована как учеными, так и правоведами.

Приведенные выше слова Джей Эс, смертельно больной 14-летней девочки, которая искала и получила разрешение от Высокого суда Великобритании на криоконсервацию ее тела после смерти в надежде, что однажды она может быть реанимирована. По-видимому, это был первый случай, когда к какому-либо международному суду было обращение одобрить такую просьбу. Криоконсервация и реанимация различных тканей уже возможна, но реанимация такого рода, которую ищет JS, еще (пока?) не обладает большой долей вероятности. Этот тип криоконсервации известен как крионика – термин, впервые используемый в середине 1960-х годов, примерно в это же

¹ Huxtable R. Cryonics in the Courtroom: Which Interests? Whose Interests? // Medical Law Review. 2018. Vol. 26, Iss. 3. Pp. 476–499.

время началось криоконсервирование трупов. Движение возглавил американский физик Роберт Эттингер, чья книга «Перспектива бессмертия» была впервые опубликована в 1962 году.

В настоящее время существуют пять организаций, которые предоставляют услуги крионики: Институт крионики (в который, как сообщается, было передано тело JS), Alcor, Oregon Cryonics, Trans Times, и KrioRus. Первые четыре из них базируются в США, пятая – в России, а новая компания планирует открыть объект в Австралии. Существуют также различные организации по всему миру, посвященные крионическому делу, включая исследовательские группы, организации, которые помогают облегчить криоконсервацию, и в случае Общества венчуризма церковь, члены которой считают, что у них есть религиозное право возражать против вскрытия, что помешало бы их способности своевременно перейти на криоконсервацию после «законной» смерти¹.

Крионика включает охлаждение тела (или только головы) до очень низких температур. Институт крионики объясняет, что его процедура состоит из четырех этапов: предварительная обработка, первоначальное охлаждение и транспортировка, вымывание и перфузия, дальнейшее охлаждение и хранение. Они, как и другие компании, описывают связанные с этим расходы, объясняя, что многие потенциальные крионы предпочитают организовывать оплату через страхование жизни. Организации охотно признают, что наука о возможной реанимации и лечении еще не доведена до совершенства, с клиентами просто «предоставляется возможность быть сохранены при криогенных температурах в надежде, что будущие медицинские технологии могут быть в состоянии когда-нибудь возродить и восстановить их к полному здоровью».

Также в западной правовой литературе отмечается, что смена пола в подростковом возрасте начинает набирать популярность. Гормональная и операционная модификация органов и тканей человека в ходе смены пола также не до конца урегулирована с точки зрения права и законодательства. Принимая во внимание тот факт, что обычно подобные операции проходят в странах, относящихся к англосаксонской, то есть к прецедентной правовой семье, а прецедентов

¹ Huxtable R. Cryonics in the Courtroom: Which Interests? Whose Interests?

(тем более прошедших без вреда для жизни и здоровья пациента) было немного, вполне объяснимо, почему закон сегодня не имеет однообразия в плане регулирования смены пола как у взрослых, так и у людей, не достигших возраста совершеннолетия.

С точки зрения этики и права взрослые пользуются широким доступом к обеспечению гормональных и хирургических вмешательств, чтобы привести свое тело в соответствие с их желаемой гендерной внешностью. В отличие от этого осуществление выбора несовершеннолетними является более ограниченным, поскольку они могут быть менее подготовлены к пониманию характера и последствий вмешательства, имеющего пожизненные последствия. Тем не менее некоторые несовершеннолетние надеются на изменения тела до достижения совершеннолетия. Начиная с самого раннего возраста некоторые несовершеннолетние могут утверждать атипичную гендерную идентичность: те, у кого типичные женские тела, утверждают мужскую идентичность, а те, у кого типичные мужские тела, утверждают женскую идентичность. Это утверждение идентичности нетипично только в описательном смысле, потому что оно нехарактерно, а не потому, что оно нормативно неприемлемо. Не все несовершеннолетние сохраняют свою нетипичную гендерную идентичность, но некоторые это делают. Для тех, кто это делает, желательно свести к минимуму нежелательные вторичные половые характеристики и максимизировать желаемые вторичные половые характеристики. В литературе зачастую излагается теория уважения решений несовершеннолетних в отношении гормональных и хирургических вмешательств, которые помогают привести их тела в соответствие с их гендерной идентичностью. Особый этический интерес здесь представляют модификации тела для сохранения фертильности, поскольку некоторые вмешательства в организм могут оставить людей неспособными иметь генетически связанных детей. Отмечается, что степень уважения, оказываемого несовершеннолетним в связи с модификацией тела для выражения гендерной идентичности, должна оцениваться в соответствии с их возможностями принятия решений в контексте надежной практики осознанного согласия¹.

¹ Murphy T. F. Adolescents and Body Modification for Gender Identity Expression // Medical Law Review. 2019. Vol. 27, Iss. 4. Pp. 623–639.

В связи в том числе и с вопросами выражения гендерной идентичности для мирового медицинского сообщества актуально изучение правового регулирования так называемой медицинской этики в отношении взаимодействия с биологическим материалом человека.

В течение XIX века британские врачи рассматривали медицинскую этику как внутреннюю проблему, которая функционировала как то, что историк Гарольд Перкин называет стратегией закрытия. Это помогло врачам укрепить свой профессиональный опыт, ограничив споры, исключив неквалифицированных практикующих врачей и позволив им позиционировать себя как единственную группу, способную оказать необходимую услугу. Например, в книге Томаса Персиваля 1803 года «Медицинская этика» утверждалась необходимость сердечных отношений и саморегуляции среди ортодоксальных врачей для оказания поддержки пациентам, которые могли бы так же легко выбрать услуги альтернативной медицины, например гомеопатов или костоправов. Согласно Персивалю и медицинским реформаторам, на которых он повлиял в середине XIX века, любое обсуждение медицинской этики должно производиться врачами и для врачей. Этот аргумент резонировал с викторианским отношением невмешательства к регулированию, и медицинский акт 1858 года официально предоставил врачам «самоуправляющуюся власть», оставив их во главе нового общего медицинского совета (GMC), который контролировал регистрацию, образование и дисциплину.

Эта ситуация сохранялась и в XX веке. Когда лейбористское правительство Клементы Эттли попыталось осуществить свой закон «О Национальной службе здравоохранения» 1946 года, врачи согласились провести реформу при условии, что будет как можно меньше внимания уделяться их «привилегированному клиническому положению или исследовательской практике». Поддержка саморегуляции была усилена в 1950-х годах благодаря таким достижениям, как эффективные противотуберкулезные препараты, операции на открытом сердце, трансплантация почек и открытие спиральной структуры ДНК. Многие врачи и ученые приветствовали эти проекты как свидетельство преимуществ профессиональной свободы, а праздничное освещение в прессе изображало их как новаторские

фигуры, которые были центральными в Новой Елизаветинской эре прогресса и открытий¹.

В данном параграфе изучены международно-правовые аспекты регулирования органов и тканей человека, а также правовое регулирование отношений, связанных с органами и тканями человека в зарубежных странах, включая право на прерывание беременности, поскольку с точки зрения российского медицинского права эмбрион является органом беременной им женщины.

Изучены аспекты изменения пола с соответствующим правовым регулированием в тех странах, где данная манипуляция является законной, поскольку при таких вмешательствах органы и ткани человека и их правовое регулирование играет главенствующую роль.

1.3. Исторический аспект правового регулирования отношений в сфере регулирования органов и тканей человека

Использование биологического материала человека зачастую подразумевает причинение вреда жизни и (или) здоровью потерпевшего, поэтому на протяжении всей истории человечества такие деяния считались преступными.

В более ранние исторические периоды большинство государств были теологическими, поэтому логично, что до массовой секуляризации различных стран деяния, связанные с органами и тканями человека, осуждались по религиозным мотивам. Сегодня можно встретить отголоски данной исторической эпохи: в XX и XXI веках существуют примеры отказа от вакцинации, трансплантации, переливания крови по медицинским показателям от совершеннолетних пациентов или от законных представителей несовершеннолетних больных по религиозным убеждениям. В 1975 г. на молодую девушку было совершено уличное нападение в Англии, в результате чего у потерпевшей было пробито легкое. Несмотря на рекомендации врачей, желающих спасти ее жизнь, девушка отказалась от ряда медицинских манипуляций,

¹ Chadwick R., Wilson D. The Emergence and Development of Bioethics in the UK // Medical Law Review. 2018. Vol. 26, Iss. 2. Pp. 183–201.

в том числе и от переливания крови, поскольку потерпевшая принадлежала к свидетелям Иеговы, религиозные убеждения которых запрещают адептам переливание крови. Потерпевшая скончалась¹.

Е. Н. Маркова отмечает, что конфликты, периодически вызываемые на почве переливания крови в совокупности с религиозными факторами, являются классическими для многих государств. С точки зрения конституционного права каждому человеку гарантируется свобода совести и вероисповедания, а отказ от медицинского вмешательства есть пример права на самоопределение, автономии на частную жизнь и т. д. Однако жизнь человека, которая может пострадать от таких отказов, является наивысшей ценностью. И если взрослый дееспособный гражданин может решать сам за себя, стоит ему пользоваться медицинскими услугами или нет, рискуя жизнью, то в случае, когда родители, руководствуясь религиозными убеждениями, не разрешают делать своему ребенку переливание крови, необходимое ему по медицинским показаниям, такой отказ сегодня преследуется по закону². За ненадлежащее исполнение родительских обязанностей предусмотрена административная ответственность (ст. 5.35 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации³), а также уголовная ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст. 156 Уголовного кодекса Российской Федерации).

На сегодняшний день в России также существуют свидетели Иеговы, которые негативно относятся к переливанию им крови. В 1996 году беременная жительница Хабаровска поступила в больницу без сознания, и медики с разрешения ее мужа и отца будущего ребенка совершили переливание крови больной. Женщина пришла в себя, но, узнав, что ей было совершено переливание крови, запрещенное ее религией, отреагировала, по словам медицинских работников, «не совсем адекватно». В итоге дело дошло до ЕСПЧ, который откло-

¹ См.: Малешина А. В. Преступления против жизни в странах общего права. М.: Статут, 2017. 480 с.

² Маркова Е. Н. Право на отказ от обязательной вакцинации в соответствии с религиозными убеждениями: pro et contra // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 2. С. 3–9.

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

нил жалобу российской свидетельницы Иеговы, недовольной тем, что ее жизнь была спасена в результате переливания крови¹.

В 2010 году ЕСПЧ высказался однозначно негативно насчет религиозных общин, устанавливающие своим адептам запреты на медицинские манипуляции².

Религиозными мотивами также зачастую оправдывали преступления, связанные с органами и тканями человека. Так, известным является дело мултанских вотяков (проживали на территории современной Удмуртской Республики): в конце XIX века, увидев тела земляков, которые были расчленены, мултанские вотяки решили, что убийство произошло в результате языческого обряда по вызову дождя, и стали обвинять двоих крестьян, заподозрив их в колдовстве. В ходе уголовного процесса было доказано, что убийство совершили другие люди из корыстных побуждений. Выслушав результаты следствия и суда от Владимира Короленко (сына судьи, который стал позже писателем), старшина вотяков все же спросил: «Ты нам, барин, лучше скажи, как бы этих колдунов найти и извести?!»³

Также негативное отношение было к аборту, за подобную операцию наказание следовало как для женщины, так и для врача, прервавшего беременность. Однако во времена Древнего Рима плод считался частью тела женщины, и уголовная ответственность за него следовала только в том случае, если, делая аборт, женщина преследовала какую-либо иную преступную цель (например, лишить отца выгод, приобретаемых от рождения ребенка)⁴.

Каноническое право также по-разному реагировало на производство аборта в зависимости от конфессии: если в одних странах прерывание беременности было грешным и незаконным априори, то в других изгнание плода было допустимым в течение сорока дней

¹ Окончательное решение ЕСПЧ от 18.04.2002 «По вопросу приемлемости жалобы № 69580/01 „Лариса Константиновна Литовченко (Larissa Konstantinovna Litovchenko) против Российской Федерации“» // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление ЕСПЧ от 10.06.2010 «Дело „Свидетели Иеговы“ в Москве и другие (Jehovah's Witnesses of Moscow and others) против Российской Федерации» (жалоба № 302/02) // Российская хроника Европейского Суда. 2011. № 2.

³ Новиков В. Генри Резник: восемь – семь [Интервью с Г. Резником] // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2015. № 1. С. 84–98.

⁴ Гецманова И. В. Правовое регулирование искусственного прерывания беременности и ответственности за незаконное производство аборта: история, проблемы, перспективы // Медицинское право. 2016. № 5. С. 31–35.

после зачатия (считалось, что у эмбриона еще нет души, поэтому аборт не приравнивался к убийству). Обычно прерывание беременности каралось лишением свободы и смертной казнью как для женщины, так и для лица, совершившего операцию по прерыванию беременности¹.

Однако не следует забывать о том, что по большей части манипуляции с органами и тканями связаны с медицинской деятельностью. Как отмечает Э. М. Алсынбаева, правовое регулирование медицинской деятельности в России можно условно разделить на несколько этапов²:

1. Развитие медицины в XI–XVII вв.
2. Регулирование медицины в рамках правового поля в период царствования Петра I.
3. Правовое обеспечение медицинской деятельности в Российской империи (XVII век – начало XX века).
4. Правовое регулирование медицинской деятельности в советский период.
5. Правовое регулирование медицинской деятельности на современном этапе.

Что касается прямого правового регулирования отношений, связанных с органами и тканями человека, то первым таким нормативным актом в российском праве ученые называют Единый врачебный закон 1857 года (Врачебный устав). В ст. 1197 данного Устава говорилось, что к вскрытию мертвого тела следует приступать только после двадцати четырех часов после смерти (исключение – скоропостижная смерть беременной после 20-й недели беременности). Данная норма была принята, чтобы убедиться, что пациент действительно мертв: в случае так называемого «летаргического сна» вскрытие стало бы причиной смерти. Об изъятии органов и тканей до вскрытия речи, естественно, не шло, а спустя сутки после смерти биологический материал человека, не отделенный от трупа, становился непригодным для дальнейших манипуляций, в том числе и трансплантации³.

В Постановлении ВЦИК и СНК от 01.12.1924 «О профессиональной работе и правах медицинских работников» впервые в истории

¹ Гецманова И. В. Указ. соч.

² Алсынбаева Э. М. Развитие правового регулирования трансплантации органов и тканей человека в России: исторический аспект // Вестн. Северо-Осетинского гос. ун-та им. К. Л. Хетагурова. Общественные науки. 2011. № 4. С. 120.

³ Там же. С. 121.

советского государства было закреплено, что граждане обладают правом на информированное согласие на медицинскую помощь для лиц, достигших 16 лет (за более младших граждан или душевнобольных решение принимали опекуны или законные представители). Операцию, важную для спасения жизни или для сохранения какого-либо органа врач после консультации с коллегами мог провести, не дожидаясь согласия родителей или опекунов или без согласия взрослого дееспособного больного, если он находится в бессознательном состоянии.

Именно в Советском Союзе стали проводиться первые успешные операции по трансплантации, которые смогли сохранить жизнь и здоровье пациентам: в 1931 году В. П. Филатов осуществил пересадку трупной роговицы¹, в 1931–1934 гг. Д. А. Арапов начал работать над пересадкой эндокринных желез², в 1935 г. Н. М. Михельсон осуществил пересадку хряща носа в целях пластической хирургии³, в 1933 году Ю. Ю. Вороной впервые в мире провел трансплантологическую операцию по пересадке почки человеку⁴.

В связи с этим в 1932 году была в Украинской ССР была принята «Инструкция об использовании глаз умершим для операции пересадки роговицы слепым». 22 апреля 1935 года СНК РСФСР принял постановление «О кадрах доноров». 15 сентября 1937 года СНК СССР утвердил Постановление № 274 «О порядке проведения медицинских операций». 1 декабря 1937 года в свет вышла «Инструкция Наркомздрава СССР об использовании глаз умерших людей для операции пересадки роговицы слепым».

В период между двумя мировыми войнами в нашем государстве, недавно пережившем несколько революций, гражданскую войну, переделку собственности и массовый голод, возник демографический кризис: большое количество населения погибло в первой трети XX века, нестабильная политическая ситуация способствовала по-

¹ Емельянова Н. А. Академик В. П. Филатов. Достижения в диагностике и лечении глаукомы // Глаукома. 2005. № 2. С. 63.

² Богопольский П. М., Абакумов М. М. Дмитрий Алексеевич Арапов. К 110-летию со дня рождения // Хирургия. 2007. № 11. С. 78.

³ Михельсон Н. М., Кручинский Г. В., Крикун Л. А., Пакович Г. И., Сибилева К. Ф. Косметические операции лица. М.: Медицина, 1965. С. 34.

⁴ Мирский М. Б. Пионер клинической трансплантологии (к 110-летию юбилею профессора Ю. Ю. Вороного) // Клиническая хирургия. 2005. № 6. С. 60.

току эмиграции населения из Советской России (высылке бывших дворян и интеллигентов способствовало советское руководство¹), и немаловажным было то, что в нестабильное время женщины боялись рожать детей, что привело к большому количеству прерываний беременности на территории вновь образованного государства. Ввиду того, что население страны резко уменьшалось, руководство было вынуждено принять меры: создание «железного занавеса» в 1920-е гг. значительно сократило эмиграционный поток², а запрет аборт помог уравновесить количество умерших с количеством рожденных граждан на территории СССР.

Текст Постановления ЦИК СССР № 65, СНК СССР № 1134 от 27.06.1936³ запрещал производить аборт как в специализированных медицинских учреждениях, так и в домах у рожениц или врачей. За прерывание беременности устанавливалась уголовная ответственность: врач, который провел операцию по изгнанию плода, мог лишиться свободы на срок от одного года до трех лет; женщина, которой был сделан первый аборт, подвергалась общественному порицанию, за дальнейшие подобные операции она наказывалась штрафом в 300 рублей. Из общего правила были и исключения: прерывание беременности разрешалось только в случае, если вынашивание плода грозило жизни и здоровью беременной, а также в случае возникновения риска наследственных заболеваний у плода. Такие аборты было разрешено делать лишь в условиях медицинских учреждений. Результатом таких социальных и уголовных норм стал так называемый «феномен сталинского ренессанса», поскольку в результате правления И. В. Сталина прирост населения Советского Союза, несмотря на тяжелые времена, составил более 20 %⁴. В литературе отмечается,

¹ Рац С. В. Операция ГПУ «по высылке антисоветской интеллигенции» (май – декабрь 1922 года) // Военно-юридический журнал. 2015. № 6. С. 27–32.

² Фетисов В. Д. Проблемы использования финансового контроля в России в современных условиях // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2017. № 24. С. 17–32.

³ Постановление ЦИК СССР № 65, СНК СССР № 1134 от 27.06.1936 «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Государственная политика вывода России из демографического кризиса: моногр. / В. И. Якунин, С. С. Сулакшин, В. Э. Багдасарян [и др.]. М.: Экономика. Научный эксперт, 2007. 252 с.

что в сталинский период репродуктивное здоровье женщины рассматривалось не как ее право, а как социальная обязанность¹.

В 1941 году, когда началась война, несмотря на все запреты и страх наказания, произошел массовый всплеск нелегальных, подпольных аборт, и данные преступления приобрели латентный характер, а уровень населения вновь стал стремительно падать, был принят налог на бездетность, который устанавливался для мужчин и женщин детородного возраста (за исключением тех, которые не могли иметь детей по состоянию здоровья)². Следует отметить, что фактически данный налог перестал взиматься лишь после распада Советского Союза в 1991 году³.

После смерти Сталина, в ходе оттепели, был снят запрет на аборты, и право на репродуктивное здоровье вновь стало личным делом женщины, утратив былую социальную значимость⁴ (однако, как было сказано выше, налог на бездетность продолжал взиматься).

После окончания Великой Отечественной войны вопрос о повышении уровня здоровья у населения Советского Союза стоял как никогда остро. Трансплантация органов и тканей сыграла большую роль в здравоохранении СССР. Советские врачи продолжали успешно проводить трансплантационные операции, спасая жизнь и здоровье соотечественников, и стало понятно, что принятых в 1930-е гг. постановлений и инструкций недостаточно для эффективного правового регулирования столь важного в области медицины сегмента. 10.02.1954 года вышел Приказ Министерства здравоохранения СССР «О пересадке трупной роговицы», а 15.02.1954 – Приказ Министра здравоохранения СССР № 88 «О широком внедрении в практику окулистов операция пересадки роговицы». Нормы этих документов разрешали производить изъятие глаз у умерших без согласия, полученного у донора при жизни или его родственников после его смерти. Эти нормативные правовые акты стали предтечей действующей

¹ Еремина О. Ю. Правовое регулирование материнского капитала: практика применения и перспектива развития // Журнал российского права. 2018. № 5. С. 125–138.

² Указ Президиума ВС СССР от 21.11.1941 (ред. от 25.12.1972) «О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление ВС РСФСР от 07.12.1991 № 1999-1 «О порядке введения в действие Закона РСФСР „О подоходном налоге с физических лиц“» // Рос. газ. 1992. № 59. 13 марта.

⁴ Указ Президиума ВС СССР от 23.11.1955 (ред. от 13.04.1959) «Об отмене запрещения абортов» // СПС «КонсультантПлюс».

сегодня презумпции на изъятие органов и тканей у трупа в донорских целях, регламентированной ст. 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации».

В 1960 году вступил в законную силу Уголовный кодекс РСФСР¹, который также устанавливал санкции за деяния с органами и тканями человека:

- ст. 116 УК РСФСР «Незаконное производство аборта»;
- ст. 229 УК РСФСР «Надругательство над могилой».

Приказ Министра здравоохранения СССР № 166 от 10.04.1962 «О мерах улучшения судебно-медицинской экспертизы в СССР» разрешал изъятие органов и тканей умерших для медицинских учреждений, производящих консервацию биологического материала человека для дальнейших трансплантационных целей. Существовала оговорка, согласно которой данное изъятие могло производиться только в присутствии судебного медицинского эксперта, который бы подтверждал в том числе то, что изъятие органов и тканей у трупа не помешает дальнейшей экспертизе, необходимой в рамках уголовного дела. Эксперт составлял соответствующий акт.

В то же время развитие советской трансплантологии не стояло на месте, и в 1965 г. впервые была проведена успешная операция по пересадке почек от живого донора, состоящего в родственных связях с реципиентом. Пересадка от умерших также была вполне успешной и регулярной процедурой, выполнявшейся повсеместно. Возникновение новых явлений требовало реформации медицинского законодательства, и в конце 1969 года были приняты Основы законодательства СССР и союзных республик о здравоохранении. В ст. 36 данного нормативного правового акта впервые было дано легальное определение понятия трансплантологии как лечебного вмешательства. Иными словами, впервые в истории нашего государства законодателем было признано, что трансплантация играет важную роль в сохранении жизни и здоровья человека.

Приказ Министра здравоохранения СССР от 14.06.1972 № 482 «Об улучшении обеспечения лечебно-профилактических учреждений и клиник трупными тканями, костным мозгом и кровью» четко

¹ Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) // Свод законов РСФСР. Т. 8. С. 497.

определял методы забора, изъятия, хранения и использования органов и тканей человека.

В 1977 г. Министерством здравоохранения СССР была принята «Временная инструкция для определения биологической смерти и условий, допускающих изъятие почки для трансплантации», согласно которой изъятие почки у трупа в донорских целях должно было начаться не ранее чем по истечению 30 минут после «бесспорного установления клинической смерти, наступившей, несмотря на проведение комплекса реанимационных мероприятий».

Согласно тексту анализируемой Инструкции, смерть мозга не была равна биологической смерти, поэтому изъятие для дальнейшей трансплантации органов, чувствительных к длительной гипоксии (таких как сердце, печень и т. д.), становилось с точки зрения советского медицинского права невозможным, что на долгое время затормозило развитие этого направления трансплантологии в нашей стране.

Однако спустя десять лет, в 1987 году, был принят Приказ Министерства здравоохранения СССР от 17.02.1987 «О дальнейшем развитии клинической трансплантологии в стране (вместе с инструкцией по констатации смерти в результате полного необратимого прекращения функций головного мозга и временной инструкцией о порядке изъятия органов и тканей у доноров трупов)», где был пересмотрен взгляд на констатацию наступления момента смерти (теперь она отождествлялась с моментом смерти мозга), что сделало возможным дальнейшее развитие трансплантологии в нашем государстве.

Сегодня в Российской Федерации действует ряд нормативных правовых актов федерального уровня, которые регулируют отношения, связанные с органами и тканями человека:

- Конституция Российской Федерации;
- Уголовный кодекс Российской Федерации;
- Гражданский кодекс Российской Федерации;
- Закон РФ от 22.12.1992 № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека»;
- Федеральный закон от 12.01.1996 № 8-ФЗ (ред. от 23.05.2018) «О погребении и похоронном деле»
- Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»;

- Федеральный закон от 20.07.2012 № 125-ФЗ «О донорстве крови и ее компонентов».

В настоящем параграфе рассмотрены исторические аспекты использования органов и тканей человека в преступных целях.

В целом в первой главе данной работы сделаны следующие выводы:

- изучено определение понятия «органы и ткани человека» с медицинской и правовой точек зрения. Учитывая, что данного определения в законе нет, однако есть определение понятия «биологический материал человека»; с точки зрения медицины в рамках права данное определение являются тождественными, поэтому предлагается в данном исследовании считать термины «биологический материал человека», а также «органы и ткани человека» «органы», «ткани» синонимами – терминами, обозначающими одно и то же понятие. Однако в уголовном законодательстве используются термины «органы и ткани человека», поэтому именно такая формулировка заявлена в теме данного исследования;
- изучены международно-правовой аспект регулирования органов и тканей человека, а также правовое регулирование отношений, связанных с органами и тканями человека в зарубежных странах, включая право на прерывание беременности, поскольку с точки зрения российского медицинского права эмбрион является органом беременной им женщины;
- изучены аспекты изменения пола с соответствующим правовым регулированием в тех странах, где данная манипуляция является законной, поскольку при таких вмешательствах органы и ткани человека и их правовое регулирование играет главенствующую роль;
- история правового регулирования отношений начинается с конца XIX – начала XX веков. Сегодня в Российской Федерации действуют несколько нормативных правовых актов федерального уровня, которые регулируют отношения, связанные с органами и тканями человека, в том числе Уголовный кодекс, в котором содержатся санкции за преступления, предметов которых являются органы и ткани человека.

Глава 2

ОРГАНЫ И ТКАНИ ЧЕЛОВЕКА КАК ПРЕДМЕТ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

2.1. Преступления, связанные с каннибализмом, и наказание за них

Трудно в это поверить, но сегодня, в XXI веке, находятся люди, которые занимаются употреблением в пищу себе подобных. Что же такое каннибализм? В современном российском законодательстве нет определения данного понятия, поэтому, чтобы обозначить, о каком явлении пойдет речь в данной части исследования, обратимся к догматическим источникам. Согласно толковому словарю Т. Ф. Ефремовой, каннибалом может быть людоед; крайне жестокий человек; животное, поедающее особей своего вида¹.

Также следует сказать о понятии «людоед». Согласно тому же словарю Т. Ф. Ефремовой, людоедом является тот, кто употребляет в пищу человеческое мясо². А. Н. Чудинов говорит о том, что понятия «людоед» и «антропофаг» синонимичны³. Понятие «антропофаг» зачастую используется в психиатрии, однако об этом будет сказано ниже.

¹ Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Рус. яз. – медиа, 2000. С. 534.

² Там же. С. 488.

³ Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка // Материалы для лексической разработки заимствованных слов в рус. лит. речи: С портр. и краткой био-гр. А. Н. Чудинова / сост. под ред. А. Н. Чудинова. 3-е изд., тщательно испр. и знач. доп. (более 5000 новых слов) преимущественно соц.-полит. терминами, вошедшими в жизнь в последние годы. СПб.: Изд-во В. И. Губинского, 1910. 676 с.

Казалось бы, все три обозначенных понятия («каннибал», «людоед», «антропофаг») означают одно и то же, но это не совсем так: людоед (антропофаг) – это кто-то, кто поедает человеческую плоть. Людоедом (антропофагом) может быть не только человек, но и представитель животного мира, который употребляет в пищу органы и ткани человека. Однако в данном исследовании мы говорим о преступлениях, связанных с каннибализмом, а субъектом преступлений, согласно ст. 19 Уголовного кодекса Российской Федерации, могут быть лишь физические лица, поэтому в рамках изучаемой темы людоедом (антропофагом) будет являться именно человек, поедающий плоть другого человека.

Что же касается каннибализма, то это понятие описывает явление поедания живым существом представителя своего вида. Животное становится каннибалом тогда, когда начинает употреблять в пищу своих сородичей. Тем не менее, как говорилось выше, субъектом преступления по уголовному законодательству России может быть только физическое лицо, поэтому каннибалом в рамках данного исследования становится человек, поедающий плоть человека.

Итак, понятие «людоед» тождественно понятию «антропофаг», но эти два понятия отличны от понятия «каннибал». Однако в данном исследовании речь идет о поедании человеческой плоти человеком (потому что только человек может быть субъектом преступления, совершить противоправное деяние, быть привлеченным к уголовной ответственности и нести наказание), поэтому все три понятия – «людоед», «антропофаг» и «каннибал» – будут означать человека, поедающего человеческую плоть.

В Уголовном кодексе Российской Федерации есть несколько составов, которые так или иначе связаны с каннибализмом. В данной части исследования остановимся на тех составах, где объектом преступления будут являться жизнь и здоровье потерпевшего: это п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ и п. «ж» ч. 4 ст. 111 УК РФ (убийство в целях использования органов и тканей человека и причинение тяжкого вреда здоровью в целях использования органов и тканей человека соответственно).

Помимо этого, под такие преступления попадает состав, описанный в ст. 244 УК РФ (надругательство над телами умерших и местами их захоронения). Но в случае с п. «м» ч. 2 ст. 105 и п. «ж». 2 ст. 111 УК РФ видовым объектом выступают жизнь и здоровье потерпевшего,

а в ст. 244 – общественная нравственность. Учитывая структуру Уголовного кодекса Российской Федерации, а также то, что в соответствии со ст. 2 Конституции РФ¹ человек, его права и свободы являются высшей ценностью в Российской Федерации, в данной работе будут рассмотрены сначала составы, объектом которых выступают жизнь и здоровье человека, а затем преступление против общественной нравственности.

Пункт «м» ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса РФ в своей диспозиции говорит об убийстве, совершенном с целью использования органов и (или) тканей человека. Коллектив московских авторов утверждает, что по п. «м» ч. 2 ст. 105 УК может быть квалифицировано убийство, совершенное с целью каннибализма, ритуальных действий, сексуальных извращений и т. д., когда органы или ткани человека используются в каких-либо целях². В свою очередь, п. «ж» ч. 2 ст. 111 УК РФ говорит о причинении тяжкого вреда здоровью в целях использования органов и тканей потерпевшего. Логично предположить, что здесь целями также могут выступать каннибализм, ритуальные действия, сексуальные извращения и т. д.

Следует отметить, что эта позиция вызывает споры среди ученых. Например, С. В. Павлуцкая считает, что такое деяние, как убийство с целью каннибализма (как и ритуальное убийство³) попадает под указанную квалификацию⁴. В то же время данная позиция подвергается критике в монографии Е. А. Капитоновой, О. В. Романовской, Г. Б. Романовского «Правовое регулирование трансплантологии», выпущенной в 2016 году⁵. В указанной работе авторы ставят под со-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

² См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) / А. В. Бриллиантов, А. В. Галахова, В. А. Давыдов [и др.]; отв. ред. В. М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. Т. 2: Особенная часть. Разделы VII–VIII. 371 с.

³ Хомякова М. А. Биологический материал человека как предмет ритуальных убийств и квалификация таких преступлений // Эволюция российского права: материалы XVI Международной науч. конф. молодых ученых и студентов. Екатеринбург, 2018. С. 400–402.

⁴ Павлуцкая С. В. Убийства, совершаемые приотягчающих обстоятельствах, характеризующих особенности субъективной стороны: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2009. С. 150.

⁵ См.: Капитонова Е. А., Романовская О. В., Романовский Г. Б. Правовое регулирование трансплантологии: моногр. М.: Проспект, 2016. 144 с.

мнение точку зрения С. В. Павлуцкой, аргументируя это тем, что говоря о квалификации убийства с целью каннибализма по п. «м» ч. 2 ст. 105 С. В. Павлуцкая использует расширительное толкование закона по методу аналогии, ведь такая цель, как каннибализм, в тексте данной нормы не прописана, а аналогию, согласно ч. 2 ст. 3 УК РФ, применять в уголовном праве нельзя.

С точки зрения методологии уголовного права можно поспорить с авторами и сказать о том, что в данном случае используется не метод аналогии, а метод расширительного толкования закона. Но и в этом случае возникает догматический конфликт, задевающий на сей раз основы правовой герменевтики: указанные в данном исследовании составы являются квалифицированными, наказание за них более тяжкое, чем за обычный состав. Как утверждается в уголовно-правовой литературе, расширительное толкование норм уголовного законодательства в части, определяющей основания уголовной ответственности, не допускается¹. Применяя нормы, являющиеся предметом данной дискуссии, правоприменитель, с точки зрения некоторых догматиков, нарушает принципы справедливости и гуманизма, характерные не только для уголовного права России в частности, но и для правовой системы России в целом².

В то же время коллектив авторов монографии «Правовое регулирование трансплантологии» соглашается с предложением Н. А. Колчиной конкретизировать в тексте п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ ряд целей совершения убийства, среди которых будет и каннибализм³.

Нельзя не согласиться с указанной позицией и не поддержать предложение Н. А. Колчиной о внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации. В таком случае диспозиция п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ будет выглядеть следующим образом:

«Убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку, совершенное в целях использования органов и тканей потер-

¹ Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства: моногр. / И. С. Власов, Н. А. Голованова, А. А. Гравина [и др.]; отв. ред. В. П. Кашепов. М.: ИЗИСП, КОНТРАКТ, 2018. 280 с.

² Хомякова М. А. Уголовное наказание за каннибализм: понять и простить? // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 3. С. 77–80.

³ Колчина Н. А. Организационно-правовой механизм борьбы с убийствами, совершенными в целях использования органов и (или) тканей потерпевшего: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 83–84.

певшего (*трансплантологии, каннибализма, ритуальных убийств*)» (предложенный для внесения текст выделен полужирным курсивом. – Х. М.).

В то же время не стоит забывать и о том, что каннибализм возможен не только как цель убийства, но и при причинении тяжкого вреда здоровью потерпевшего, диспозиция п. «ж» ч. 2 ст. 111 будет выглядеть так:

«Причинение тяжкого вреда здоровью человека, совершенное в целях использования органов и тканей потерпевшего (*трансплантологии, каннибализма, ритуальных убийств*)» (предложенный для внесения текст выделен полужирным курсивом. – Х. М.).

Данное предложение во многом соответствует позиции, высказанной в монографии «Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства»: «Уголовный кодекс РФ должен содержать необходимый и достаточный перечень деяний, признаваемых преступлениями»¹.

Существует и иной путь решения данной проблемы: К. Ображиев отмечает, что восполнение пробелов в российском уголовном законодательстве возможно во многом благодаря Постановлениям Пленума Верховного суда². Безусловно, следует не забывать о том, что Россия является частью романо-германской правовой семьи, где судебные акты не могут считаться источниками права. Более того, ч. 1 ст. 3 УК РФ говорит о том, что преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только Уголовным кодексом Российской Федерации.

Тем не менее восполнение пробелов уголовного законодательства традиционно ложится на Постановления Пленумов Верховного Суда (далее – ППВС).

Анализируя ППВС от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»³, можно заметить, что Верховным судом даны разъяснения по толкованию почти всех пун-

¹ Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства: монография / И. С. Власов, Н. А. Голованова, А. А. Гравина [и др.]; отв. ред. В. П. Кашепов. М.: ИЗИСП, КОНТРАКТ, 2018. 280 с.

² Ображиев К. Постановления Пленума Верховного Суда РФ как формальные (юридические) источники российского уголовного права // Уголовное право. 2008. № 4. С. 43.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Рос. газ. 1999. № 24. 9 февр.

ктов ч. 2 ст. 105 УК РФ, кроме п. «м» ч. 2 т. 105, поэтому толковать, в каких целях используются органы и ткани убитого, можно по-разному.

Нет комментариев Верховного суда как по п. «ж» ч. 2 ст. 111 УК РФ в частности, так и по ст. 111 УК РФ в целом. Единственным разъясняющим данную норму документом является Постановление Правительства РФ от 17.08.2007 № 522 (ред. от 17.11.2011) «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека»¹, где также нет ни слова о том, как именно может использовать органы и ткани потерпевшего субъект преступления.

В связи с этим, дабы не множить сущее без необходимости, следуя предписаниям Уильяма Оккама², и не вносить поправки в Уголовный кодекс Российской Федерации, можно предложить дополнить текст ППВС от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» пунктом, разъясняющим, что же имел в виду законодатель под определением убийства с целью использования органов и тканей потерпевшего. Среди целей предлагается обозначить, как говорилось выше, трансплантацию органов, каннибализм, ритуальные убийства. Также предлагается обозначить, что данные цели распространяются и на преступления, предусмотренные п. «ж» ч. ст. 111 УК РФ.

Принимая во внимание несовершенство законодательства, предлагается считать п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ и п. «ж» ч. 2 ст. 111 УК РФ преступлениями, связанными с каннибализмом, тем более что в научных работах по уголовному праву встречается точка зрения, согласно которой законность не должна исключать возможность усмотрения правоприменителя в регулировании уголовно-правовых отношений³, а проблема каннибализма актуальна для современного уголовного права России. Например, в 1997 году был приговорен к смертной казни Владимир Николаев, известный как новочеркасский людоед: во время пьяной драки Николаев убил собутыльника, расчленил его

¹ Постановление Правительства РФ от 17.08.2007 № 522 (ред. от 17.11.2011) «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // СЗ РФ. 2007. № 35. Ст. 4308.

² Жуйков П. В. Применение методологического принципа Уильяма Оккама «Бритва Оккама» в образовательной практике // Восточно-Европейский науч. вестн. 2018. № 1 (13). С. 11–12.

³ Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства: моногр. / И. С. Власов, Н. А. Голованова, А. А. Гравина [и др.]; отв. ред. В. П. Кашепов. М.: ИЗИСП, КОНТРАКТ, 2018. 280 с.

и попробовал мясо жертвы. Позже Владимир повторил преступление, часть трупа второй жертвы он съел сам, а часть продал на рынке, выдавая человеческую плоть за мясо сайгака. Частями тел убитых Владимир угощал своих друзей, которых насторожил странный вкус мяса (Николаев выдавал гостинцы за мясо животных). В 1999 году смертная казнь была заменена пожизненным лишением свободы, сейчас людоед отбывает наказание в исправительной колонии особого режима «Черный дельфин» признается, что предпочел бы расстрел пожизненному лишению свободы.

М. Я. Масленников зачастую анализирует случаи каннибализма, происходившие в России в начале 2000-х. Следует отметить, что значительная часть из них происходила из-за пьяных ссор, перерастающих в драку, а затем и в убийство. В результате тело умершего расчленяли, его фрагментами закусывали, а остатки продавали на рынке под видом говядины, свинины и т. д.¹

Эти примеры показывают необходимость рассмотрения преступлений, связанных с каннибализмом, в российском уголовном праве и наказаний за них хотя бы с учетом имеющихся (пуская и несовершенных с точки зрения юридической техники) составов².

Итак, в п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ общим объектом преступления будут являться все блага, охраняемые уголовным законодательством России. Родовой и видовой объекты в данном случае совпадают: это жизнь и здоровье. Непосредственный объект – жизнь и здоровье потерпевшего.

Объективная сторона в виде деяния в форме действия, которое послужило причиной смерти потерпевшего. Данный состав является материальным, то есть наступление последствия является обязательным для того, чтобы преступление считалось оконченным.

Субъектом данного преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. Согласно ч. 2 ст. 20 УК РФ, это возраст 14 лет.

¹ Масленников М. Я. Правовые темы подсказывают газеты // Административный процесс: теория и практика / Отв. ред. А. С. Дугенец. М.: Школа спецподготовки «Витязь», 2008. С. 137–149.

² Хомякова М. А. Причины преступлений, связанных с каннибализмом // Проблемы реформирования российской государственности: материалы XIII Всерос. конф. студентов и молодых ученых. Екатеринбург, 2018. С. 206–207.

Субъективная сторона: вина в форме умысла. Субъект должен знать об общественно опасных последствиях своего деяния и хотеть (либо допускать) их.

Квалифицирующим признаком данного преступного деяния будет цель – факультативный признак субъективной стороны преступления. Субъект совершает убийство (то есть умышленное причинение смерти другому человеку, согласно ч. 1 ст. 105 УК РФ) с целью использования органов и тканей потерпевшего.

Следует конкретизировать, что в случае каннибализма целью является не просто использования органов и (или) тканей человека, а употребление их в пищу.

Необходимо отметить, что момент возникновения умысла на поедание в пищу плоти убитого также влияет на квалификацию преступления: если субъект убивал человека с целью употребления в пищу тела (или фрагментов тела) убитого, то квалифицировать преступление стоит по п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а вот если убийца уже после умышленного причинения смерти потерпевшему решит употребить в пищу плоть жертвы, то тогда необходимо квалифицировать такое деяние по ст. 244 УК РФ (надругательство над телом умершего)¹. Примером может являться случай из Хакасии, когда Г., находясь в состоянии алкогольного опьянения, убил своего отца ударом ножа в шею, а затем, дабы закрепить свое превосходство над умершим родителем, стал отрезать от тела кусочки, жарить их и употреблять в пищу.

Учитывая, что изначально Г. не имел целью убийства поедание органов и тканей потерпевшего (такая цель появилась у него уже после смерти отца), суд назначил ему наказание по совокупности ч. 1 ст. 105 УК РФ и ч. 1 ст. 244 УК РФ².

Следующим в современном уголовно-правовом законодательстве Российской Федерации преступлением, связанным с каннибализмом, является п. «ж» ч. 2 ст. 111 УК РФ – причинение тяжкого вреда здоровью человека с целью использования его органов и (или) тканей.

Общим объектом данного преступления будут являться все блага, охраняемые уголовным законодательством России. Родовой и видовой

¹ Калужская А. В. Критерии разграничения убийства и надругательства над телом умершего // Законность. 2017. № 10. С. 43–46.

² Приговор Аскизского районного суда Республики Хакасия от 27 августа 2009 г. по делу № 1-184/2009 // СПС «КонсультантПлюс».

объекты в данном случае совпадают: это жизнь и здоровье. Непосредственный объект – жизнь и здоровье потерпевшего.

Объективная сторона в виде деяния в форме действия, которое послужило причиной смерти потерпевшего. Данный состав является материальным, то есть наступление последствия является обязательным для того, чтобы преступление считалось оконченным.

Субъектом данного преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. Согласно ч. 2 ст. 20 УК РФ, это возраст 14 лет.

Субъективная сторона: вина в форме умысла. Субъект должен знать об общественно опасных последствиях своего деяния и хотеть (либо допускать) их.

Квалифицирующим признаком данного преступного деяния будет, как и в случае с предыдущим анализируемым составом, цель – факультативный признак субъективной стороны преступления. Субъект причиняет жертве тяжкий вред здоровью с целью использования органов и тканей потерпевшего.

Вред, который причиняется здоровью потерпевшего, в данном случае может быть только тяжким, поскольку подразумевает, что после завершения данного преступления (а рассматриваемый состав, заметим, является формальным) жертва в большинстве случаев лишится какой-либо части тела, поскольку та будет употреблена в пищу субъектом преступления и утеряна для жертвы безвозвратно (если речь, конечно, не идет о так называемых вампирах, но этот случай будет рассмотрен ниже). Согласно п. «а» ч. 4 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека¹, потеря какого-либо органа является тяжким вредом здоровью человека.

При этом парадоксом российского законодательства в целом (и уголовного в частности) является тот факт, что наказание за каннибализм, не связанный с причинением вреда жизни или тяжкого вреда здоровью жертвы либо с надругательством над телом умершего, отсутствует.

¹ Постановление Правительства РФ от 17.08.2007 № 522 (ред. от 17.11.2011) «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // СЗ РФ. 2007. № 35. Ст. 4308.

Иными словами, можно смело употреблять в пищу органы и ткани человека, однако при этом не нужно наносить вред жизни или здоровью потерпевшего.

Можно предположить, что наказание за каннибализм прямо не предусмотрено современным уголовным законодательством, поскольку в наше время сложно представить, что существуют люди, питающиеся человеческой плотью.

В Индии живут люди, называющие себя агхори (в иной вариации – агхора), обряды которых зачастую связаны со смертью¹. Агхори идут по так называемому «левому» тантрическому пути, целью которого является просветление. Члены секты агхори (а туда принимают только мужчин) обожают смерть, поэтому среди их обрядов зачастую присутствует ритуальный каннибализм. Убийства противоречат религиозным убеждениями агхори, поэтому проблему с каннибализмом они решают в основном двумя путями:

- 1) вылавливают трупы, идущие по течению из Ганга, либо используют в ритуалах тела, оставшиеся на месте погребальных костров;
- 2) умершие в свое время самостоятельно завещали свое тело для ритуальных целей агхори.

Эти примеры показывают, каким образом может быть совершен каннибализм без причинения вреда жизни и здоровью потерпевшего, а значит, если в Российской Федерации кто-то решит завещать свое тело людоеду, то будет весьма затруднительно привлечь каннибала к уголовной ответственности.

Конечно, можно возразить, говоря о том, что желание быть съеденным (пускай и в благих целях) не может возникнуть у человека с европейским складом ума. Однако практика показывает, что подобные мысли возникают у людей во всех точках земного шара. В начале XX века вызвало широкий резонанс дело гражданина Германии Армина Майвеса, который выложил в сеть Интернет заманчивое предложение о знакомстве с последующим актом каннибализма. На объявление откликнулись многие, желающие сделать вечер незабываемым, однако герр Майвес выбрал только одного, им оказался

¹ Свобода Р. Агхора. По левую руку бога. М.: Саттва, 1998. 352 с.

Бернд-Юрген Брандес. Будущая жертва каннибала взяла трехдневный отпуск на работе и отправилась навстречу судьбе.

Мужчины приятно провели вместе время, после чего Майвес отрезал Брандесу половой орган, приготовил его со специями и чесноком, и любовники закусили вино человечинной. Брандес предложил отрезать от него еще кусочек для продолжения трапезы, но Майерс не решился. Неизвестно, может быть, Брандес и уговорил бы своего нового возлюбленного продолжить во всех смыслах слова членовредительство в гастрономических целях, но не выдержал мук от потери крови. Чтобы облегчить участь Брандеса, Майвес решил его убить, после чего поцеловал труп, попросил прощения и расчленил тело.

Откуда общественности стали ясны подробности интимной встречи жертвы и людоеда? Во-первых, Майвес давал показания в ходе уголовного процесса. Во-вторых, эти показания совпали с видеозаписью, которую любовники вели на камеру с целью дальнейшего ее распространения в сети Интернет.

Майерса судили за «помощь самоубийству». Иными словами, Майвеса привлекли только за причинение смерти Брандесу. А что касается каннибализма, то адвокат привел доводы о том, что его подзащитный просто хотел осуществить свою мечту и стать людоедом, а умерший ему в этом помог. И вообще, Брандес сам употреблял в пищу свою плоть, поэтому был весьма не против случившегося. В общем, Майвеса сначала привлекли к уголовной ответственности не за каннибализм, а за причинение смерти потерпевшему. Спустя годы Майвеса признали невменяемым и освободили от уголовной ответственности в принципе.

В Соединенных Штатах Америки существует политическая организация «Церковь эватаназии», обоснованная в г. Бостон (штат Массачусетс) Крисом Кордом¹, одним из основополагающих принципов которой является каннибализм. Следует отметить, что члены организации практикуют не криминальный каннибализм, то есть поедают тела людей, умерших своей смертью.

¹ Davis D. H., Hankins B. *New Religious Movements and Religious Liberty in America*. Waco: Baylor University Press, 2003. P. 66.

Очевидно, что до сих пор во многих точках земного шара практикуется каннибализм, причем в значительном количестве случаев он не является криминальным. Так ли это в Российской Федерации?

Как было сказано выше, в Уголовном кодексе Российской Федерации нельзя найти ни одного состава преступления, диспозиция которого бы содержала термин «каннибализм», поэтому в судебной практике российских судов также были случаи, когда некриминальный каннибализм не повлек для людоеда правовых последствий.

Известность приобрела история о таежной рыбалке, состоявшейся в 2012 году: в мероприятии приняли участие четверо товарищей, которые заблудились в лесу. Один из них пропал без вести, двое других затеяли драку, в результате которой один из участников похода, Алексей Горуленко, нанес тяжкие телесные повреждения потерпевшему, от которых тот вскоре скончался. Спустя некоторое время Горуленко и оставшийся в живых четвертый участник похода почувствовали голод и, не найдя других источников пищи, начали есть фрагменты тела товарища, умершего в результате драки с Горуленко. После того как заблудившихся нашли, Горуленко был осужден Нерюнгринским районным судом Республики Саха (Якутия) к 3,5 года лишения свободы условно за причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего (позже это наказание было заменено Верховным судом Республики Саха (Якутия) 12 годами колонии). За каннибализм Горуленко привлечен не был, а оставшийся в живых участник неудавшейся рыбалки, который не принимал участия в драке, но употреблял в пищу фрагменты тела умершего товарища, и вовсе избежал уголовной ответственности¹.

В 2010 году в г. Санкт-Петербурге были осуждены Ю. П. Можнов и М. О. Главатских, которые обокрали и убили свою знакомую, несовершеннолетнюю К. О.² Пригласив жертву на вечеринку, преступники утопили ее в ванной, забрали себе личные вещи, принадлежавшие умершей, а ее тело расчленили. Некоторые фрагменты тела умершей Можнов и Главатских пожарили и съели, остатки упаковали в пакеты и выбросили. Суд приговорил Можнова и Главатских по п. «ж» ч. 2 ст. 105 (убийство, совершенное группой лиц по предваритель-

¹ Верховный суд Якутии приговорил обвиняемого в каннибализме к 12 годам колонии. URL: <http://tass.ru/proisshestiya/1462657> (дата обращения: 18.04.2017).

² Приговор Санкт-Петербургского городского суда от 05.05.2010 по делу № 2-30/2010.

ному сговору) и п. «а» ч. 2 ст. 158 (кража, совершенная группой лиц по предварительному сговору). За расчленение и поедание тела К. О. убийцы-людоеды наказаны не были. Решение осталось неизменным и в кассационной инстанции¹.

В сентябре 2018 года в г. Краснодаре были задержаны супруги Бакшеевы: житель Краснодара нашел телефон, в котором находились фотографии Дмитрия Бакшеева, позировавшего с фрагментами человеческого тела (в частности с женской кистью руки у него во рту). В ходе оперативных действий жилища супругов Бакшеевых были обнаружены другие фото и видео, содержащие изображения приготовленных в пищу фрагментов тел жертв каннибалов. В квартире также была обнаружена тушенка и консервы из человеческого мяса. Убийствами с целью каннибализма супруги занимались с 1999 г. 27 февраля 2019 года Наталье Бакшеевой было назначено наказание в виде 10 лет лишения свободы за подстрекательство ее супруга Дмитрия к убийству (ч. 1 ст. 105 + ч. 3 ст. 33)². Дмитрию Бакшееву приговор пока не вынесен, однако на примере его супруги видно, что за каннибализм в российском уголовном праве, как показывает новейшая история, наказание не назначалось даже с учетом того, что Бакшеевы совершали преступления именно для того, чтобы употребить в пищу фрагменты тела своих жертв.

Объяснение того, что даже в этом случае антропофагам из Краснодара не вменили п. «м» ч. 2 ст. 105, лишь одно: в указанной норме использование органов и тканей умершего определено как цель совершения преступления, а по материалам дела Бакшеевых в их случае каннибализм выступал мотивом преступления.

Цель и мотив являются факультативными признаками субъективной стороны состава преступления и во многом схожи. Для понимания квалификации, инкриминируемой Бакшеевой (и в иных делах, связанных с каннибализмом), следует обозначить, чем мотив отличается от цели и почему в российском уголовном процессе не вменяется п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ за каннибализм.

Согласно определению, данному в догматических источниках, мотивом преступления как факультативным признаком субъективной

¹ Определение Верховного Суда РФ от 15.07.2010 № 78-О10-76сп.

² Приговор Прикубанского районного суда от 27.02.2019 на основании вердикта присяжных заседателей.

стороны являются внутренне побуждения, которые вызывают у лица решимость совершить преступление, а целью – результат, к достижению которого стремится лицо, совершающее преступление¹.

Краснодарские каннибалы Бакшеевы, совершая преступление (в случае Натальи – подстрекая к преступлению), вполне четко представляли себе результат, которого они хотели достичь: употребить в пищу человеческое мясо.

Как было сказано выше, каннибализм является действием, то есть поеданием представителя своего вида. Можно сказать, что целью убийства было совершение определенного действия (поедания органов и тканей потерпевшего). И трудно себе представить, как действие может быть внутренним побуждением.

Поэтому в связи с вышеизложенным становится понятно, что в данном случае необходимо квалифицировать деяния Бакшеевых как убийство (или подстрекательство к нему) в целях каннибализма (то есть в целях использования органов и тканей жертвы в качестве пищи). Используя метод индукции, можно сделать вывод, что в целом к убийствам, совершенным ради каннибализма, следует применять наказание, предусмотренное п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Деяния Д. Бакшеева были квалифицированы по совокупности ч. 1 ст. 105 и ч. 1 ст. 244 УК РФ² согласно приговору Прикубанского районного суда г. Краснодара³.

В 2020 году был осужден каннибал С., который систематически убивал людей для употребления в пищу их мяса. С 2016 по 2018 год С. на территории Архангельской области убил троих человек, фрагменты тела которых употребил в пищу. С. был осужден по пп. «а», «м». ч. 2 ст. 105 УК РФ, то есть за убийство двух и более лиц в целях использования органов и тканей потерпевшего⁴.

¹ Бриллиантов А. В., Иванова Я. Е. Уголовное право России в схемах и определениях: учеб. пособие. М.: Проспект, 2018. С. 13.

² «Кубанского каннибала» посадили на 12 лет. URL: <https://news.rambler.ru/crime/42412112-kubanskogo-kannibala-posadili-na-12-let> (дата обращения: 09.09.2019).

³ Приговор Прикубанского районного суда г. Краснодара от 29.02.2019 по делу № 1-406/2019. URL: https://krasnodar-prikubansky-krd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_uid=D78FEAD3-E9E3-4132--948F-25EB88896D14&_deloId=1540006&_caseType=0&_new=0&srv_num=1 (дата обращения: 09.09.2019).

⁴ Апелляционное определение Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 08.09.2020 по делу № 55-473/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

Однако п. «м» ч. 2 ст. 105 не всегда звучит в приговорах по делам об убийствах, связанных с каннибализмом. Почему же складывается такая процессуальная практика в уголовной юстиции России?

Как было сказано выше, в диспозиции указанной нормы четко не указано, что убийство с целью каннибализма императивно необходимо квалифицировать именно по п. «м» ч. 2 ст. 105, Верховный суд Российской Федерации также не имеет четкой позиции по этому поводу, а догматические трактаты (пусть они и не являются источниками права) разнятся в своих рекомендациях о применении данной нормы в случае убийства, совершенного в целях каннибализма.

В современном мире, как было сказано выше, имеет место каннибализм, который совершается без причинения вреда здоровью потерпевшего (агхори, вари, «Церковь эвтанази»). Вопреки мнению, которое могло сложиться в ходе изучения данной части исследования, случаи каннибализма характерны не только для развивающихся обществ или для последователей той или иной религии, а также членов секты. В Китайской Народной Республике, государстве, нашедшем в своем развитии баланс между развитым социализмом и капитализмом, также практикуется легальный каннибализм¹.

Человеческие эмбрионы, которые стали результатом естественного или искусственного прерывания беременности, могут быть приготовлены в одном из китайских ресторанов, получивших лицензию на приготовление такого «деликатеса».

Пищевые корпорации сегодня проводят эксперименты с добавлением клеток эмбрионов в продукцию для усиления вкуса. Ю. А. Чернышева пишет: «Клетки абортированных эмбрионов могли также быть использованы для разработки усиливающих вкусовых агентов супов и безалкогольных напитков. Такие компании, как PepsiCo, Kraft Foods и Nestle, сообщали, что они были партнерами биотехнологической фирмы Senomux, которая использует клетки почки человеческого эмбриона в своих исследованиях, направленных на поиск привкусов, приятных для вкусовых рецепторов»².

¹ Барабанова О. Н. К вопросу об установлении момента начала жизни в Уголовном кодексе Российской Федерации // Новая наука: гипотезы, взгляды и факты: сб. науч. тр. / Под общ. ред. С. В. Кузьмина. Казань, 2017. С. 94–97.

² Чернышева Ю. А. Причины, условия возникновения преступлений в сфере реализации программы суррогатного материнства, а также их предупреждение // Семейное и жилищное право. 2013. № 3. С. 6–8.

Если подобные эксперименты приведут к выводу о том, что добавленные в пищевые продукты клетки человеческих эмбрионов действительно благоприятно влияют на вкусовые ощущения потребителя, то такие добавки могут стать повсеместными и приведут к тому, что каждый потребитель продуктов крупных корпорация (то есть почти каждый житель нашей планеты) станет каннибалом.

И такой результат эксперимента вполне вероятен, поскольку органы и ткани организма представителя своего вида легко усваиваются и вызывают приятные вкусовые ощущения и привыкание, о чем неоднократно говорили субъекты, осужденные за преступления, связанные с каннибализмом.

С учетом сложившейся практики и коллизии уголовного законодательства возникает вопрос: должен ли подлежать каннибализм наказанию, если он не влечет за собой угрозы жизни и/или здоровью потерпевшего?

Изучая каннибализм, необходимо затронуть вопросы нравственности. Ученые отмечают, что нельзя говорить об уголовном праве, опуская тему нравственности. С. В. Тесаков замечает, что именно нравственность составляет средство обеспечения выживаемости рода, племени, народа и общества в целом¹. Криминолог Ю. М. Антонян называет каннибализм отрицанием цивилизации, явлением, которое находится в непримиримом противоречии с общепринятыми нравственными и правовыми нормами².

И если с точки зрения нравственности каннибализм недопустим (а нравственность является одной из основ уголовного права), то с точки зрения медицины каннибализм представляет угрозу не только для жертвы, но и для самого каннибала. Так, каннибализм может привести к развитию болезни куру, из-за которой в течение нескольких месяцев ткани головного мозга деградируют, превращаясь в губчатую

¹ Тесаков С. В. *Оправданное преступление в поэме К. Иванова «Нарспи» // Уголовные законоположения в изобразительном, ораторском искусстве, драматургии, классической литературе и кино: коллект. моногр. по материалам XIII Междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти основателя уральской уголовно-правовой школы, заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора М. И. Ковалева. Екатеринбург: УрГЮУ, 2016. С. 113–114.*

² Антонян Ю. М. *Отрицание цивилизации: каннибализм, инцест, детоубийство, тоталитаризм. М.: Логос, 2003. 256 с.*

массу. Эта болезнь получила свое распространение на африканском континенте именно благодаря каннибализму¹.

Многие каннибалы, среди которых Альберт Фиш, Николай Джумагалиев, Алексей Суклетин, Иссеи Сагава, Александр Пирс, утверждали, что после того, как они попробовали человеческое мясо, им не хотелось никакого другого, так как человеческое мясо намного вкуснее, сочнее, чем мясо животных. Каннибализм вызывает зависимость и желание есть человеческое мясо снова и снова.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что каннибализм, даже не связанный с убийством жертвы и причинением ей тяжких телесных повреждений, имеет минимум три опасных для общества и человека последствия: подрывает нравственные устои; опасен для здоровья каннибала; акт людоедства, совершенный единокжды, провоцирует каннибала вновь попробовать человеческое мясо, то есть подталкивает его на совершение преступления, поскольку легально добыть такой «продукт питания» в большинстве стран невозможно.

Каннибализм не должен оставаться безнаказанным, поскольку в истории российского права существует ряд дел, когда каннибалы (не причинившие вреда здоровью жертвы, стоит отдать им должное) оставались на свободе, ведь нашим законодательством не предусмотрено наказание за подобное деяние.

Предлагается ввести в текст Уголовного кодекса Российской Федерации (преступления против общественной безопасности и общественного порядка) норму, предусматривающую ответственность за каннибализм, оговаривая ненаказуемость за данное деяние, если каннибализм был необходим для спасения жизни субъекта (в случае, когда не было иной пищи, кроме человеческого тела).

Принимая во внимание тот факт, что каннибализм может быть совершен без причинения вреда жизни и здоровью потерпевшего, автор данного научного исследования согласен с мнением ученых о том, что в случае, если изъятие органов (тканей) человека происхо-

¹ Mead S., Whitfield J., Poulter M., Shah P., Uphill J., Campbell T., Al-Dujaily H., Hummerich H., Beck J., Mein C. A., Verzilli C., Whittaker J., Alpers M. P., Collinge J. A Novel protective prion protein variant that colocalises with kuru exposure // *The New England Journal of Medicine: Research & Review*. 2009. Vol. 19, № 361 (21). Pp. 2056–2065. DOI: 10.1056/NEJMoao809716.

дит после смерти умершего, то такое деяние стоит квалифицировать по ст. 244 УК РФ¹.

Однако мнения расходятся: юристы-практики в отличие от своих коллег теоретиков считают, что поедание мертвого человека нельзя квалифицировать по статье 224 Уголовного кодекса России. Это иллюстрирует комментарий упомянутого выше адвоката Валерия Черникова, который отметил, что только за поедание человеческой плоти к ответственности действительно нельзя привлечь: «Есть статья, предполагающая ответственность за надругательство над телом умершего, но каннибализм к ней никакого отношения не имеет. Как правило, она идет в совокупности со статьей „Убийство“. Получается, что можно есть человека сколько угодно, нужно только правильно научиться готовить», – мрачно пошутил в одном из своих интервью Черников². И приведенные выше примеры подтверждают, что за поедание человеческого мяса не будет следовать никакого наказания.

Возникают и сложности с назначением наказания по ст. 224 УК РФ. Санкция за данное преступление является альтернативной и предусматривает либо штраф, либо исправительные работы (максимум 360 часов), либо арест сроком до трех месяцев. Однако в Российской Федерации нет арестных домов, поэтому с реализацией отбывания максимально тяжелого наказания за надругательство над телом умерших возникают проблемы. Отсюда следует, что самое суровое наказание за поедание умершего человека, если его вдруг назначат (хотя практика говорит о том, что данное деяние не является преступлением с точки зрения современного уголовного права), будет состоять в исправительных работах.

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) / А. В. Бриллиантов, Г. Д. Долженкова, Э. Н. Жевлаков [и др.]; под ред. А. В. Бриллиантова. 2-е изд. М.: Проспект, 2015. Т. 1. 792 с.

² УК не запрещает. Якутских людоедов не смогли наказать за каннибализм. URL: <http://www.vz.ru/society/2013/11/8/658679.html> (дата обращения: 15.03.2017).

2.2. Уголовно-правовая охрана отношений в сфере трансплантологии

Вопрос о борьбе с криминальной трансплантологией стоит остро для мировой общественности: Интерпол и Европол реализуют направление по пресечению, раскрытию и расследованию преступлений, связанных с криминальной трансплантологией, особую роль в этом играют страны Евросоюза, которые, следует признать, зачастую сотрудничают в этом плане с государствами, не входящими в ЕС¹.

Занятие «черной трансплантологией» – очень выгодный криминальный бизнес. Е. Рыжкова и Е. Сокол в научном исследовании «Наука и знание: конкурентный потенциал общества, науки и бизнеса в условиях глобального мира» проанализировали данные и составили приблизительный «прайс-лист» человеческих органов²:

- почка – около 100 тыс. долларов;
- печень – 160 тыс. долларов;
- сердце – 250 тыс. долларов;
- роговица глаза – от 4 тыс. долларов;
- фрагмент кишечника – около 69 тыс. долларов;
- легкое – 58 тыс. долларов;
- поджелудочная железа – 44 тыс. долларов;
- костный мозг – 23 тыс. долларов за грамм;
- кровь – от 25 до 400 долларов за литр.

Стоимость органов и тканей человека варьируется и зависит от физических, физиологических данных донора, а также от государства, где происходит купля-продажа биологического материала человека (в развивающихся странах их стоимость ниже).

Судебная практика Российской Федерации знает случаи, когда врачи обвинялись в убийстве либо покушении на убийство пациента с целью использовать его органы в трансплантологических целях, в частности, чтобы продать полученные преступным путем органы

¹ Рыжов В. Б. Направления сотрудничества стран – участников Европейского союза в противодействии криминальной трансплантологии // Современное право. 2017. № 9. С. 125–129.

² Рыжкова Е. В., Сокол В. О. Черная трансплантология. Незаконное изъятие органов // Наука и знание: конкурентный потенциал общества, науки и бизнеса в условиях глобального мира: сб. ст. по итогам науч.-практ. конф. Ставрополь: Логос, 2016. С. 216–221.

умершего и получить корыстную выгоду от данной сделки, следующей за убийством. Так, в определении Верховного суда РФ от 21.12.2006 по делу № 5-006-179 описывается следующая попытка причинения смерти пациенту медиками с целью посмертного изъятия у него органов: «11 апреля 2003 года в городской клинической больнице <...> группа лиц по предварительному сговору создала условия для причинения смерти другому человеку в целях использования органов потерпевшего, а именно провела мероприятия по подготовке к операции по изъятию почек, что влечет за собой смерть, у находящегося в состоянии комы в связи с черепно-мозговой травмой больного О., однако операция не началась по не зависящим от подсудимых обстоятельствам, их действия в 16 часов 20 минут были пресечены прибывшими работниками милиции и врачами госпиталя»¹.

О. Эльязов в своей работе «Новые тенденции в борьбе с международной преступностью» описывает «черную трансплантологию» в Косово², а В. Рыжов в статье «Направления сотрудничества стран – участниц Европейского союза в противодействии криминальной трансплантологии» говорит о гражданине Израиля Борисе Уокере, который покупал для незаконной трансплантации органы у сирийских беженцев. Уокер осуществлял свою деятельность на территории упомянутого Косово, а также в Турции, Азербайджанской Республике и Шри-Ланке³.

Т. Магомедов, М. Зейналов, В. Гаммаев в статье «Состояние, структура и динамика торговли людьми»⁴ отмечают высокий уровень латентности таких преступлений, поскольку зачастую эти деяния могут быть связаны с другими преступлениями, например с похищением людей. Об этом писал К. Волков, затронувший данный вопрос в 2011 г. в своей работе «Эксплуатация человека как уголовно-правовая категория»⁵.

¹ Определение Верховного суда РФ от 21.12.2006 по делу № 5-006-179 // СПС «КонсультантПлюс».

² Эльязов О. А. Новые тенденции в борьбе с международной преступностью // *Nauka-Rastudent.ru*. 2017. № 1. С. 68.

³ Рыжов В. Б. Направления сотрудничества стран – участников Европейского союза в противодействии криминальной трансплантологии. С. 125–129.

⁴ Магомедов Т. М.-С., Зейналов М. М., Гаммаев В. М. Состояние, структура и динамика торговли людьми // *Юридический вестник ДГУ*. 2015. Т. 15. № 3. С. 129–130.

⁵ Волков К. А. Эксплуатация человека как уголовно-правовая категория // *Российская юстиция*. 2011. № 3. С. 20.

Парадокс российского законодательства: описанная в данном исследовании правовая коллизия показывает, что тому, кто знаком с правовыми нормами России, не составит труда найти человеческие органы и использовать их в качестве товара на рынке «черной трансплантологии». На взгляд автора, это противоречит основным положениям медицинского права Российской Федерации, соблюдение норм которого должны обеспечить сотрудники органов государственной власти¹. Грань между законным и незаконным изъятием органов в современных реалиях очень тонка². С аналогичной проблемой сталкиваются правоприменители в зарубежных странах, особо ярко это выражается в правовой системе государств бывшего Советского Союза. В 2001 году в результате аварии в Латвийской Республике погиб Эгилс Элбертс. Его мать и жена обнаружили, что у тела покойного изъяты некоторые внутренние органы. Согласно п. 18 Постановления ЕСПЧ по данному делу, «В ходе расследования следователи опросили специалистов в области уголовного права, а также в области, касающейся изъятия человеческих органов и тканей. В целом они пришли к выводу, что существовали две правовые системы для регулирования вопросов, связанных с изъятием человеческих органов и тканей: «информированное согласие» и «презумпция согласия». С одной стороны, руководитель отделения танатологии судебно-медицинского центра и эксперты судебно-медицинского центра считали, что на тот момент времени (то есть после вступления Закона в силу 1 января 1993 г.) в Латвийской Республике существовала система «презумпции согласия». По их мнению, система презумпции согласия означала, что «все, что не запрещено, то разрешено». С другой стороны, следователи полагали, что в статье 2 Закона дано четкое указание на то, что правовая система Латвийской Республики более тяготеет к концепции «информированного согласия», следовательно, изъятие было допустимо только в случае, когда оно (явно) было разрешено, то есть когда было получено или согласие донора при его или ее жизни, или согласие

¹ Сунцов Д. С. Цели и задачи как характеристика сущности прокурорского надзора за исполнением законодательства об обеспечении прав граждан на медицинскую помощь // В мире науки и инноваций: сб. ст. по итогам науч.-практ. конф. Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «Аэтерна», 2016. С. 182–184.

² Рыжкова Е. В., Сокол В. О. Черная трансплантология. Незаконное изъятие органов. С. 237.

родственников»¹. По итогам дела ЕСПЧ постановил выплатить потерпевшей стороне 16 000 (шестнадцать тысяч) евро и компенсировать судебные издержки в виде 500 (пятисот) евро.

Российское законодательство, регулирующее отношения в сфере трансплантации органов и тканей человека, по мнению автора, требует определенных реформ, поскольку презумпция на согласие изъятия органов (тканей) у умершего, закрепленная в ст. 8 Закона РФ от 22.12.1992 № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (далее в тексте – ФЗ «О трансплантологии»), вызывает противоречивые чувства у ряда российских ученых², несмотря на позицию, высказанную Конституционным судом в Определении Конституционного суда РФ от 04.12.2003 № 459-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Саратовского областного суда о проверке конституционности статьи 8 Закона Российской Федерации „О трансплантации органов и (или) тканей человека“, согласно которой норма, закрепленная в ст. 8 рассматриваемого Закона, является конституционной.

Данные положения не коррелируют с нормой, закрепленной в п. 1 ст. 5 Федерального закона от 12.01.1996 № 8-ФЗ (ред. от 19.12.2016) «О погребении и похоронном деле», закрепляющими необходимость волеизъявления умершего (в письменной или устной форме) о согласии или несогласии на изъятие органов и (или) тканей из его тела, что отрицает описываемую в предыдущем абзаце презумпцию.

Таким образом, п. 1 ст. 5 ФЗ «О погребении и похоронном деле» и ст. 8 ФЗ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» создают так называемую антиномию: имеют место быть несовместимые по отношению друг к другу высказывания об одном и том же объекте (согласие изъятия органов (тканей) у умершего), имеющие логически равноправное обоснование (две специальные нормы права федерального уровня), а их истинность или ложность нельзя обосновать в рамках принятой теории (теории государства и права России). Отсюда следует, что презумпция и ее отсутствие на согласие изъятия органов

¹ Постановление ЕСПЧ от 13.01.2015 «Дело „Элберте (Elberte) против Латвийской Республики“» (жалоба № 61243/08) // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2015. № 3 (15).

² Капитонова Е. А., Романовская О. В., Романовский Г. Б. Правовое регулирование трансплантологии: монография. М.: Проспект, 2016. 144 с.

(тканей) у умершего, закрепленные в равных по силе нормативных актах, образуют своего рода амбивалентность (двойственность) в отечественном праве, поэтому данный вопрос следует рассмотреть наиболее тщательно. О данной коллизии говорят российские правоведы, занимая различные позиции по поводу возможности наличия презумпции в российском законодательстве, однако так или иначе они приходят к одному выводу: законодателю нужно четко разрешить проблему двойственности и прийти к одной позиции¹.

Аналогичная презумпция присутствует во французском праве²: п. 3 ст. L 1232-1 Кодекса здравоохранения Франции устанавливает: «изъятие органов может быть осуществлено у совершеннолетнего лица, если оно не заявило при жизни своего несогласия на такое изъятие», при этом п. 1 ст. L. 1232-2 говорит, что если умерший был несовершеннолетним (либо совершеннолетним, находящимся под опекой), то решение о трансплантации принимается с письменного разрешения каждого лица, наделенного родительскими или опекунскими правами в отношении умершего. При этом несогласие (как в случае с совершеннолетними умершими, так и с теми, кто окончил жизненный путь до наступления восемнадцатого дня рождения) должно быть официально зафиксировано в виде регистрации в национальном автоматизированном реестре³.

Учитывая низкий уровень правосознания в Российской Федерации, значительное количество людей, умерших на территории России, при жизни и не догадывались о презумпции на изъятие их биологического материала после смерти, поэтому и не заявляли о несогласии на подобные действия со стороны работников медицины.

На основании этого могут быть предложены следующие варианты совершенствования законодательства:

- исключить из текста ФЗ «О трансплантологии» презумпцию на согласие изъятия органов и/или тканей человека после его

¹ Судебная практика в современной правовой системе России: моногр. / Т. Я. Хабриева, В. В. Лазарев, А. В. Габов [и др.]; под ред. Т. Я. Хабриевой, В. В. Лазарева. М.: НОРМА, 2017. 432 с.

² Бинэ Ж. Р. Презюмируемое согласие и выражение несогласия на посмертное изъятие органов во французском праве // Прецеденты Европейского суда по правам человека. 2017. № 9. С. 32–45.

³ Там же.

смерти, а Определение КС РФ от 04.12.2003 № 459-О признать утратившим силу;

- установить на законодательном уровне возможность официально зафиксировать несогласие на посмертное изъятие органов и тканей человека в виде регистрации в национальном автоматизированном реестре по аналогии с французским правом.

Второе предложение в некотором роде сходно с нормами, закрепленными в п. 6–8 ст. 47 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»:

- ч. 6 ст. 47 предусматривает, что совершеннолетний дееспособный гражданин может в устной форме в присутствии свидетелей или в письменной форме, заверенной руководителем медицинской организации либо нотариально, выразить свое волеизъявление о согласии или о несогласии на изъятие органов и тканей из своего тела после смерти для трансплантации (пересадки) в порядке, установленном законодательством Российской Федерации;
- ч. 7 ст. 8 гласит, что в случае отсутствия волеизъявления совершеннолетнего дееспособного умершего право заявить о своем несогласии на изъятие органов и тканей из тела умершего для трансплантации (пересадки) имеют супруг (супруга), а при его (ее) отсутствии – один из близких родственников (дети, родители, усыновленные, усыновители, родные братья и родные сестры, внуки, дедушка, бабушка);
- ч. 8 ст. 8 предусматривает случай, когда умерший был недееспособным по закону или суду. В этом случае изъятие органов и тканей из тела умершего для трансплантации (пересадки) допускается на основании испрошенного согласия одного из родителей или иных представителей умершего.

Необходимо отметить, что указанные нормы права могут быть труднореализуемы на практике: человек может не обладать способностью изъясняться вербально и (или) письменно, не владеть русским или иным языком, который знает персонал медицинского учреждения, быть в бессознательном состоянии, не иметь родственников (опекунов, представителей) и т. д.

Необходимо отметить, что в 2016 году вступил в силу Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных

продуктах», ст. 8 которого в императивном порядке регулирует обязательную регистрацию этих самых биомедицинских клеточных продуктов, то есть процесс регистрации биологического материала человека в Российской Федерации законодательно предусмотрен. Вполне вероятно, в скором времени закон будет регулировать и регистрацию согласия (либо его отсутствия) человека на посмертное использование его органов в качестве трансплантационного материала на территории Российской Федерации.

Высказанные выше предложения, а также реализуемые на практике п. 6–8 ст. 47 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» помогут избавиться от коллизии в законодательстве, возникшей в российском праве благодаря действующим одновременно п. 1 ст. 5 ФЗ «О погребении и похоронном деле» и ст. 8 ФЗ «О трансплантации органов и (или) тканей человека», а также снизить уровень дискурса по вопросу законности презумпции на согласие изъятия органов (тканей) человека после его смерти.

Российскому законодательству необходима модернизация в сфере трансплантологии. Об этом еще в 2014 году сказала О. В. Романовская в своей работе «Перспективы реформирования законодательства в сфере трансплантологии»¹. Несколько лет назад О. В. Романовская высказала надежду, что так называемый закон о донорстве органов и тканей, разрешающий возникшие коллизии, будет принят в ближайшие сроки, однако и на сегодняшний день данный нормативный акт так и не увидел свет... Сейчас действует лишь Федеральный закон от 20.07.2012 № 125-ФЗ «О донорстве крови и ее компонентов», п. 2 ст. 2 которого говорит, что донором крови является совершеннолетнее лицо, добровольно пришедшее в пункт сдачи крови. Ни о какой презумпции согласия в данном случае речи не идет.

Подобные меры усовершенствования законодательства помогли бы снизить уровень так называемой черной трансплантологии, товар для которой на территории Российской Федерации, как видно выше, достать не составляет никаких проблем.

¹ Романовская О. В. Перспективы реформирования законодательства в сфере трансплантологии // Реформы и право. 2014. № 1. С. 3–10.

Статья 8 Закона РФ от 22.12.1992 № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» четко регламентирует: изъятие органов (тканей) человека после его смерти возможно лишь в целях их последующей трансплантации реципиенту, поэтому, казалось бы, изъятые у трупа органы могут быть использованы лишь для благой цели, а именно для донорства. Но и тут не все так просто: на помощь злоумышленникам приходит ст. 22 Конвенции Совета Европы о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине, заключенная в г. Овьедо (Испания), которая регламентирует, что любая часть тела, которую изъяли в ходе вмешательства, может быть использована в целях, изначально отличающихся от тех, ради которых эта часть тела была изъята. Несмотря на то что данный акт не был ратифицирован Российской Федерацией, наша страна входит в Совет Европы и формально на эту норму можно опираться.

В свете вышеизложенного: так называемые черные трансплантологи в соответствии с презумпцией, описанной в тексте ранее, могут изъять после смерти человека его органы и ткани, формально обозначив, что делают это в благородных целях трансплантации, и, опираясь на ст. 22 указанной Конвенции, далее использовать изъятый биологический материал в иных целях.

В статьях «Априори все мы доноры» А. Буркова¹ и «Законодательство в сфере трансплантологии: проблемы и перспективы развития» О. Романовской² описывается как раз такой случай: родители екатеринбурженки Алины Саблиной, погибшей в результате дорожно-транспортного происшествия в столице Российской Федерации, после перевозки тела дочери в родной Екатеринбург после проведенной экспертизы обнаружили, что из тела Алины после ее смерти в Москве было изъято семь органов, в то время как в акте изъятия у донора-трупа зафиксировано, что было изъято только три органа. Вопрос о том, куда делись еще четыре, остается открытым, поскольку, опираясь на вышеуказанные презумпцию и Определения КС, врачи и сотрудники Министерства здравоохранения РФ не дают четких

¹ Бурков А. Априори все мы доноры // ЭЖ-Юрист. 2014. № 47. С. 8.

² Романовская О. В. Законодательство в сфере трансплантологии: проблемы и перспективы развития // Судья. 2016. № 11. С. 27–32.

ответов родителям Алины. В 2016 году Конституционный суд РФ рассмотрел дело семьи Саблиных, но остался при своем мнении, вынес Определение от 10.02.2016 № 224-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бирюковой Татьяны Михайловны, Саблиной Елены Владимировны и Саблиной Нэлли Степановны на нарушение их конституционных прав статьей 8 Закона Российской Федерации „О трансплантации органов и (или) тканей человека“».

Мать и бабушка девушки готовы обратиться в ЕСПЧ¹, в практике которого уже были подобные прецеденты. Ниже представлены дела, рассмотренные ЕСПЧ по обращению граждан государств, ранее входивших в состав СССР.

Заявительницей по первому делу является гражданка Латвийской Республики Светлана Петрова, сын которой гражданин Латвийской Республики Олег Петров скончался в латвийской больнице в 2002 году от тяжких травм, полученных в результате ДТП. После смерти О. Петрова врачи, опираясь на латвийское законодательство, где, так же как и в России, присутствует презумпция на посмертное изъятие органов и тканей, изъяли у трупа почки и селезенку для дальнейшей их трансплантации, при этом медицинские работники не поинтересовались у Светланы, согласна ли она на посмертную трансплантацию органов ее сына и оставлял ли он при своей жизни распоряжение на изъятие его органов (тканей) в трансплантационных целях. Спустя двенадцать лет после смерти сына Светлана Петрова добилась судебного решения о компенсации за причиненные ее семье страдания: согласно Постановлению ЕСПЧ от 24.06.2014 «Дело „Петрова (Petrova) против Латвийской Республики“ (жалоба № 4605/05)», в отношении Светланы были нарушены положения ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, заключенной в г. Риме 04.11.1950 г., в связи с чем Латвия обязана выплатить Светлане Петровой десять с половиной тысяч евро.

Заявительницей по второму делу является гражданка Латвийской Республики Дзинтра Элберте, муж которой также погиб в результате дорожно-транспортного происшествия в 2001 году, из его тела были изъяты ткани, которые были отправлены в Германию, где их перера-

¹ Романовская О. В. Законодательство в сфере трансплантологии: проблемы и перспективы развития // Судья. 2016. № 11. С. 27–32.

ботали в биоимпланты. Как и в предыдущем примере, ЕСПЧ признал, что в отношении Элберте были нарушены положения все той же ст. 8 упомянутой выше Конвенции, а Латвийская Республика обязана выплатить Элберте в качестве компенсации шестнадцать с половиной тысяч евро (Постановление ЕСПЧ от 13.01.2015 «Дело „Элберте (Elberte) против Латвийской Республики“» (жалоба № 61243/08)).

Подобная судебная практика позволяет надеяться на то, что родственники Алины Саблиной тоже в итоге смогут получить компенсацию. Также анализ рассмотренных выше дел приводит к неутешительному для российского права выводу: несмотря на два указанных выше Определения Конституционного суда РФ, статья 8 ФЗ «О трансплантологии» может быть признана нарушающей права человека.

По сей день не решен вопрос, куда делись органы умершей студентки Алины Саблиной. Путь трех из семи изъятых органов был зарегистрирован, однако остается загадкой, куда делись еще четыре. Они могли быть использованы для донорства, в культовых целях и даже в качестве основного блюда для обеда каннибала.

При этом действия по изъятию органов нельзя квалифицировать ни по одной статье действующего Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Учитывая особенность предмета преступления (органы и ткани умершего человека), можно обратиться всего к двум составам, предусмотренных УК РФ:

- п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ «Убийство, совершенное с целью использования органов (тканей) человека» применять нельзя, «пациент» уже мертв;
- по ст. 244 УК РФ («Надругательство над телами умерших и местами их захоронения») действия по изъятию органов у трупа для донорских целей также невозможно квалифицировать в силу действующего медицинского законодательства, описанного выше.

Однако даже если допустить мысль о том, что правоохранительные органы смогут доказать, что субъект совершил действия, которые можно квалифицировать как надругательство над телом умершего, привлечь виновного к ответственности по ст. 244 УК РФ, данные меры не будут иметь никакой превентивной силы на практике, поскольку максимальной санкцией за данное преступление является арест сроком до пяти лет, который применить нельзя, поскольку арестных

домов в России нет, а минимальное наказание – штраф до сорока тысяч рублей, выплатить его с учетом стоимости органов на рынке черной трансплантологии не составит никакого труда.

Поэтому необходимо ввести в российское уголовное законодательство ответственность в виде реального лишения свободы за незаконное изъятие органов (тканей) человека у живого или мертвого донора для незаконной трансплантологии.

Выводы неутешительны: если не будет реформы российского медицинского законодательства, если не будет предусмотрена уголовная ответственность за изъятие органов и тканей человека в преступных целях в виде реального лишения свободы, если позиция Конституционного суда Российской Федерации будет противоречить позиции ЕСПЧ по данному вопросу, то наша страна останется легальным поставщиком для рынка черной трансплантологии, с которым борется все мировое сообщество.

Определенный научный интерес с точки зрения правовой науки и юридической техники вызывает уголовно-правовое наказание за куплю-продажу органов и тканей человека в системе российского права в целом.

Абзац 4 ст. 1 Закона Российской Федерации от 22.12.1992 № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» говорит о том, что купля-продажа органов и тканей человека на территории Российской Федерации запрещена и влечет уголовную ответственность. Иначе говоря, данная норма с точки зрения теории права является бланкетной, поскольку отсылает к другому нормативно-правовому акту, а именно к УК РФ¹.

В то же время действующее сегодня уголовное законодательство не устанавливает санкции за куплю-продажу органов и тканей человека. В УК РФ существует лишь одна статья, в диспозиции которой упоминается подобная сделка. Речь идет о п. «ж» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ, то есть о торговле людьми в целях получения органов или тканей человека. Максимальная санкция, предусмотренная за данное деяние, составляет 10 лет лишения свободы. Преступление, согласно ч. 4 ст. 15 УК РФ, является тяжким.

¹ Демин А. В., Кипарисов Ф. Г. Бланкетный и отсылочный способы формирования правовых норм: понятие, систематизация, проблематика // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 2 (30). С. 26.

Данный состав квалифицированный. Квалифицирующим признаком является цель – купля-продажа органов и тканей человека. Основным объектом состава этого преступления является свобода потерпевшего, а его жизнь и здоровье играют роль факультативных объектов¹.

Наличие данного состава в российском законодательстве обоснованно многими факторами, которые находят свое отражение как в научной литературе, так и в законодательстве различных уровней. Конвенция о рабстве 1926 года, заключенная в Женеве, гарантирует каждому человеку право на свободу, а ст. 4 данного акта прямо запрещает куплю-продажу людей. Конвенция ратифицирована СССР в 1956 г., Российская Федерация является правопреемником Советского Союза, и данная конвенция актуальна для нашего государства.

И. Г. Тютюнник отмечает, что основным мотивом подобных преступлений является корысть. Ради выгоды человек готов продать человека, лишит его прав и свобод, гарантированных международным правом². История показывает, что купля-продажа людей в целях использования их органов и тканей имеет место быть и в наше время, всплеск ее зачастую приходится на военное время³.

Однако при всей своей актуальности п «ж» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ не охватывает полностью проблему купли-продажи органов и тканей человека, поскольку рассматривает только куплю-продажу человека с целью использования его органов и тканей. Как говорилось ранее, эта норма в уголовном законе России – единственная, которая подразумевает наказание за деяние, связанное одновременно и с договором купли-продажи, и с органами и тканями человека.

Возникает коллизия в российском праве: Закон «О трансплантации органов и (или) тканей человека» говорит об уголовной ответственности за куплю-продажу органов и тканей человека, однако по смыслу п. «ж» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ понятно, что наказание устанавливается именно за торговлю людьми, пускай и имеющую своей целью использование органов и тканей потерпевшего, конкретно за ку-

¹ Бриллиантов А. В., Иванова Я. Е. Уголовное право России в схемах и определениях: учеб. пособие. М.: Проспект, 2018. С. 10.

² Тютюнник И. Г. Корыстный мотив в структуре преступлений против свободы личности: уголовно-правовой и криминологический анализ. М.: Юстицинформ, 2017. 152 с.

³ Эльязов О. А. Новые тенденции в борьбе с международной преступностью // Nauka-Rastudent.ru. 2017. № 1. С. 68.

плю-продажу органов и тканей человека ответственности, в том числе и уголовной, в российском законодательстве нет.

При этом данный запрет так или иначе встречается в правовых нормах и в научных работах. Например, п. 4 ст. 2 Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» в императивной форме запрещает рекламу органов и (или) тканей человека в качестве объектов купли-продажи.

В доктрине данная проблема рассматривается весьма деликатно. Так, А. А. Пестрикова говорит об общем принципе запрета на продажу органов и тканей человека¹, однако не указано, где конкретно установлен этот запрет и какая следует санкция за его нарушение. Е. А. Капитонова, О. В. Романовская и Г. Б. Романовский в своей монографии 2016 года «Правовое регулирование трансплантологии» приводят мысль о том, что закон использует ограничительную формулу, устанавливая запрет на куплю-продажу органов и (или) тканей человека².

С. А. Дронова в своей работе «Защита прав и достоинства человека при донорстве органов и их трансплантации: сравнительно-правовой подход» также упоминает тот факт, что за куплю-продажу органов и тканей человека на территории Российской Федерации предусмотрена уголовная ответственность³. Скорее всего, при написании упомянутой научной статьи автор опиралась именно на медицинское законодательство РФ, поскольку в уголовном законе санкции за указанные деяния отсутствуют.

Интересна, на наш взгляд, ситуация с донорством крови. Поскольку кровь является тканью организма, то на нее также распространяется запрет о купле-продаже под страхом уголовной ответственности, которой де-факто нет. Следует отметить правовую коллизию: несмотря на то что Закон «О трансплантации» говорит о том, что его положения не распространяются на кровь и теоретически по российскому законодательству ее можно покупать и продавать без правовых

¹ Пестрикова А. А. Международные стандарты правового регулирования биомедицинских клеточных продуктов // Медицинское право. 2018. № 3. С. 26–29.

² Капитонова Е. А., Романовская О. В., Романовский Г. Б. Правовое регулирование трансплантологии: монография. М.: Проспект, 2016. 144 с.

³ Дронова С. А. Защита прав и достоинства человека при донорстве органов и их трансплантации: сравнительно-правовой подход // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 4. С. 66–71.

последствий, международное право таких исключений не делает. В самом ФЗ «О донорстве крови и ее компонентов» неоднократно делался акцент на том, что сдача крови безвозмездная. Отсюда можно сделать вывод, что все же кровь не может являться предметом договора купли-продажи согласно российскому праву.

Донор добровольно передает кровь медицинскому учреждению и получает денежную компенсацию. Формально соблюдены положения ст. 454 Гражданского кодекса Российской Федерации, и передачу крови за деньги можно воспринять как куплю-продажу биологической жидкости (жидкой ткани). Однако с точки зрения закона описанные выше действия не являются куплей-продажей крови.

Федеральный закон от 20.07.2012 № 125-ФЗ «О донорстве крови и ее компонентов» говорит о том, что донорство крови само по себе безвозмездно (п. 10 ст. 2, п. 5 ст. 4 и т. д.), а для восстановления сил донору полагается бесплатное питание (ч. 1 ст. 22), то есть уже отсутствует момент выплаты денежных средств от медицинского учреждения донору, ведь последний сдает кровь бескорыстно. И за этот благородный поступок государство предлагает ему бесплатную дотацию питания, которую ни в коем случае нельзя считать оплатой.

Также в п. 2 ст. 22 и подп. 5 п. 2 ст. 9 данного Закона сказано, что бесплатное питание нельзя заменить денежной компенсацией, за исключением случаев, в которых возможна сдача крови и (или) ее компонентов за плату. Перечень этих случаев перечислен в Приказе Минздрава России от 17.12.2012 № 1069н «Об утверждении случаев, в которых возможна сдача крови и (или) ее компонентов за плату, а также размеров такой платы». Среди перечисленных исключений есть следующее: когда донор крови может быть допущен к сдаче методом афереза плазмы, тромбоцитов, эритроцитов, лейкоцитов. Однако сдавать отдельные виды компонентов крови методом афереза может любой человек, допущенный к сдаче цельной крови (ч. 8 ст. 2 анализируемого Закона). Парадокс заключается в том, что под это исключение попадает каждый донор крови, и каждый донор крови может «в порядке исключения» получить денежную компенсацию вместо бесплатного питания.

Итак, правовой механизм донорства крови: потенциальный донор сдает первичный анализ; в случае, если его допускают до сдачи крови, он автоматически считается пригодным для сдачи не только

цельной крови, но и ее компонентов, а это значит, что он попадает под норму, установленную Приказом Минздрава № 1069н, и имеет право получить компенсацию не бесплатным питанием, а деньгами. В связи с этим упомянутый выше п. 2 ст. 22, гласящий о невозможности заменить бесплатное питание выплатой донору денежных средств, по факту является мертвой нормой, однако он нужен для того, чтобы обмен донором крови на денежную компенсацию не выглядел как купля-продажа жидкой ткани человеческого организма (крови), поскольку запрет на эту сделку установлен законодательством о трансплантации органов и (или) тканей человека под угрозой уголовной ответственности, которая самим УК РФ не предусмотрена.

Следует обратить внимание на то, что п. 4 ст. 217 Налогового кодекса Российской Федерации гласит, что донорское вознаграждение освобождается от уплаты налогов (в Налоговом кодексе речь идет о крови, грудном молоке и иной помощи). Законодатель прямо говорит, что за донорство может быть установлено некоторое вознаграждение. Тогда имеет ли смысл в других нормативных актах федерального уровня говорить о безвозмездной сдаче донорского материала?

Дуалистичность ситуации заключается в том, что запрет на куплю-продажу органов и тканей в не уголовных законах есть, а ответственности за нарушение запрета нет. При этом человек может законно обменять свои органы и ткани на деньги, называя данную сделку не куплей-продажей, а безвозмездной передачей, получив при этом компенсацию.

Фактически абзац 4 ст. 1 Закона Российской Федерации от 22.12.1992 № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека», говоря об уголовной ответственности, отсылает в никуда, к несуществующей норме.

Если на территории Российской Федерации устроить продажу органов и тканей человека и при этом ничья жизнь и здоровье не пострадают, то, несмотря на все запреты, реальной ответственности предприимчивый гражданин не понесет. Самое страшное наказание, которое ему может грозить, это арест до трех месяцев, предусмотренный ч. 1 ст. 244 УК РФ (надругательство над телами умерших и местами их захоронения), либо лишение свободы до трех лет, если состав будет квалифицированным, например, если преступление совершено группой лиц. Наказание возможно лишь в том случае,

когда будет установлено надругательство над телом умершего. Как видно из примера с донорством крови, чтобы совершить отчуждение от своего организма некоторых органов и (или) тканей, умирать совсем не обязательно.

Аспект правового регулирования органов и тканей человека, а также вопрос уголовной ответственности за использование их в качестве объекта гражданско-правовых сделок является актуальным не только для Российской Федерации, но и для ряда иных государств, среди которых страны постсоветского пространства, а также стран Европы и некоторых штатов США¹. Нельзя не согласиться с мнением Т. А. Фабрики насчет того, что сегодня нет и быть не может единого для всех или большинства государств правового регулирования трансплантологии, а также сделок с органами и тканями человека, поскольку нет обязательных международных актов, четко регламентирующих данные отношения. Существуют лишь публичные высказывания представителей ВОЗ, которые, следует сказать, крайне негативно относятся к органам и тканям человека как к объектам гражданско-правовых сделок². Данные высказывания носят оценочный и рекомендательный характер. Ораторы в своих высказываниях апеллируют терминами «мораль» и «нравственность», заявляя о том, что человеческий организм нельзя рассматривать как запчасть. Так ли уж аморально и безнравственно говорить о трансплантологии?

Донорство помогает сохранить жизни многих людей, и этой позиции придерживается Конституционный суд Российской Федерации. В Определении от 4 декабря 2003 г. № 459-О об отказе в принятии к рассмотрению запроса Саратовского областного суда о проверке конституционности статьи 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» Конституционный суд сказал о том, что трансплантация органов и тканей человека является средством спасения жизни и восстановления

¹ Фабрика Т. А. Ответственность за незаконную трансплантацию человеческих органов и (или) тканей в зарубежном и российском законодательствах // Вестн. Челябинского гос. ун-та. Серия: Право. 2005. № 1. С. 131–139.

² Фабрика Т. А. Влияние международных норм на формирование российского законодательства, регулирующего вопросы трансплантации // Вестн. Челябинского гос. ун-та. Серия: Право. 2010. № 19 (200). С. 87–90.

здоровья граждан, что соответствует общемировым принципам гуманности¹.

В связи с вышеизложенным возникает вопрос о целесообразности дальнейших дискуссий об уголовной ответственности за гражданско-правовые сделки с органами и (или) тканями человека. Целесообразно ли в медицинском законодательстве ссылаться на несуществующие нормы и строить сложные юридические конструкции, чтобы избежать мнимой ответственности?

Возможны два пути решения проблемы, каждый из которых требует юридико-технической работы, играющей важную роль в особенностях системного построения и структурной организации уголовного законодательства. Первый путь предусматривает ответственность за куплю-продажу органов и тканей человека. Основываясь на общих положениях юридической герменевтики², логично предположить, что уголовно-правовая норма, на которую отсылает упомянутый Закон о трансплантации, должна содержать состав преступления, где объектом (основным, дополнительным либо факультативным) будет здоровье или жизнь потерпевшего. Следует учитывать структуру действующего УК РФ, в связи с чем было бы логично разместить предлагаемую статью сразу после ст. 244 (надругательство над телами умерших и местами их захоронения), тогда основным объектом будет являться общественная безопасность, а жизнь и здоровье – факультативным.

Подобным образом строится Уголовный кодекс Республики Казахстан (далее в тексте – УК РК). В данном кодифицированном акте присутствует ст. 315 «Незаконное изъятие органов и тканей трупа человека». Эта норма находится в главе 11 УК РК «Уголовные правонарушения против здоровья населения и нравственности», следуя за ст. 314 «Надругательство над телами умерших и местами их захоронения».

Следует отметить, что в диспозиции ст. 315 УК РК прямо сказано, что уголовно наказуемым является незаконное изъятие органов или тканей трупа человека для трансплантации или иного использования, а равно совершение сделок в отношении органов или тканей трупа

¹ Евдокимов В. Б., Хомякова М. А. Уголовно-правовая защита прав человека в сфере трансплантации органов и тканей // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 1. С. 48–57.

² История и философия науки: сл.-минимум / Сост. Ю. Г. Ершов. Екатеринбург: Ури РАНХиГС, 2012. С. 7.

человека. То есть исходя из правил формальной, логики, если живой человек захочет продать, подарить или иным способом передать часть своего организма, не нанеся себе при этом вреда и действуя добровольно, данная сделка не будет уголовно наказуемой. Сделки же с органами и тканями трупа в Республике Казахстан прямо запрещены уголовным законом и влекут за собой наказание в виде лишения свободы до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет либо без такового (в случае, если состав обычный, т. е. предусмотрен ч. 1 ст. 315 УК РК) либо наказывается лишением свободы сроком от трех до шести лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет либо без такового (в случае, если состав квалифицированный, т. е. предусмотрен ч. 2 ст. 315 УК РК).

В Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее в тексте – УК РБ) также можно увидеть подобную норму: ст. 348 «Незаконное изъятие органов или тканей у умершего донора». Как и в УК РК, данная норма идет следом за статьей, предусматривающей уголовное наказание за надругательство над трупом или могилой (ст. 347 УК РБ). В отличие от диспозиции ст. 315 УК РК в аналогичной части ст. 348 УК РБ уголовное наказание предусмотрено за незаконное изъятие органов или тканей у умершего донора, то есть при толковании данной нормы правоприменитель может прийти к выводу о том, что речь идет о наказании лишь за незаконную трансплантологию, поскольку использован термин «донор». В случае расширенного толкования, подразумевая, что донорство может быть не только в трансплантологии, следует отметить, что данную норму можно применить и в случае изъятия органов и тканей у умершего для целей, отличных от трансплантологии. Однако подобное толкование является спорным, поскольку может нарушить один из принципов уголовного процесса – ненаказание невиновного. Квалифицированный состав в данном случае (ч. 2 ст. 348 УК РБ) говорит о незаконном изъятии органов или тканей умершего в корыстных целях.

На наш взгляд, статья 315 УК РК является более совершенной, чем ст. 348 УК РБ, поскольку содержит менее спорные с точки зрения юридической техники определения уголовно наказуемого деяния.

Аналогично предлагается ввести подобную норму в уголовное законодательство Российской Федерации. На наш взгляд, расположение данной нормы должно быть именно в 24 главе УК РФ, потому что, как было выявлено ранее, при купле-продаже органов и (или) тканей человека жизнь и здоровье могут и не пострадать, в то время как общественный порядок (опираясь на мнение представителей ВОЗ) как раз подвергнется опасности. На случай, если купля-продажа органов и (или) тканей человека повлечет за собой по неосторожности вред жизни либо здоровью, а также будет совершена группой лиц, либо с применением насилия, либо лицом, имеющим медицинское образование, предлагается ввести квалифицированный состав. Наказание предлагается аналогичное тому, которое предусмотрено санкцией ст. 244 УК РФ, за исключением ареста до трех месяцев, поскольку арестные дома в Российской Федерации отсутствуют, и данный вид наказания неисполним¹. Учитывая, что в качестве квалифицированного состава предлагается исполнение того же деяния лицом, имеющим медицинское образование, необходимо также предусмотреть санкцию в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

При написании данной нормы следует, на наш взгляд, опираться на существующие положения ст. 315 УК РК, поскольку они содержат наиболее полное и точное определение уголовно наказуемых деяний, связанных с незаконным изъятием органов или тканей у трупа в целях трансплантологии или иных целях.

Необходимо отметить, что в УК РК есть статья, запрещающая клонирование человека или использование человеческого эмбриона в коммерческих, военных или промышленных целях, а равно вывоз человеческого эмбриона или человеческих половых клеток с территории Республики Казахстан в этих целях (ст. 129). Данные преступления описаны в главе 1 особенной части УК РК, то есть среди преступлений против личности. Мы включили данную норму в эту часть исследования, поскольку подобные деяния также имеют отношение к трансплантологии, о чем было сказано в первой главе данного исследования. Подобной статьи, предусматривающей уголовное

¹ Лавриненко М. В., Минаков Г. Л. К вопросу о применении ареста как вида уголовного наказания в Российской Федерации // Евразийская юридическая конф.: сб. ст. по итогам науч.-практ. конф. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. С. 112–115.

наказание за клонирование человека, использование человеческого эмбриона в коммерческих, военных или промышленных целях, а равно вывоз человеческого эмбриона или человеческих половых клеток с территории государства, нет в УК РФ, однако введение подобной нормы в условиях современной медицины не будет являться лишним. В 1998 г. был принят Протокол о запрете клонирования людей (дополнение к ЕКПЧ). В том же году был принят Приказ Минздрава Российской Федерации от 14.08.1998 № 248 «О создании Комитета по биомедицинской этике Минздрава России». В сфере регулирования данного Комитета должно было также находиться регулирование запрета клонирования человека, однако в УК РФ (в отличие от УК РК) отсутствует норма с санкцией за деяние в виде клонирования человека.

Существует и второй путь решения правовой коллизии. Не стоит и дальше говорить об установлении уголовной ответственности за куплю-продажу органов и тканей человека. Учитывая опыт других государств, таких как Турция, Иран, Индия¹, где подобные сделки не являются преступными, а также мнение Конституционного суда о том, что трансплантология помогает улучшить здоровье и спасти жизни людей (являющиеся в соответствии со ст. 2 Конституции России высшей ценностью). В упомянутом выше п. 4 ст. 127 Налогового кодекса Российской Федерации донорство названо помощью, коей оно и является в правовом сознании большинства россиян.

Исходя из вышеизложенного, вполне возможно не только отказаться от идеи криминализации подобных сделок, но и легализовать их, поскольку такие двусторонние договоры в той или иной форме становятся неотъемлемой реальностью нашей жизни². Органы, ткани и прочий биологический материал человеческого организма на протяжении всей истории человечества выступал объектом гражданско-правовых сделок. Купля-продажа отрезанных волос, сцеженного грудного молока и т. п. пользуется спросом и сегодня, а купля-продажа репродуктивных тканей в правовой доктрине зачастую называется

¹ Степанова Е. Н. Трансплантация органов человека: мировой опыт и Россия (гражданско-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 228 с.

² Хомякова М. А. Устранение законодательных пробелов в вопросах регулирования отношений в сфере трансплантологии в Российской Федерации: сб. проектов конкурса «Всероссийская научная школа „Медицина молодая“». М., 2023. С. 798–814.

обоснованной¹. Л. И. Кулицкая призывает признать тот факт, что органы, ткани и клетки человека реально стали объектами гражданского права².

При этом следует учитывать, что сделки с органами и (или) тканями человека не должны наносить вред здоровью донора, а регулирующее их законодательство может иметь лишь строго императивный характер. Ведь, спасая жизнь одного человека (реципиента), необходимо не навредить жизни и здоровью другого (донора).

В случае если легализация подобных сделок произойдет, не следует опасаться безнаказанности недобросовестных граждан, решивших из корыстных целей разобрать ближнего «на запчасти» и продать его. В УК РФ действуют нормы, предусматривающие ответственность за нанесение вреда здоровью различной степени тяжести потерпевшему. В данном случае речь будет идти о п. «ж» ч. 2 ст. 111 УК РФ, а именно о причинении тяжкого вреда здоровью человека в целях использования его органов и тканей. Будет применяться именно данная норма, поскольку в соответствии с п. а ч. 4 Постановления Правительства РФ от 17.08.2007 № 522 «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека», потеря какого-либо органа (а донорство и подразумевает потерю органа или ткани) является тяжким вредом для человеческого здоровья.

Как говорилось ранее, такие преступления совершаются зачастую из-за корысти³, поэтому в случае признания законными гражданско-правовых сделок с органами и тканями человека можно будет говорить об ответственности не только за преступления против жизни либо здоровья, но и за экономические преступления, поскольку предметом в составе будет выступать вещь, легально имеющая определенную цену.

Представляется, что этот вариант решения указанной правовой коллизии является более простым в своем исполнении: надо лишь исключить из российских законов, начиная со статьи 1 Закона

¹ Мызров С. Н., Нагорный В. А. К вопросу о вещно-правовом статусе органов и тканей человека: дифференцированный подход к разрешению проблемы // Медицинское право. 2014. № 3. С. 38–39.

² Кулицкая Л. И. Правовой режим органов, тканей, клеток и тела человека после смерти лица, не оставившего завещания // Власть Закона. 2016. № 2. С. 96–106.

³ Тютюнник И. Г. Корыстный мотив в структуре преступлений против свободы личности: уголовно-правовой и криминологический анализ. М.: Юстицинформ, 2017. 152 с.

«О трансплантации органов и (или) тканей человека» утверждение, что купля-продажа органов и тканей человека в России влечет за собой уголовную ответственность (не предусмотренную тем не менее российским уголовным законодательством).

Что касается ст. 120 УК РФ «Принуждение к изъятию органов и тканей человека для трансплантации», то объектом данного состава преступления будут являться жизнь и здоровье человека. Двоякость формулировки диспозиции нормы заключается в том, что при данной формулировке жертвой может оказаться как донор, так и хирург, проводящий операцию по трансплантации¹. Пленум Верховного Суда Российской Федерации не дает комментариев по толкованию данной нормы. Однако в случае, если потерпевшим будет являться хирург, проводящий данную операцию под принуждением субъекта, он может быть освобожден от уголовной ответственности согласно ст. 40 УК РФ. Поэтому предлагается внести изменения в диспозицию ч. 1 ст. 120 УК РФ и обозначить, что потерпевшим в данном случае будет являться именно донор: *«принуждение лица к даче согласия на изъятие его органов и тканей»*.

Предметом данного преступления будут являться органы и ткани потерпевшего.

Объективная сторона выражена в форме деяния в виде принуждения потерпевшего к изъятию у него органов и тканей для трансплантации. Данная формулировка вызывает критику среди ученых, поскольку принуждение – достаточно широкое понятие, которое включает в себя элементы как физического, так и психологического насилия², наказание за которые предусмотрено другими уголовно-правовыми нормами. В частности, принуждение может охватывать такие понятия как нанесение побоев (ст. 116 УК РФ), истязание (ст. 117 УК РФ), умышленное причинение вреда здоровью различной степени тяжести и т. д.³.

¹ Герасимова Е. В. Принуждение к изъятию органов или тканей человека // Lex russica. 2017. № 4. С. 203–208.

² Тихонова С. С. Прижизненное и посмертное донорство в Российской Федерации: Вопросы уголовно-правового регулирования. СПб.: Пресс, 2002. С. 95–97.

³ Хомякова М. А. К вопросу о принуждении к изъятию органов и тканей человека для трансплантации // Эволюция российского права: материалы XIX Международной науч. конф. молодых ученых и студентов. Екатеринбург, 2021. С. 1329–1333.

При этом, согласно тексту п. «а» ст. 4 Постановления Правительства РФ от 17.08.2007 № 522 «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека», тяжким считается вред здоровью, в том числе результатом которого стала утрата человеком органа.

Как было сказано ранее на страницах данной работы, п. «ж» ч. 2 ст. 111 Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривает наказание за тяжкий вред здоровью в целях использования органов или тканей потерпевшего, в том числе в целях трансплантации.

Субъект в ст. 120 – физически вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста.

Субъективная сторона выражается в форме умысла.

В названии нормы четко прописана цель противоправного деяния – изъятие органов и тканей потерпевшего для трансплантации. Данная цель является квалифицирующим признаком данной статьи. Если, согласно тексту закона, принуждать человека к изъятию у него органов и тканей для культовых целей или для упомянутого выше каннибализма, то уголовная ответственность за такие деяния не наступит.

Анализ данной нормы показывает, что фактически все элементы состава дублируют элементы п. «ж» ч. 2 ст. 111 УК РФ (за исключением разве что возраста субъекта, который в ст. 111 составляет 14 лет в соответствии с ч. 2 ст. 20 УК РФ). В литературе отмечается, что если применяется психологическое или физическое принуждение к изъятию органов и тканей человека, но конечная цель не была достигнута, то такие деяния можно считать незаконченным составом нанесения тяжкого вреда здоровью с целью использования органов и тканей потерпевшего¹, и квалифицировать такие деяния можно как п. «ж» ч. 2 ст. 111 УК РФ со ссылкой на соответствующую часть ст. 30 УК РФ.

Как показывает практика, в 2016, 2017, 2018, 2019, 2020 гг. не было осуждено ни одного человека по ст. 120 УК РФ², в то время как в те же годы по ч. 2 ст. 111 УК РФ были осуждены 13 716, 12 450, 11 425, 10 326, 9148 человек соответственно. Данная статистика свидетельствует

¹ Попова Ю. П. Уголовная ответственность за незаконную трансплантацию // Судья. 2020. № 2. С. 38–41.

² Судебная статистика РФ. URL: <http://stat.xn--7sbqk8achja.xn--piai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 28.03.2022).

о том, что на практике ст. 120 Уголовного кодекса Российской Федерации не применяется (в отличие от фактически дублирующего ее п. «ж» ч. 2 ст. 111 УК РФ). В связи с этим можно поставить вопрос о целесообразности оставления в уголовном законодательстве данной нормы. Фактически она является «мертвой», на практике не применяется ввиду того, что деяния, предусмотренные ей, можно квалифицировать по иной статье УК РФ, к которой реально прибегает законодатель.

12 октября 2007 года группа преступников похитила нескольких девушек. Согласно тексту судебных документов, «На основании показаний осужденных Ч., С. и К., которые обоснованно признаны достоверными, судом установлено, что преступления, в которых принимал участие С., тщательно планировались, были подобраны транспорт, средства связи, подготовлено помещение, где удерживали похищенных девушек с целью получения за них выкупа.

На основании показаний потерпевших, их родителей судом признано доказанным, что в процессе похищения и удержания потерпевшим Л. и И. угрожали изъятием внутренних органов и тканей для дальнейшей их продажи и трансплантации, то есть применением насилия, опасного для жизни и здоровья»¹. Формально действия Ч., С. и К. могли бы быть квалифицированы по ст. 120 УК РФ: их деяния весьма похожи на принуждение, которое является физическим либо психологическим насилием (в данном случае – психологическим) к изъятию органов и тканей потерпевших. Тем не менее они были привлечены по п. «а» ч. 3 ст. 126 УК РФ (за каждое из двух преступлений) к 10 годам лишения свободы, по п. «а», «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ (за каждое из двух преступлений) к 9 годам лишения свободы, по п. «а» ч. 4 ст. 158 УК РФ (за каждое из двух преступлений) к 6 годам лишения свободы, по ч. 3 ст. 222 УК РФ к 6 годам лишения свободы, по ч. 3 ст. 223 УК РФ к 6 годам лишения свободы.

На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний окончательно назначено 14 лет лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

Деяния, предусмотренные ст. 120 УК РФ, в данном случае были охвачены иными статьями уголовного закона России.

¹ Постановление Президиума Верховного суда РФ от 11.11.2009 № 132-По9 // СПС «КонсультантПлюс».

Также в российской судебной практике есть случаи отказа от возбуждения уголовного дела по ст. 120 УК РФ в связи с наличием упомянутой презумпции согласия на изъятие органов и тканей человека в донорских целях. Примером служит дело, в соответствии с материалами которого родственники умершего подозревали врачей в принуждении к изъятию органов и тканей, однако преступность деяния не было доказана: сам умерший дать показания и подтвердить то, что его принуждали к донорству, не мог, а врачи настаивали на презумпции согласия в соответствии с трансплантационным законодательством¹.

Из-за сложности применения ст. 120 УК РФ обвинения по ней выдвигаются, но в скором времени снимаются, поскольку доказать принуждение к изъятию органов и тканей человека на практике не представляется возможным в большинстве своем².

Исходя из вышеизложенного предлагается исключить из Уголовного кодекса Российской Федерации ст. 120 УК РФ.

Подводя итоги данной части исследования, необходимо отметить, что презумпция на согласие о посмертном изъятии органов и тканей человека вызывает недовольство в обществе и является поводом для сообщения о преступлении, когда родственники покойного (иные близкие ему люди) обнаруживают, что у мертвеца были изъят органы и ткани без получения на то согласия. Учитывая низкий уровень правосознания в Российской Федерации, значительное количество людей, умерших на территории России, при жизни и не догадывались о презумпции на изъятие их биологического материала после смерти, поэтому и не заявляли о несогласии на подобные действия со стороны работников медицины.

На основании этого могут быть предложены следующие варианты совершенствования законодательства:

- исключить из текста ФЗ «О трансплантологии» презумпцию на согласие изъятия органов и/или тканей человека после его

¹ Определение Московского городского суда от 30.03.2011 по делу № 33-9107 // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Северного флотского военного суда (Мурманская область) № 22-9/2019 22К-9/2019 от 15 февраля 2019 г. по делу № 22-9/2019. <https://sudact.ru/regular/doc/irAdBW4K5QJV> (дата обращения: 01.03.2024).

смерти, а Определение КС РФ от 04.12.2003 № 459-О признать утратившим силу;

- установить на законодательном уровне возможность официально зафиксировать несогласие на посмертное изъятие органов и тканей человека в виде регистрации в национальном автоматизированном реестре по аналогии с французским правом.

Второе предложение в некотором роде сходно с нормами, закрепленными в п. 6–8 ст. 47 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»:

- ч. 6 ст. 47 предусматривает, что совершеннолетний дееспособный гражданин может в устной форме в присутствии свидетелей или в письменной форме, заверенной руководителем медицинской организации либо нотариально, выразить свое волеизъявление о согласии или о несогласии на изъятие органов и тканей из своего тела после смерти для трансплантации (пересадки) в порядке, установленном законодательством Российской Федерации;
- ч. 7 ст. 8 гласит: в случае отсутствия волеизъявления совершеннолетнего дееспособного умершего право заявить о своем несогласии на изъятие органов и тканей из тела умершего для трансплантации (пересадки) имеют супруг (супруга), а при его (ее) отсутствии – один из близких родственников (дети, родители, усыновленные, усыновители, родные братья и родные сестры, внуки, бабушка, дедушка);
- ч. 8 ст. 8 предусматривает случай, когда умерший был недееспособным по закону или суду. В этом случае изъятие органов и тканей из тела умершего для трансплантации (пересадки) допускается на основании испрошенного согласия одного из родителей или иных представителей умершего.

Второй вопрос касается части наказания за куплю-продажу органов и тканей человека российское медицинское законодательство не коррелирует с уголовным. Нормативные правовые акты в сфере медицины говорят об уголовной ответственности за куплю-продажу органов и тканей человека, в то время как в самом УК РФ такой нормы нет. Предлагаются два пути решения данной коллизии: ввести уголовную ответственность за куплю-продажу органов и тканей че-

ловека, как это сделано в уголовном законодательстве Республики Казахстан и Республики Беларусь, либо убрать из медицинского законодательства ссылку на то, что купля-продажа органов и тканей человека должна быть уголовно наказуема (все равно такой нормы в УК РФ сейчас нет). Отчуждение от человеческого организма органов и тканей возможно без причинения вреда его здоровью, купля-продажа такого биологического материала вполне возможна. Если при этом будет причинен вред жизни или здоровью донора, то в УК РФ есть ряд статей, квалифицирующих такие деяния.

Ввиду того что ст. 120 УК РФ фактически не применяется последние годы, а элементы ее состава практически дублируют п. «м» ч. 2 ст. 111 УК РФ, предлагается исключить из уголовного законодательства ст. 120, чтобы не перегружать Уголовный кодекс и исключить конкуренцию двух этих норм.

2.3. Незаконное проведение искусственного прерывания беременности: вопросы квалификации и уголовного наказания

Как показали исследования, отраженные в первом параграфе первой главы данной работы, человеческий эмбрион в соответствии со ст. 2 Закона «О трансплантологии» приравнивается к органам и тканям человека, однако в силу ряда норм обладает особым статусом (например, ребенок, зачатый при жизни наследодателя, но не родившийся до его смерти, может стать наследником).

Статья 123 УК РФ устанавливает ответственность за незаконное проведение искусственного прерывания беременности.

Состав данного преступления является материальным. Часть 1 ст. 123 УК РФ описывает простой состав, в то время как ч. 3 данной статьи говорит о квалифицированном сложном составе с альтернативными последствиями (смерть потерпевшей либо причинение тяжкого вреда ее здоровью).

Объектом в данном преступлении являются жизнь и здоровье потерпевшей, то есть женщины, беременность которой была прервана. Данная ситуация вызывает некоторый парадокс: в ходе такой операции прерывается жизнедеятельность эмбриона, однако в силу того,

что правом на жизнь человек начинает обладать только с момента рождения, у эмбриона этого права нет (хотя есть право на наследование, несмотря на то что право на жизнь в Российской Федерации превалирует над экономическими правами в силу положений ст. 2 Конституции Российской Федерации).

Даже если женщина добровольно пришла на незаконное прерывание беременности или сама его инициировала, то в данном случае будет потерпевшей именно она, а не эмбрион, пострадавший в результате незаконного прерывания беременности.

Предметом преступления является собственно эмбрион, который приравнивается к органам и тканям человека в соответствии со ст. 2 Закона РФ от 22.12.1992 № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека», поэтому данный состав рассматривается в рамках настоящего исследования. В научной и популярной литературе описаны случаи, когда эмбрионы, полученные от незаконного прерывания беременности, использовались в фармакологических целях¹. Заинтересованность в использовании в противозаконных целях эмбриона, полученного в результате преступного прерывания беременности, на практике доказывает тезис, что эмбрион является предметом преступления. При этом судебная практика, в том числе решения ЕСПЧ, доказывают, что эмбрион по своему статусу приравнивается к органам и тканям человека².

Объективной стороной данного преступления выступает деяние в виде проведения операции по незаконному прерыванию беременности. Какое же прерывание беременности является незаконным? Согласно ст. 101–102 Приказа Минздрава России от 01.11.2012 № 572н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю „Акушерство и гинекология (за исключением использования вспомогательных репродуктивных технологий)“»³, искусственное

¹ Гецманова И. В. Правовое регулирование искусственного прерывания беременности и ответственности за незаконное производство аборта: история, проблемы, перспективы // Медицинское право. 2016. № 5. С. 31–35.

² Постановление ЕСПЧ от 02.10.2012 «Кнехт (Knecht) против Румынии» (жалоба № 10048/10) // Прецеденты Европейского суда по правам человека. 2016. № 9 (33); Постановление ЕСПЧ от 03.11.2011 «Дело „S. H. и другие (S. H. and others) против Австрии“» (жалоба № 57813/00) // Прецеденты Европейского суда по правам человека. Специальный выпуск. 2020. № 10.

³ Приказ Минздрава России от 01.11.2012 № 572н (ред. от 12.01.2016) «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю „Акушерство и гинекология (за

прерывание беременности проводится акушером-гинекологом в медицинской организации после письменного согласия беременной на прерывание беременности. В случае если беременная не достигла возраста 15 лет (или достигшая этого возраста недееспособная по суду) либо наркозависимая беременная до 16 лет, разрешение на прерывание беременности должны дать родители, опекуны или иные представители беременной.

Судебная практика показывает, что преступное прерывание беременности может быть произведено любым способом, на который хватит квалификации у лица, проводящего искусственное изгнание плода из матки. Например, потерпевшая, обратившись к К. для того, чтобы та провела искусственное прерывание беременности, позже описывала в показаниях, как К. «давала ей таблетки, как она делала ей уколы, в том числе и в матку для ее усиленного сокращения, вставляла в матку катетер, а также производила массаж. Целью всех этих действий было прерывание беременности»¹.

Суды Российской Федерации регулярно блокируют сайты в сети Интернет, на которых размещена информация о способах незаконного прерывания беременности². Однако эти превентивные меры не всегда помогают предотвратить такого рода преступления.

Сроки законного прерывания беременности регламентированы ст. 56 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», согласно тексту которой беременность по желанию женщины проводится на сроке до двенадцати недель; искусственное прерывание беременности проводится:

- 1) не ранее 48 часов с момента обращения женщины в медицинскую организацию для искусственного прерывания беременности;
- а) при сроке беременности четвертая – седьмая недели;

исключением использования вспомогательных репродуктивных технологий)» (зарегистрировано в Минюсте России 02.04.2013 № 27960) // СПС «КонсультантПлюс».

¹ Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 23.12.2019 № 77-28/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

² Решение Вязниковского городского суда Владимирской области № 2А-830/2020 2А-830/2020-М-578/2020М-578/2020 от 29 апреля 2020 г. по делу № 2А-830/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/7Nr8qH4ciYHR>; Решение Собинского городского суда Владимирской области № 2А-1-350/20202А-1-350/2020-М-1-297/2020М-1-297/2020 от 28 мая 2020 г. по делу № 2А-1-350/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ZO7kdhuVNVdX>.

- б) при сроке беременности одиннадцатая – двенадцатая недели, но не позднее окончания двенадцатой недели беременности;
- 2) не ранее семи дней с момента обращения женщины в медицинскую организацию для искусственного прерывания беременности при сроке беременности восьмая – десятая недели беременности.

По социальным показателям прерывание беременности может быть произведено до двадцати двух недель беременности. Социальные показатели перечислены в тексте Постановления Правительства РФ от 06.02.2012 № 98 «О социальном показании для искусственного прерывания беременности» и включают в себя только один пункт: беременность прерывается по социальным показателям только тогда, если она наступила в результате преступления, предусмотренного ст. 131 УК РФ (то есть изнасилования).

Согласно п. 112 Приказа Минздрава России от 01.11.2012 № 572н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю „Акушерство и гинекология (за исключением использования вспомогательных репродуктивных технологий)“», вопрос об искусственном прерывании беременности по социальному показанию решается комиссией в составе руководителя медицинской организации, врача – акушера-гинеколога, юриста, специалиста по социальной работе (при его наличии). Комиссия рассматривает письменное заявление женщины, заключение врача – акушера-гинеколога о сроке беременности, документы, подтверждающие наличие социального показания для искусственного прерывания беременности, утвержденное постановлением Правительства Российской Федерации от 6 февраля 2012 г. № 98 «О социальном показании для искусственного прерывания беременности»¹. При наличии социального показания для искусственного прерывания беременности комиссией выдается заключение, заверенное подписями членов комиссии и печатью медицинской организации².

¹ Постановление Правительства РФ от 06.02.2012 № 98 «О социальном показании для искусственного прерывания беременности» // СЗ РФ. 2012. № 7. Ст. 878.

² Приказ Минздрава России от 01.11.2012 № 572н (ред. от 12.01.2016) «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю „Акушерство и гинекология (за исключением использования вспомогательных репродуктивных технологий)“» (зарегистрирован в Минюсте России 02.04.2013 № 27960) // СПС «КонсультантПлюс».

Иными словами, потерпевшая должна доказать, что она забеременела именно от насильника и именно в результате полового акта, произведенного насильно. Однако даже если экспертиза подтвердит отцовство подозреваемого (обвиняемого) в изнасиловании, до вынесения решения суда он не будет признан виновным, а это значит, что легальных оснований говорить о том, что половой акт, в результате которого наступила беременность, не будет считаться насильственным до вынесения решения суда. После чего беременная должна пройти комиссию, которая признает возможность прерывания беременности по социальным показателям.

Реалии судебной практики показывают, что с момента совершения преступления до вынесения приговора суда по делу об изнасиловании может пройти гораздо больше двадцати двух недель, поэтому прерывание беременности по такому социальному показателю затруднительно. Например, 02.10.2009 года подозреваемый был задержан по подозрению в изнасиловании К., суд по делу в ходе уголовного процесса был назначен на март 2011 года, то есть между предполагаемым изнасилованием и началом судебных разбирательств по делу прошло полтора года, и если бы потерпевшая забеременела в результате данного полового акта, то она бы уже успела родить ребенка, прежде чем бы получила легальные основания на прерывание этой беременности¹.

По медицинским показателям беременность может быть прервана независимо от срока беременности.

Любое нарушение вышеуказанных норм, такое как несогласие женщины или ее законных представителей на прерывание беременности, отсутствие образования акушера-гинеколога у лица, проводившего операцию, проведение прерывания беременности вне медицинского учреждения либо после установленного срока, будет считаться незаконным прерыванием беременности и будет попадать под определение деяния, в котором выражена объективная сторона ст. 123 УК РФ.

¹ Постановление ЕСПЧ от 09.01.2018 «Дело „Ревтюк (Revtyuk) против Российской Федерации“» (жалоба № 31796/10) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2018. № 7.

Обсуждение субъекта данного преступления вызывает определенную дискуссию в научных кругах¹. Согласно диспозиции ст. 123 УК РФ, субъектом данного преступления может быть физическое дееспособное лицо, достигшее возраста 16 лет (согласно ч. 2 ст. 14 УК РФ), не обладающее высшим медицинским образованием соответствующего профиля, то есть кто угодно, кроме акушера-гинеколога. Однако, как было выявлено ранее, незаконным является прерывание беременности и в ряде других случаев (несогласие женщины или ее законных представителей на прерывание беременности, проведение прерывания беременности вне медицинского учреждения либо после установленного законом срока беременности). Другими словами, если акушер-гинеколог проведет операцию по прерыванию беременности (исходя из буквального толкования закона) без согласия беременной или ее представителей, либо вне медицинского учреждения, либо на сроке, превышающим установленные законом нормы, данное деяние не будет квалифицироваться по ст. 123 УК РФ.

Судебная практика подтверждает тезис, что за данную категорию преступлений подвергаются наказанию люди, не имеющие медицинского образования, что вполне соответствует уголовному законодательству Российской Федерации². Однако незаконно прерывать беременность может также лицо, обладающее медицинским образованием соответствующего профиля: данная операция может быть проведена в срок, больший, чем установлено законом, вне медицинского учреждения и т. д.

Часть 1 ст. 111 предусматривает уголовное наказание для человека, который умышленно причинил тяжкие повреждения потерпевшему, включающие в себя прерывание беременности. Но возникает конкуренция норм, поскольку ч. 3 ст. 123 УК РФ предусматривает наказание за незаконное прерывание беременности, результатом которого стало причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшей или наступления ее смерти по неосторожности, а при конкуренции норм

¹ Маркина И. Н. Субъект незаконного проведения искусственного прерывания беременности: теоретические и практические проблемы определения // Современный юрист. 2018. № 4. С. 149–156.

² Постановление Еманжелинского городского суда (Челябинская область) № 1-175/2015 от 31 августа 2015 г. по делу № 1-175/2015. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/bTukczTckNYL>; Приговор Аскизского районного суда Республики Хакасия № 1-221/2014 от 24 октября 2014 г. по делу № 1-221/2014. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/eifNGRrH9UHW>.

предпочтение отдается специальной норме (в данном случае – ст. 123 УК РФ). На взгляд автора данного научного исследования, формулировка диспозиции ст. 123 УК РФ вызывает трудности применения данной нормы. Но максимальный срок наказания по ч. 1 ст. 111 УК РФ – до 8 лет лишения свободы, а по ч. 1 ст. 123 УК РФ грозит наказание в виде штрафа в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательные работы на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительные работы на срок до двух лет.

Соответственно, лицо, проводящее операцию по незаконному прерыванию беременности, но обладающее медицинским образованием, будет нести ответственность не по 123 ст. УК РФ, а по 111 ст. УК РФ, поскольку субъектом состава, описанного в чт. 123 УК РФ, оно являться не может ввиду своей профессии. При этом аборт, проведенный гинекологом (пускай и незаконно), скорее нанесет меньше вреда здоровью женщины, чем та же операция, проведенная лицом, не обладающим специальными знаниями в сфере акушерства и гинекологии.

В УК РСФСР от 27.10.1960 г. в ст. 116 («Незаконное производство аборта») было разграничение по субъекту преступления: в первом абзаце данной статьи говорилось о незаконном производстве аборта врачом, а во второй части данной нормы речь шла о незаконном производстве аборта лицом, не имеющим медицинского образования.

Представляется, что такое разграничение деяния на простое и квалифицированное вполне логично: человек, обладающий медицинским образованием, скорее нанесет меньший вред здоровью женщины, беременность которой несовершенно.

Однако и советская норма была не лишена недостатков: субъектом в первом случае, описанном в ст. 116 УК РСФСР, является лицо, обладающее медицинским образованием в общем. Акушер-гинеколог в данном вопросе обладает большими знаниями и опытом, чтобы при прерывании беременности нанести минимальный вред здоровью потерпевшей. Однако если, например, стоматолог (который также обладает высшим медицинским образованием) решил бы провести операцию по прерыванию беременности и нанес бы вред здоровью пациентки больший, чем его коллега-гинеколог, он все равно нес бы ответственность по простому, а не квалифицированному составу.

Подобные особенности квалификации незаконного прерывания беременности с учетом профессии субъекта присутствуют в уголовных системах Латвии (следует предположить, что это наследие советской правовой системы), Австрии, Германии, Нидерландов, Швейцарии, Израиля и т. д.¹

В связи с этим предлагается в современном уголовном законодательстве разграничить данный состав не только по субъектам, но и по степени тяжести нанесенного вреда жизни и здоровью потерпевшей.

Таким образом, ч. 1 ст. 123 УК РФ предлагается принять в следующей редакции:

1. *Незаконное прерывание беременности:*

а) *проведенное лицом, имеющее медицинское образование по профилю «Акушерство и гинекология»;*

б) *проведенное лицом, имеющим медицинское образование по профилю, отличному от профиля «Акушерство и гинекология»;*

в) *проведенное лицом, не имеющим медицинского образования.*

Исходя из того, что человек, имеющим медицинское образование (тем более профиля «Акушерство и гинекология»), скорее всего, причинит меньший вред здоровью пациентки во время прерывания беременности, предлагается считать п. «а» данной нормы привилегированным, п. «б» – обычным, п. «в» – квалифицированным.

Также возникает вопрос о том, стоит ли считать женщину, добровольно пришедшую на незаконный аборт и/или подстрекающую врача на данное преступление, соучастницей.

В государствах Европы долгое время беременная, которая решалась сделать аборт, подвергалась наказанию. Однако наше государство стало первым в мире, которое легализовало «аборт по просьбе» в 1920 г., однако продлилось это недолго.

Как говорилось в первой главе данного исследования, в сталинскую эпоху любой аборт считался преступным и незаконным. И за проведение прерывания беременности (априори преступного), согласно тексту Постановления ЦИК СССР № 65, СНК СССР № 1134

¹ См.: Аськов Н. Н. Особенности субъектного состава отношений в связи с медицинской деятельностью для целей применения статей 123 и 124 УК РФ // Судья. 2020. № 2. С. 34–37.

от 27.06.1936¹, запрещалось производить аборт как в специализированных медицинских учреждениях, так и в домах у рожениц или врачей. За прерывание беременности устанавливалась уголовная ответственность: врач, который провел операцию по изгнанию плода, мог лишиться свободы на срок от одного года до трех лет; женщина, которой был сделан первый аборт, подвергалась общественному порицанию, за дальнейшие подобные операции она наказывалась штрафом в 300 рублей.

После смерти Сталина, в ходе оттепели, был снят запрет на аборт, и право на репродуктивное здоровье вновь стало личным делом женщины, утратившую былую социальную значимость².

В Ирландии, где запрещены любые аборт, субъектами такого преступления сегодня являются как женщина, так и врач, решившийся провести операцию по прерыванию беременности³.

Российская судебная практика показывает, что зачастую женщина сама провоцирует незаконное проведение прерывания беременности, уговаривая или подкупая лицо, проводящее данную операцию.

«Любомирова Е. Е. незаконно провела искусственное прерывание беременности, повлекшее причинение тяжкого вреда здоровью, при следующих обстоятельствах. 23 мая 2014 года в период времени с 22 часов 00 минут до 22 часов 30 минут, более точное время в ходе предварительного следствия не установлено, ФИО1 находясь в здании Вершино-Тейской больницы, расположенной в <адрес>, обратилась к Любомировой Е. Е. с просьбой о прерывании своей нежелательной беременности сроком 8 недель. В свою очередь, Любомирова Е. Е., являясь лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля, но обладая знаниями о способе проведения искусственного прерывания беременности, 23 мая 2014 года в период времени с 22 часов 00 минут до 22 часов 30 минут, более точное время

¹ Постановление ЦИК СССР № 65, СНК СССР № 1134 от 27.06.1936 «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» // СПС «КонсультантПлюс».

² Указ Президиума ВС СССР от 23.11.1955 (ред. от 13.04.1959) «Об отмене запрещения абортов» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2017) // Бюллетень трудового и социального законодательства РФ. 2017. № 6.

в ходе предварительного следствия не установлено, находясь в помещении малой операционной акушеро-гинекологического отделения государственного бюджетного учреждения здравоохранения Аскизской центральной районной больницы Вершино-Тейской больницы, расположенной по адресу: <адрес>, реализуя свой преступный умысел в полном объеме, осознавая общественно опасные последствия своих действия, предвидя неизбежность наступления общественно опасных последствий своих действий и желая их наступления, то есть умышленно, с целью прерывания беременности у ФИО1, совершая активные действия, направленные на прерывание беременности, допустив преступную небрежность, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должна была предвидеть наступление последствий, ввела в полость матки последний медицинский инструмент кюретку, при этом причинила перфорацию (прободение) в области верхней трети шейки матки с повреждением тонкой кишки, образованием гематомы брыжейки слепой кишки ФИО1. Согласно заключению комиссионной экспертизы № 65 от 07 июля 2014 года, ФИО1 действиями Любомировой Е. Е. был причинен тяжкий вред здоровью, являющийся опасным для жизни человека и создающий непосредственную угрозу для жизни. Любомирова Е. Е., являясь лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля, умышленно произвела искусственное прерывание беременности ФИО1, что повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшей»¹.

«Баращенко С. А. обвиняется в проведении искусственного прерывания беременности лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля, повлекшего по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшей, при следующих обстоятельствах.

26.01.2015 г. в дневное время, более точное время органами предварительного расследования не установлено, Баращенко С. А., находясь возле здания филиала ОГБОУ СПО „Братский педагогический колледж“, расположенного по ****, по просьбе Л. О. А. о продаже ей вещества, предназначенного для искусственного прерывания бе-

¹ Приговор Аскизского районного суда Республики Хакасия № 1-221/2014 от 24 октября 2014 г. по делу № 1-221/2014. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/eifNGRrH9UHW> (дата обращения: 11.04.2023).

ременности, в нарушение ст. 56 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ „Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации“, согласно которому искусственное прерывание беременности проводится по желанию женщины при наличии информированного добровольного согласия, не разъяснив Л. О. А. негативных последствий искусственного прерывания беременности, умышленно незаконно сбывла ей неустановленное следствием токсическое вещество для прерывания беременности путем вызова родовых схваток и разъяснила порядок применения данного вещества, за что получила от последней денежные средства в сумме *** рублей. Л. О. А. по указанию Барашенко С. А. в период с 9 часов 27.01.2015 г. до 9 часов 30.01.2015 г., находясь у себя в квартире, по адресу: ****, употребила неустановленное следствием токсическое вещество, вследствие употребления которого у нее была искусственно прервана беременность. 02.02.2015 г. в 23 часа 45 минут Л. О. А. поступила в гинекологическое отделение ОГБУЗ «Тулунская городская больница», находящееся в микрорайоне «Угольщикова» ***, с патологическим состоянием в виде состоявшегося внебольничного криминального выкидыша на сроке 12 недель, осложнившегося постгеморрагической анемией средней степени тяжести, относящимся к причинившим тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни. Таким образом, Барашенко С. А., проявив преступную небрежность, не имея специального медицинского образования, проводя прерывание беременности Л. О. А. токсическим способом вне медицинского учреждения, совершила преступление по неосторожности, не предвидя возможности наступления общественно опасных последствий своих действий, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должна была и могла предвидеть»¹.

В указанных выше примерах потерпевшие подстрекали исполнителей провести незаконное прерывание беременности. При этом умысел был направлен на уничтожение эмбриона, который уже обладает некоторыми правами (хотя бы правом на наследование). Однако поскольку по закону Российской Федерации эмбрион приравнивается к органам и тканям, а правом на жизнь начинает обладать

¹ Постановление Тулунского городского суда (Иркутская область) № 1-185/2015 от 15 июня 2015 г. по делу № 1-185/2015. URL: <http://surl.li/uaiaq> (дата обращения: 11.04.2023).

только с момента рождения, то он не будет потерпевшим, потерпевшей будет его мать, из организма которой был незаконно изъят объект, имеющий статус ее органа (ткани), несмотря на то, что сама мать инициировала данную операцию. Поэтому привлекать мать по ст. 123 + ст. 33 УК РФ не следует.

При этом следует заметить, что если беременная стала подстрекать к прерыванию беременности и уничтожению эмбриона до начала родовой деятельности, несмотря на срок беременности (даже на самый поздний), то она будет считаться потерпевшей, даже если преступный аборт окажется неудачным, эмбрион не погибнет, выживет и приобретет право на жизнь. Но если женщина убьет или попытается убить своего ребенка сразу после родов, то она уже станет субъектом по ст. 106 УК РФ (убийство матерью новорожденного ребенка).

Также в данной части исследования следует сказать о незаконном прерывании беременности в случае суррогатного материнства, когда беременная не является биологическим родителем эмбриону, уничтожаемому во время незаконного аборта. Даже в том случае, если инициатива по незаконному прерыванию беременности исходила от суррогатной матери и в результате ее подстрекательства был уничтожен эмбрион, биологическими родителями которого были другие люди, суррогатная мать не будет признана субъектом преступления, а будет оставаться в статусе потерпевшей. Родители уничтоженного эмбриона также не будут потерпевшими по данному уголовному делу и смогут взыскать компенсацию за моральный ущерб и за понесенные финансовые убытки только с помощью гражданского процесса.

Субъективная сторона данного преступления всегда выражается в форме прямого умысла.

Подводя итоги данной части исследования, необходимо зафиксировать, что, согласно медицинскому законодательству, эмбрион приравнен к органу беременной им женщины, а значит, незаконное прерывание беременности относится к преступлениям, предметом которых выступают органы и ткани человека. Но при этом пострадавшим будет не эмбрион, а беременная им женщина, несмотря на то что судебная практика показывает: потерпевшая сама зачастую становится инициатором такого преступления.

Также следует принять во внимание, что незаконное прерывание беременности пройдет безопаснее для потерпевшей, если проводить

его будет лицо, имеющее профильное медицинское образование по акушерству и гинекологии.

В связи с этим предлагается в современном уголовном законодательстве разграничить данный состав не только по субъектам, но и по степени тяжести нанесенного вреда жизни и здоровью потерпевшей.

2.4. Торговля людьми с целью изъятия органов и тканей человека: вопросы квалификации

Торговля людьми на сегодняшний день является одним из наиболее важных преступлений, борьбой с которыми заняты международные организации, а также органы власти абсолютного большинства государств.

Многие документы носят превентивный характер. Так, 15 ноября 2000 года в Нью-Йорке Резолюцией 55/25 на 62-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН был принят «Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности» (вступил в силу для России 25.06.2004). Согласно тексту Доклада ООН от 30.09.2020, пандемия 2020 года усилила угрозу торговли людьми¹. Статья 127.1 УК РФ устанавливает ответственность за торговлю людьми.

Несмотря на принятые законодательные меры международного и национального уровней, борьба с такими преступлениями на практике бывает затруднена. Зачастую это связано с проблемой квалификации: в начале 2021 года Верховный суд Российской Федерации подготовил «Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 10 (2021)²», где была рассмотрена в том числе практика преступности, связанной с торговлей людьми.

¹ Доклад ООН: пандемия усугубила угрозу торговли людьми, особенно для женщин и девочек. URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/09/1387132> (дата обращения: 15.04.2023).

² Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 10 (2021). URL: <https://vsrf.ru> (дата обращения: 15.04.2023).

ми. В тексте данного судебного акта разобраны случаи, когда человек предполагал, что стал жертвой торговли людьми, в то время как анализ ситуации с точки зрения международного уголовного права показывал, что формально таковые деяния нельзя квалифицировать как торговлю. В том числе данная коллизия произошла потому, что сама предполагаемая жертва, не обладающая образованием в области юриспруденции, не могла четко сформулировать все обстоятельства дела, чтобы происходящее с ней возможно было бы квалифицировать как торговлю людьми.

Разрыв между числом реально совершенных случаев торговлей людьми и зафиксированными эпизодами значителен¹, в том числе это связано с тем, что на практике возникают трудности при квалификации. Отсюда следует, что данные преступления обладают высоким уровнем латентности не только в мировом сообществе, но и в Российской Федерации в частности². Нельзя не согласиться с предложением российских ученых о постоянном совершенствовании деятельности сотрудников правоохранительных органов по выявлению фактов торговли людьми³. Данное совершенствование будет являться не единственным, но важным фактором борьбы как с самой торговлей людьми, так и с латентностью таких сделок. Из-за сложности квалификации преступлений подобного характера в Российской Федерации факты привлечения к уголовной ответственности за куплю-продажу людьми носят единичный характер.

Одной из причин для совершения таких преступлений является изъятие органов и тканей потерпевших. Пункт «ж» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ предусматривает ответственность за торговлю людьми в целях изъятия у потерпевшего органов и тканей. Данная статья была принята спустя семь лет после вступления в силу УК РФ: норма введена в российское уголовное законодательство Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уго-

¹ Бисярина А. Н. Проблемы борьбы с торговлей несовершеннолетними в современной российской уголовно-правовой науке // Международное уголовное право и международная юстиция. 2016. № 4. С. 9–11.

² Абрамова С. Р. Криминалистическая характеристика способов торговли несовершеннолетними // Российский следователь. 2019. № 1. С. 6–9.

³ Адмиралова И. А., Астишина Т. В. Особенности выявления фактов торговли людьми // Административное и муниципальное право. 2014. № 1. С. 70–73.

ловный кодекс Российской Федерации»¹. Поскольку действующее уголовное законодательство предусматривает за совершение данного преступления максимальное уголовное наказание в виде лишения свободы от трех до десяти лет, такое преступление является тяжким в соответствии с положениями ч. 4 ст. 15 УК РФ.

Состав данного преступления является материальным, поскольку преступление завершено в момент завершения имущественной сделки, предметом которой выступает человек². При этом ряд московских авторов высказывает мнение, которое также имеет право на существование: состав ст. 127.1 они определяют как формальный, аргументируя это тем, что сделка должна начаться, но не факт, что она будет завершена³.

В литературе отмечено, что купля-продажа человека с целью изъятия у него органов и тканей зачастую является интернациональным преступлением⁴, начинающимся на территории одной страны, а заканчивающимся на территории другой, при этом передвижение потерпевшего может быть через ряд третьих стран, не в каждой из которых купля-продажа человека с целью изъятия у него органов и тканей будет являться преступным деянием. Это затрудняет применение анализируемой нормы на территории Российской Федерации. Если согласиться с предложением московских авторов считать данный состав формальным, то злоумышленников можно будет привлекать к ответственности на любой стадии сделки в отношении человека⁵.

Также состав является квалифицированным, поскольку за торговлю людьми с целью изъятия органов и тканей следует более тяжкое

¹ Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ (ред. от 07.12.2011) «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / К. А. Барышева, Ю. В. Грачева, Р. О. Долотов [и др.]; под ред. Г. А. Есакова. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2021. 816 с.

³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) / А. В. Бриллиантов, Г. Д. Долженкова, Э. Н. Жевлаков [и др.]; под ред. А. В. Бриллиантова. 2-е изд. М.: Проспект, 2015. Т. 1. 792 с.

⁴ Рыжов В. Б. Направления сотрудничества стран – участников Европейского союза в противодействии криминальной трансплантологии. С. 125–129.

⁵ Ау Т. И., Балгимбеков Д. У., Турлаев А. В. Конституционные гарантии защиты несовершеннолетних от экономической эксплуатации в Республике Казахстан и Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 8. С. 47–51.

наказание, чем за обычную торговлю людьми, ответственность за которую предусмотрена ч. 1 ст. 127.1 (максимальное наказание – шесть лет лишения свободы).

Основным объектом данного преступления является закрепленное в ст. 22 Конституции Российской Федерации право человека на свободу и личную неприкосновенность. Резонно предположить, что в случае с составом п. «ж» ч. 2 ст. 127.1 речь идет о двуобъектном преступлении: в данном случае в роли дополнительного объекта будут выступать жизнь и здоровье потерпевшего, поскольку изъять органы и ткани человека без вреда для его здоровья (в ряде случаев приводящего к смерти) весьма затруднительно.

Потерпевшим может быть любое физическое лицо. Необходимо отметить, что мнение потерпевшего не декриминализирует такое деяние, даже если он согласен и желает стать предметом гражданско-правовой сделки для дальнейшего изъятия его органов и тканей. Также в названии статьи используется термин «людьми». Исходя из семантического толкования названия данной нормы можно предположить, что ответственность наступает за сделку купли-продажи в отношении нескольких людей, в то время как купля-продажа одного человека может остаться безнаказанной.

Тем не менее в тексте ч. 1 ст. 127.1 УК РФ, которая является отсылочной нормой для пунктов ч. 2 и ч. 3 данной статьи, законодатель использует слово «человек», что подразумевает наказание за сделку в отношении одного человека в том числе. В связи с этим предлагается использовать в названии статьи слово «человек», чтобы привести норму к единообразию.

Предметом данного преступления предлагается считать органы и ткани человека, поскольку именно для их дальнейшего изъятия производится торговля людьми¹.

Объективная сторона преступления выражена деянием в форме действия, которые определены в тексте Постановления Пленума Верховного суда РФ от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле

¹ Хомякова М. А. Биологический материал как объект гражданского права // Вопросы российской юстиции. 2015. № 2 (2). С. 105.

людьми»¹. К таковым относятся собственно купля-продажа человека, а также иная сделка, предметом которой выступает физическое лицо; в качестве деяния Пленум Верховного суда по составу ст. 127.1 предусматривает также вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение человека в целях его эксплуатации. К п. «ж» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ такая эксплуатация имеет опосредованное отношение, судя по тексту Приложения 2 к статье 127.1, где под эксплуатацией понимается «использование занятия проституцией другими лицами и иные формы сексуальной эксплуатации, рабский труд (услуги), подневольное состояние». Поэтому для объективной стороны состава преступления, описанного в анализируемом пункте, характерны именно действия в виде совершения гражданско-правовой сделки.

Субъект преступления общий – вменяемое физическое лицо, достигшее возраста шестнадцати лет. Субъектом может выступать любая сторона сделки: покупатель, продавец, даритель, одариваемый и т. д. В связи с тем, что в сделках, как правило, участвуют минимум две стороны, субъектов в данном случае будет минимум два, и каждый из них должен достичь 16-летнего возраста и не быть признанным судом невменяемым.

Субъективная сторона выражается в форме прямого умысла: общеизвестно, что торговля людьми запрещена и приводит к негативным последствиям, тем более что изъятие органов и тканей – цель, которая преследуется при торговле людьми в данном случае, – опасно для жизни и здоровья потерпевшего. Осуществляя такую сделку, злоумышленник осознает и желает наступления негативных последствий.

Квалифицирующим признаком является цель, обозначенная в п. «ж» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ: сделка должна осуществляться ради изъятия органов и тканей человека. Для чего именно должны быть изъяты органы у потерпевшего, законодатель умалчивает, в связи с чем ученые предполагают, что данное действие может быть совершено ради трансплантации, медицинских экспериментов, ритуалов и т. д.²

¹ Постановление Пленума Верховного суда РФ от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 3. С. 17–20.

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) / А. В. Бриллиантов, Г. Д. Долженкова, Э. Н. Жевлаков [и др.]; под ред. А. В. Бриллиантова. 2-е изд. М.: Проспект, 2015. Т. 1. 792 с.

Судебная практика по таким делам крайне скупа: в открытом доступе современной российской системы невозможно найти материалы относительно наказания по указанной норме, кроме разъяснения судов. Каким образом должна выражаться цель на изъятие органов и тканей потерпевшего при его купле-продаже, никому не ясно. Можно сделать вывод, что данная норма на практике применяется редко, несмотря на то что мировое сообщество в целом и российский законодатель в частности обращают внимание на необходимость борьбы с куплей-продажей людей с целью изъятия у них органов и тканей человека, используя, в том числе и угрозу уголовным наказанием¹.

В связи с изложенным возникает коллизия: в обществе существует проблема; законодатель, опираясь на международный опыт, предлагает пути решения данной проблемы², но на практике это решение практически не применяется. Связано это также с неоднозначной целью деяния: 25 октября 2005 года О. З. была осуждена Володарским районным судом города Брянска за продажу своей несовершеннолетней дочери. Покупатель планировал использовать шестилетнюю жертву для сексуальной эксплуатации, а затем изъять у нее органы и ткани для трансплантологических целей³.

Судя по материалам дела, сохранившимся на сегодняшний день, покупатель планировал использовать жертву в целях удовлетворения половых желаний и дальнейшего изъятия у нее органов и тканей, только покупатель. Продавец (мать девочки) была озадачена целью лишь передачи дочери покупателю и получения у него денежных средств в размере 10 тыс. долларов. Дальнейшая судьба ребенка мать не особо интересовала. Соответственно, родительница не преследовала конкретную цель продать ребенка для его дальнейшей сексуальной эксплуатации, а также для изъятия у несовершеннолетней органов и тканей. Несмотря на это, мать, как было сказано выше, была при-

¹ Правовое регулирование трансплантации в Российской Федерации: науч.-практ. пособие / Н. С. Волкова, О. Ю. Еремина, О. О. Журавлева [и др.]; отв. ред. Н. В. Путило. М.: Проспект, 2019. 176 с.

² Опалич Е. В. Сравнительно-правовой анализ законодательства стран Латинской Америки о запрете рабства // Международное уголовное право и международная юстиция. 2020. № 3. С. 20–24.

³ Абрамова С. Р. Криминалистическая характеристика способов торговли несовершеннолетними // Российский следователь. 2019. № 1. С. 6–9; Клипецкий И. А., Мелконян Г. П. Торговля людьми: законодательство и судебная практика // Российская юстиция. 2006. № 12. С. 39–42.

знана виновной и осуждена по п. «ж» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ, хотя если ее целью был просто обмен дочери на денежные средства, то правильно было бы признать О. З. виновной только по п. «б» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ (купля-продажа в отношении несовершеннолетнего).

В связи с изложенным предлагается дать конкретные практические рекомендации и разъяснения судами высшей юрисдикции, как определить и доказать цель купли-продажи (иных сделок) человека в виде дальнейшего изъятия у него органов и тканей. Необходима целостная криминалистическая характеристика таких преступлений и расследования их, чтобы практикующие юристы могли применять уголовное законодательство должным образом¹. До сих пор нет ни национального, ни международного правового акта, который бы консолидировал и разъяснял все нюансы применения законодательства о коммерциализации органов и тканей человека², борьба с которой ведется на просторах СНГ почти два десятилетия³.

Также предлагается применять данную норму только к той стороне (сторонам) сделки, которая на самом деле планировала осуществить куплю-продажу человека с дальнейшим изъятием у него органов и тканей человека. Если вторая сторона не знала о такой цели, то деяния такого субъекта следует квалифицировать по ч. 1 ст. 127.1 (если отсутствуют иные квалифицирующие признаки, как в случае О. Зеленцовой: мать явно знала о том, что ее шестилетняя дочь является несовершеннолетней). Применение данной нормы к той стороне сделки, которая не знала о цели второй стороны, нарушает принципы российского уголовного права и процесса, среди которых не только наказание виновных, но и не наказание невиновных⁴.

¹ Абрамова С. Р. Криминалистическая характеристика способов торговли несовершеннолетними.

² Козлова А. А. Правовые основы международного сотрудничества в сфере противодействия незаконному обороту человеческих органов // Международное публичное и частное право. 2017. № 4. С. 33–36.

³ См.: Соглашение о сотрудничестве в борьбе с торговлей людьми, органами и тканями человека 25.11.2005. URL: <http://www.cis.minsk.by/page>; Программа сотрудничества государств – участников СНГ в борьбе с торговлей людьми 2014–2018 гг. URL: <http://www.cis.minsk.by/page>.

⁴ Хомякова М. А. Торговля людьми с целью изъятия органов и тканей: проблемы квалификации // Современное право. 2022. № 7. С. 123–127.

2.5. Надругательство над телами умерших: вопросы квалификации и уголовного наказания

Надругательство над телами умерших и местами их захоронения квалифицируется по ст. 244 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Родовым объектом данного преступления будут являться общественная безопасность и общественный порядок.

Видовым объектом, как и непосредственным, в данном случае является общественная нравственность.

Предметом преступления являются тела умерших и места их захоронения (следует отметить, что места захоронения также могут быть и местом совершения преступления). Однако в рамках данного исследования будут рассмотрены именно тела и фрагменты тел умерших (органы и ткани человека) в качестве предмета.

Объективная сторона представляет собой деяние в форме действия, а именно надругательство над телами умерших и местами их захоронения. Данная формулировка носит оценочный характер, поэтому ниже будет разобрано более подробно, какие деяния влекут за собой надругательство над телами умерших и местами их захоронения, а какие – нет.

Субъект – физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет¹.

Субъективная сторона – вина в форме умысла.

А. В. Бриллиантов отмечает, что данный состав может быть как формальным, так и материальным, поскольку «при надругательстве над телом умершего, осквернении мест захоронения, надмогильных сооружений или кладбищенских зданий преступление считается оконченным в момент совершения любого действия, образующего объективную сторону состава преступления, но при уничтожении или повреждении мест захоронений, кладбищенских зданий – с момента наступления последствий»².

¹ Осокин Р. Б. Возраст субъекта состава надругательства над телами умерших и местами их захоронения необходимо снизить // Вестн. общественной науч.-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2012. № 5. С. 79–81.

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) / А. В. Бриллиантов, А. В. Галахова, В. А. Давыдов [и др.]; отв. ред. В. М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. Т. 3: Особенная часть. Раздел IX. 298 с.

Диспозиция ст. 244 Уголовного кодекса Российской Федерации состоит в значительной мере из оценочных понятий: надругательство (над телами умерших), уничтожение, повреждение, осквернение (мест захоронения, надмогильных сооружений или кладбищенских зданий, предназначенных для церемоний в связи с погребением умерших или их поминовением). Данная тема является актуальной, поскольку оценочные, абстрактные понятия приводят к неоднозначному толкованию закона правоприменителем¹.

В рамках этого исследования анализируется надругательство над телами умерших, поскольку именно это деяние представляет интерес для автора в наибольшей мере. В то же время следует отметить, что анализировать лишь отдельные положения ст. 244 УК РФ не представляется этичным по отношению к уголовному законодательству и может привести к смысловому отрыву от контекста закона, что негативно скажется на результатах исследования, поэтому в процессе научной работы применяется комплексный подход к анализу статьи, однако акцент сделан на надругательстве над телами умерших.

Изучаемые понятия являются оценочными хотя бы потому, что Россия – полиэтническое государство, что следует из преамбулы Конституции Российской Федерации, а часть 2 ст. 19 Основного закона гарантирует право каждого на принадлежность к любой религиозной конфессии. В связи с этим даже между представителями одного народа, которые относят себя к разным религиям, возникали споры на конфессиональной почве, касающиеся в том числе и обрядов погребения. Р. А. Мухамедов в своем исследовании приводит пример о некотором рода недопониманиях, которые возникали между татарами, исповедующими ислам и крещеными татарами²: например, православные кресты, которые принято устанавливать на местах захоронения христиан, вызывали недоумение у мусульман. В то же время мусульманская традиция хоронить усопших лишь в саване и зачастую без гроба, укладывая тела набок, противоречит православным обычаям. Иными словами, то, что считается нормальным и даже

¹ Осокин Р. Б. К вопросу о предмете надругательства над телами умерших и местами их захоронения // Вестн. Тамбовского ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 6 (110). С. 272.

² Мухамедов Р. А. Общественный и религиозный уклад жизни и характерные черты обрядов мусульман // Tatarica. 2018. № 1 (10). С. 77–90.

обязательным для похоронного обряда в одной религии, может быть воспринято как надругательство над телом и (или) местом захоронения для представителей другой.

Значит ли это, что всех христиан следует привлечь к уголовной ответственности по ст. 244 УК РФ, поскольку, с точки зрения мусульман, они неуважительно относятся к покойному? И наоборот, стоит ли начать массовое уголовное преследование мусульман, которые хоронят усопших согласно своим традициям и, с точки зрения христиан, нарушают правила захоронения? Такая ситуация кажется абсурдной.

Однако уголовному преследованию по данной норме в свое время подвергся гражданин Российской Федерации, который не стал хоронить тело покойной матери. Вместо этого сын мумифицировал родственницу¹. Но ведь мумификация также одна из похоронных традиций, которая, правда, является весьма экзотической для российских реалий, поскольку в ст. 3 Федерального закона от 12.01.1996 № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» сказано, что погребение – это обрядовые действия по захоронению тела (останков) человека после его смерти в соответствии с обычаями и традициями, не противоречащими санитарным и иным требованиям. Погребение может осуществляться путем предания тела (останков) умершего земле (захоронение в могилу, склеп), огню (кремация с последующим захоронением урны с прахом), воде (захоронение в воду в порядке, определенном нормативными правовыми актами Российской Федерации). Про мумификацию в данном акте нет ни слова.

С другой стороны, для последователей индуизма традиционной является кремация на открытом воздухе путем сжигания тела на костре². И хотя кремация в российском законодательстве о похоронном деле разрешена, публичное сжигание трупа на улице может быть воспринято в сознании наших соотечественников как надругательство над телом умершего, хотя для индусов оно будет весьма обычным.

¹ Козлова Н. Мумии возвращаются // Российская газета. 2014. 25 апр. С. 5; Цыбизова Н. А. Безвестное отсутствие граждан по российскому гражданскому праву. Томск: НТЛ, 2017. 112 с.

² Кузнецова С. С. Этнические и экономические аспекты индийского федерализма и их отражение в конституционном праве (на примере штата Джаркханд) // Российское право: образование, практика, наука. 2016. № 4. С. 42–47; Мочалов А. Н. Отражение этнического многообразия в конституционном регулировании территориального устройства Индии и Китая // Российское право: образование, практика, наука. 2016. № 4. С. 36–41.

Итак, легального определения того, что является надругательством над телом умершего, нет, Верховный суд также не дал разъяснений на этот счет, поэтому приходится обращаться к доктрине уголовного права. Коллектив авторов из Москвы дает следующее определение понятию «надругательство над телами умерших»: совершение безнравственных, оскверняющих или циничных действий в отношении захороненных или временно не захороненных человеческих останков (извлечение из могилы, нанесение повреждений, расчленение трупа, обнажение, похищение одежды, находящейся на теле умершего, ценных украшений, зубных коронок, несанкционированное перезахоронение останков и т. д.)¹.

Данное определение является несовершеннолетним хотя бы потому, что также использует оценочные понятия: безнравственность, осквернение и цинизм каждый индивид понимает по-своему, и доказательством тому является судебная практика. Напомним, что в 2002 году гражданка Л. В. Житинская обратилась к Саратовской областной больнице с иском о взыскании морального вреда, поскольку считала аморальным тот факт, что сотрудники больницы использовали органы и ткани ее умершего сына в донорских целях, что регламентировано статьей 8 Закона РФ от 22.12.1992 № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека». С точки зрения матери, врачи поступили безнравственно. Однако суды Российской Федерации, включая Конституционный, встали на сторону медиков. В тексте Определения Конституционного суда РФ от 04.12.2003 № 459-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Саратовского областного суда о проверке конституционности статьи 8 Закона Российской Федерации „О трансплантации органов и (или) тканей человека“» сказано, что презумпция на изъятие органов и тканей трупа является конституционной, поскольку помогает спасать жизнь реципиентов, нуждающихся в донорстве. А жизнь и здоровье человека, согласно ст. 2 Конституции РФ, являются наивысшей ценностью.

С точки зрения Л. В. Житинской, над телом ее сына медики надругались, чем нанесли ей моральный вред, однако, по мнению пред-

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) / А. В. Бриллиантов, А. В. Галахова, В. А. Давыдов [и др.]; отв. ред. В. М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. Т. 3: Особенная часть. Раздел IX. 298 с.

ставителей судебной власти, врачи поступили благородно, поскольку обеспечили донорскими органами нуждающихся.

Оценочное понятие вызывает дискурс у толкователей норм права, будь то профессиональные юристы или обыватели, не отягощенные образованием в области юриспруденции¹.

Также определение, предложенное в Комментарии к УК РФ под редакцией В. М. Лебедева, вызывает некоторые сомнения, поскольку, с одной стороны, говорит о том, что изъятие останков из могилы является надругательством, с другой – что надругательством является лишь неправомерное перезахоронение. Законодательством при этом предусмотрены переносы кладбищ и захоронений (п. 4.1 Постановления Главного государственного санитарного врача РФ от 28.06.2011 № 84 «Об утверждении СанПиН 2.1.2882-11 „Гигиенические требования к размещению, устройству и содержанию кладбищ, зданий и сооружений похоронного назначения“»). Тем не менее возникает вопрос: надругательством является любое изъятие тела из могилы или только то, которое не разрешено законом? В одном и том же определении содержатся как общее понятие, так и конкретное, что ставит читателя в логический тупик.

Это же определение подразумевает, что обнажение тела является надругательством, однако подготовка тела к похоронам предполагает его омовение, а мусульмане хоронят усопших и вовсе без одежды, укрывая тело саваном². Так или иначе, в какой-то момент между смертью и захоронением умершего раздевают – будет ли являться это надругательством?

В связи с вышеизложенным представляется, что мотив и цель как факультативные признаки субъективной стороны состава преступления, предусмотренного в рамках ст. 244 УК РФ, являются факторами, позволяющими верно квалифицировать деяние. Целью в данном случае будет внутренне желание человека надругаться над телом умершего (или над отдельными фрагментами тела, если речь идет об изъятии органов и (или) тканей человека), использование тела или его фрагментов в целях, противоречащих общепринятым в обществе законам морали и нравственности.

¹ Хомякова М. А. «Надругательство над телами умерших» как оценочное понятие в уголовном законе // Эволюция российского права: материалы XVII Международной науч. конф. молодых ученых и студентов. Екатеринбург, 2019. С. 441–442.

² Мухамедов Р. А. Общественный и религиозный уклад жизни и характерные черты обрядов мусульман // Tatarica. 2018. № 1 (10). С. 77–90.

А. С. Шокель предлагает несколько видов надругательств над телами умерших и местами их захоронения в зависимости от мотива преступления¹, на основе этого исследования предлагается следующая квалификация:

- 1) надругательство как способ приобретения. Основной мотив преступления – корыстный;
- 2) идеологическое надругательство над телами умерших и местами их захоронений. В данном случае разрушитель преследует социальные или политические цели;
- 3) надругательство над телом умершего как мщение. Оно происходит в ответ на обиду или оскорбление²;
- 4) надругательство как игра. Это распространенная разновидность детского и подросткового вандализма в виде надругательства над телами умерших и местами их захоронения;
- 5) злобный вандализм. Явление представляет собой акты, вызванные чувствами враждебности, зависти, неприязни к другим людям и удовольствия от причинения вреда.

Определив мотив и цель субъекта, можно будет отграничить преступное деяние от непроступного. Однако это не отменяет необходимости легального определения понятия надругательства над телом умершего.

В ч. 3 ст. 67 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»³ говорится, что по религиозным мотивам при наличии письменного заявления супруга или близкого родственника (детей, родителей, усыновленных, усыновителей, родных братьев и родных сестер, внуков, дедушки, бабушки), а при их отсутствии иных родственников либо законного представителя умершего или при волеизъявлении самого умершего, сделанном им при жизни, патолого-анатомическое вскрытие не производится, за исключением случаев:

- 1) подозрения на насильственную смерть;

¹ Шокель А. С. Надругательства над телами умерших и местами их захоронений: причины, условия, мотивы // Человек: преступление и наказание. 2010. № 1 (68). С. 90–91.

² Хомякова М. А. Корреляция посмертной трансплантации органов и тканей человека и оскорбления чувств верующих // Право в современном мире: достижение метабезопасности как атрибута государства в.2020: материалы Всерос. науч.-практ. конф.: в 3 выпусках. 2020. С. 191–194.

³ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

- 2) невозможности установления заключительного клинического диагноза заболевания, приведшего к смерти, и (или) непосредственной причины смерти;
- 3) оказания умершему пациенту медицинской организацией медицинской помощи в стационарных условиях менее одних суток;
- 4) подозрения на передозировку или непереносимость лекарственных препаратов или диагностических препаратов;
- 5) смерти:
 - а) связанной с проведением профилактических, диагностических, инструментальных, анестезиологических, реанимационных, лечебных мероприятий, во время или после операции переливания крови и (или) ее компонентов;
 - б) от инфекционного заболевания или при подозрении на него;
 - в) от онкологического заболевания при отсутствии гистологической верификации опухоли;
 - г) от заболевания, связанного с последствиями экологической катастрофы;
 - д) беременных, рожениц, родильниц (включая последний день послеродового периода) и детей в возрасте до двадцати восьми дней жизни включительно;
 - е) рождения мертвого ребенка;
 - ж) необходимости судебно-медицинского исследования.

Можно ли в связи с этой нормой права говорить о том, что критерием надругательства над телом умершего являются религиозные соображения родственников умершего, поскольку с телом будут совершены некие манипуляции, противоречащие убеждениям родственников умершего и являющиеся, с их точки зрения, недопустимыми? При этом об отношении к религии самого умершего не говорится. Однако и в таком случае, несмотря на возражения родственников усопшего, с телом могут быть произведены определенные манипуляции.

Данная норма была рассмотрена в этой части исследования, поскольку регулирует деяния, схожие с теми, которые предусмотрены составом ст. 244 УК РФ, однако, помимо религиозных догм, существуют и иные причины, в связи с которыми манипуляции с телом умершего могут быть восприняты как надругательство.

В рамках международного права следует отметить ст. 22 Хельсинкской декларации Всемирной медицинской ассоциации «Этические

принципы проведения медицинских исследований с участием человека в качестве субъекта», согласно которой медицинские манипуляции над телом человека должны производиться с учетом этических норм¹. В тексте данного нормативного правового акта также неоднократно используется оценочное понятие (этика). Для определения того, является ли деяние с телом человека этическим или нет, согласно тексту ст. 22–23 Декларации, создается комиссия по этике, которая в каждом конкретном случае определяет, является деяние этическим или нет.

Проводя компаративистский анализ уголовного законодательства стран СНГ, следует отметить, что диспозиция аналогичной статьи УК РК (ст. 314) звучит практически так же, как и диспозиция ст. 244 УК РФ: «Надругательство над телами умерших либо уничтожение, повреждение или осквернение мест захоронения, надмогильных сооружений или кладбищенских зданий, предназначенных для церемоний в связи с погребением умерших или их поминовением», в то время как в УК РБ текст диспозиции ст. 347 отличается: «Надругательство над трупом или могилой, либо похищение трупа, либо предмета, находящегося в могиле». Может вызвать определенного рода дискуссию тот факт, что белорусский законодатель разграничивает понятия «надругательство над трупом» и «похищение трупа», тогда как кража тела в сознании большинства может быть одной из разновидностей надругательств над умершим. Как и в российском уголовном законодательстве, в УК РК и УК РБ использованы оценочные понятия для определения надругательства над телами умерших и местами их захоронения.

Как было сказано выше, использование оценочных и абстрактных понятий в диспозиции данной нормы вызывает недовольство у некоторых исследователей в области уголовного права. Ученые аргументируют свою позицию тем, что такие определения ведут к неоднозначности их толкования применителем². Данная позиция, на наш взгляд, имеет право на существование и должна быть поддержана на законодательном уровне, причем не только в российском уго-

¹ Хельсинкская декларация Всемирной медицинской ассоциации «Этические принципы проведения медицинских исследований с участием человека в качестве субъекта» (принята в г. Хельсинки в июне 1964 года на 18-й Генеральной Ассамблее ВМА) (с изм. и доп. от октября 2013 года). URL: <http://acto-russia.org> (дата обращения: 16.04.2023).

² Осокин Р. Б. К вопросу о предмете надругательства над телами умерших и местами их захоронения // Вестн. Тамбовского ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 6 (110). С. 272.

ловном законодательстве, но и в аналогичных кодексах зарубежных стран, поскольку подобная тенденция с использованием оценочных понятий в диспозиции уголовных норм находит в основном отрицательный отклик в научном сообществе.

Также возникает вопрос о том, является ли трансплантология надругательством над телом умершего. Капитонова Е. А., Романовская О. В., Романовский Г. Б. отмечают, что из понятия «надругательство над телами умерших» следует исключить действия, совершаемые с телом умершего в одобряемых обществом целях. Данное положение не закреплено законодательно, но практика Конституционного суда, приведенная в предыдущем параграфе данного исследования, показывает, что трансплантация от умершего донора, проведенная в целях спасения жизни реципиента, является социально значимой.

Вернемся к российскому законодательству. Несмотря на неоднозначность формулировки диспозиции ст. 244 УК РФ, на практике суды неоднократно применяли данную норму. В рамках данного исследования будут приведены примеры преступлений, предусмотренных ст. 244 УК РФ, предметом которых будут именно органы и ткани человека. Автор принимает во внимание, что диспозиция анализируемой нормы более широка и подразумевает, что предметом данного преступления являются не только указанные фрагменты тела умершего (и даже не только само тело умершего, полностью или частично), но и места захоронений.

Тем не менее для данного исследования представляют интерес только те уголовные дела, где предметом выступали органы и ткани потерпевшего.

14 февраля 2019 года Верховным судом Российской Федерации было вынесено апелляционное постановление № 84-АПУ19-2, согласно тексту которого Лучин Д. А. был осужден за убийство своей знакомой Б. в целях использования ее органов и тканей, а также за надругательство над ее телом. Лучин Д. А. осужден по п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ, приговорен к 18 годам 10 месяцам лишения свободы с ограничением свободы на 2 года, по ч. 1 ст. 244 УК РФ к 7 месяцам исправительных работ с удержанием 10 процентов заработной платы в доход государства, а по совокупности преступлений, определяемой по правилам ч. 3 ст. 69 и п. «в» ч. 1 ст. 71 УК РФ, путем частичного сложения назначенных наказаний – к 19 годам лишения свободы с отбыванием наказания

в исправительной колонии строгого режима, с ограничением свободы на срок 2 года, с установлением ограничений: не выезжать за пределы территории соответствующего муниципального образования, где осужденный будет проживать или пребывать после освобождения; не изменять место жительства или пребывания без согласия специализированного органа, осуществляющего надзор за отбыванием наказания в виде ограничения свободы, с возложением обязанности являться три раза в месяц для регистрации в указанный выше специализированный государственный орган¹.

После апелляционной инстанции приговор Нижегородского областного суда был оставлен без изменений.

Данный пример иллюстрирует, что в случае, когда совершается убийство в целях использования органов и тканей человека с последующим надругательством над телом потерпевшего, данные деяния следует квалифицировать по совокупности п. «м» ч. 2 ст. 105 и соответствующей части ст. 244 УК РФ.

Также практика показывает, что убийство с последующим надругательством над телом умершего может быть квалифицировано по совокупности иных пунктов и/или частей ст. 105 УК РФ и соответствующей части ст. 244 УК РФ.

В 2015 году Железняков М. В. совершил убийство К., после чего расчленил тело. В ходе следствия было установлено, что надругательство над телом умершего (а именно расчленение тела К.) было произведено Железняковым не в целях сокрытия преступления. Мотивы убийства как квалифицирующие признаки субъективной стороны также в материалах дела не фигурируют. По данному эпизоду Железняков был осужден Орловским областным судом по совокупности п. «д» ч. 2 ст. 105 и ч. 1 ст. 244 УК РФ. После рассмотрения дела в апелляционном порядке приговор был оставлен без изменения².

12 сентября 2018 года Есаулов А. Н. и Васильев В. В. совершили убийство потерпевшего Б., угрожали ножом потерпевшему К., «глумились над телом Б.». Суд использовал именно такую формулировку в приговоре: «глумясь над телом Б., предложили К. отчленить голову

¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 14.02.2019 № 84-АПУ19-2 // СПС «КонсультантПлюс».

² Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 22.09.2016 № 37-АПУ16-6 // СПС «КонсультантПлюс».

от тела трупа, а получив отказ, угрожали лишением жизни, который воспринял их угрозы реально, и ножом произвел резаные раны в области шеи трупа Б. при этом Васильев В. В. по указанию Есаулова А. Н. снимал эти действия К. на камеру мобильного телефона, угрожая К. распространением видеозаписи в социальных сетях»¹. Данная дефиниция, используемая в приговоре, говорит о том, что Есаулов А. Н. и Васильев В. В. преследовали цель глумления над телом убитого, то есть осуществляли надругательство над трупом и его частями, за что и были осуждены по совокупности статей. Согласно тексту Приговора, осужденный 1 был осужден по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ за убийство, ч. 1 ст. 119 УК РФ – за угрозу убийством; п. «а», «в» ч. 2, ч. 1 ст. 244 УК РФ – за надругательство над телами умерших; осужденный 2 – по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ за убийство, ч. 1 ст. 119 УК РФ – за угрозу убийством; п. «а», «в» ч. 2 ст. 244 УК РФ – за надругательство над телами умерших.

Захрямин С. В. был осужден в 2019 году по п. «а», «ж», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ к девятнадцати годам лишения свободы; по ч. 1 ст. 244 УК РФ – к десяти месяцам исправительных работ с удержанием 10 % заработка в доход государства; по ч. 2 ст. 167 УК РФ – к трем годам лишения свободы. Вместе с подельником Зубком А. А. осужденный убили потерпевшего, а Захрямин С. В. «надругался над трупом, пытаюсь скрыть преступление». Сам Захрямин в апелляционном порядке пытался обжаловать приговор в части обвинений по ст. 244, говоря о том, что у него не было цели надругаться над телом. Также, согласно материалам дела, «Доводы Захрямина С. В. об излишней квалификации его действий по ч. 1 ст. 244 УК РФ несостоятельны, поскольку установлено, что им совершено надругательство над телом убитого М. Непосредственным предметом преступления в данном случае явилось тело убитого М., а не место захоронения, надмогильное сооружение или кладбищенское здание, где совершаются церемонии в связи с погребением умерших или их поминовением. В данном случае для квалификации действий Захрямина С. В. по ч. 1 ст. 244 УК РФ не имеет значения место совершения входящих в объективную сторону преступления действий – отчленение головы от трупа М.». Апелляционный суд посчитал данные доводы

¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 30.10.2019 № 74-АПУ19-6сп // СПС «КонсультантПлюс».

неубедительными, поскольку отсечение головы от тела даже с целью спрятать труп все равно расценивается как глумление над ним в общепринятом смысле¹.

Представляет научный интерес в рамках данного научного текст Приговора Мытищинского городского суда: «Он же, ФИО4, в период времени с <данные изъяты> ДД.ММ.ГГГГ по <данные изъяты> ДД.ММ.ГГГГ, более точное время следствием не установлено, будучи в состоянии алкогольного опьянения, находясь по вышеуказанному адресу, где после совершения им убийства ранее ему знакомого ФИО2, понимая, что он мертв, на почве личных неприязненных отношений, сформировавшихся в связи с тем, что ФИО4 помнил о том, как ФИО2 оскорбил его мать, заявив, что вступал с ней в половую связь, в связи с чем у него возник преступный умысел, направленный на совершение надругательства над телом ФИО2. В указанный период времени, то есть с <данные изъяты> ДД.ММ.ГГГГ по <данные изъяты> ДД.ММ.ГГГГ, более точное время следствием не установлено, в указанном месте ФИО4, реализуя свой вышеуказанный преступный умысел, понимая, что ФИО2 мертв, а также, что своими циничными и безнравственными действиями совершает надругательство над телом умершего, осознавая фактический характер, противоправность и общественную опасность своих действий, предвидя возможность наступления общественно опасных последствий в виде надругательства над телом умершего, используя нож, которым наносил удары потерпевшему, вырезал половой член умершего, причинив тем самым посмертную рану паховой области, являющейся резаной и образовавшейся в результате трех воздействий предметом, имеющим острый режущий край или конец.

После совершения указанных действий в указанное время в указанном месте ФИО4, разжав челюсть последнего, поместил половой член в ротовую полость умершего ФИО2, нанеся затем один удар данным ножом в область шеи слева и, оставив нож в данном положении, покинул помещение заброшенной хозяйственной постройки – барака, имеющего номер № , расположенного на территории ГСК № микрорайона „<адрес>“ <адрес>, примерно в 200 метрах

¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации от 20.06.2019 № 81-АПУ19-9 // СПС «КонсультантПлюс».

от жилого дома, находящегося по адресу: <адрес>, микрорайон „<адрес>“, <адрес>»¹.

Из текста данного судебного акта следует, что умысел надругаться над телом умершего возник у виновного уже после совершения убийства.

Анализ указанных эмпирических источников позволяет подытожить информацию, полученную в результате работы над данным параграфом: убийство с последующим надругательством над телом умершего должно быть квалифицировано по совокупности соответствующей части ст. 244 Уголовного кодекса Российской Федерации и по одной из частей ст. 105 УК РФ. Не всегда это будет п. «м» ч. 2 ст. 105 – позиция Верховного суда Российской Федерации такова, что при схожих деяниях – убийствах с последующим надругательством над телом (его фрагментами, органами, тканями) может быть дана разная квалификация в зависимости от внутренних убеждений субъекта в момент совершения преступлений, то есть от мотива преступления. Мотивы таких преступлений достаточно разнообразны. Верховный суд, например, относит к таковым мотивы политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, а также мотивы в виде ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы².

Если мотив надругательства над телом умершего появился до совершения убийства или в момент совершения убийства, то в таком случае квалифицировать следует по совокупности п. «м» ч. 2 ст. 105 и ст. 244 УК РФ³. В случае же когда субъект решил совершить манипуляции с телом убитого, расцениваемые как надругательство, после наступления смерти потерпевшего, в таком случае в совокупности со ст. 244 следует применять не п. «м» ч. 2 ст. 105, а иную часть и/или пункт данной нормы.

¹ Приговор Мытищинского городского суда Московской области № 1-261/2018 от 5 июня 2018 г. по делу № 1-261/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/LDaK7l5ahYUu> (дата обращения: 02.05.2023).

² Постановление Пленума Верховного суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Бюллетень Верховного суда РФ. 2011. № 8. URL: <https://vsrf.ru/documents/newsletters/1810> (дата обращения: 02.05.2023).

³ См.: Апелляционное постановление Иркутского областного суда № 22-3687/2019 от 12 декабря 2019 г. по делу № 4/1-57/2019 // http://oblsud.irk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=655; Приговор Липецкого областного суда № 2-5/2019 от 18 октября 2019 г. по делу № 2-5/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/JXAxflse2BV1> (дата обращения: 02.05.2023).

Глава 3

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РАМКАХ ОХРАНЫ ОТНОШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОРГАНАМИ И ТКАНЯМИ ЧЕЛОВЕКА

3.1. Вопросы квалификации преступлений, предметом которых являются органы и ткани человека

Анализ составов преступлений, предметом которых являются органы и ткани человека, показывает, что у таких преступлений есть ряд общих признаков, но существуют также отличия.

Объектом преступления являются охраняемые законом блага и ценности, на которые совершается преступное посягательство. Резюмируя итоги, полученные в результате данного исследования, можно сделать вывод о том, что зачастую отношения, возникающие относительно органов и тканей человеческого организма, подвергаются преступным посягательствам.

Основным объектом таких преступлений выступают зачастую жизнь и здоровье потерпевшего, поскольку отчуждение органов и тканей человека наносит, как правило, вред жизни и здоровью организма. Однако бывают случаи, когда объектом становятся общественная нравственность и общественный порядок: речь идет о ст. 244 УК РФ – надругательство над телами умерших и местами их захоронения. Для защиты общественной нравственности и общественного порядка следует признать эти общественные отношения объектом преступных посягательств¹.

¹ См.: Калужская А. В. Уголовно-правовое противодействие надругательству над телами умерших и местами их захоронения (на примере стран романо-германской правовой семьи) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 10. С. 101–106.

При этом авторы отмечают, что при иных преступлениях, предметом которых являются органы и ткани человека, также страдают общественная нравственность и общественный порядок. Несмотря на то что в уголовном законодательстве прямо не сказано о том, какие именно цели преследует злоумышленник, используя органы и ткани человека, в общественном сознании эти действия вызывают негативные эмоции в большинстве своем¹. На страницах данной работы были изучены такие негативные для общества явления как канныализм, криминальная трансплантация, незаконное прерывание беременности и т. д., которые являются с точки зрения социума безнравственными.

Человек, его права и свободы являются высшей ценностью в Российской Федерации, согласно преамбуле к Конституции нашей страны. В связи с этим неудивительно, что девиантное (в общем понимании для современной российской действительности) обращение с частями человеческого организма воспринимается в сознании граждан как безнравственное. В связи с этим можно предположить, что общественная нравственность и общественный порядок страдают каждый раз, когда происходит преступление, связанное с незаконным использованием органов и тканей человека².

Авторы, рассуждая о морали и нравственности в рамках дискуссии об использовании органов и тканей человека в правовом поле, нередко говорят о том, что право на достоинство переживает самого человека³. Право на достоинство также охраняется законодательством, и данное исследование показывает, что оно может быть тождественно нравственности в уголовно-правовом аспекте.

Общественная нравственность является объектом всех преступлений, совершаемых ради незаконного использования органов и тканей человека. Подтверждением данной гипотезы является обширная судебная практика (значительную часть которых составляют

¹ Осокин Р. Б. Общественная нравственность как особо ценный объект охраны // Вестн. Московского ун-та МВД России. 2011. № 7. С. 167–169.

² См.: Иванов А. Л. Вопросы квалификации убийства в целях использования органов или тканей потерпевшего (п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ) // Российский следователь. 2020. № 10. С. 46–51.

³ Невинский В. В. Конституция Российской Федерации и достоинство человека (вспоминание о будущем) // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11. С. 48–54.

делу по ятрогении): потерпевшие (или их родственники, в случае если потерпевшие умерли) требуют не только наказания виновного за преступление, но и компенсации морального вреда (в рамках гражданского иска в уголовном процессе), причиненного им преступлениями, совершенными ради незаконного использования органов и тканей потерпевшего¹.

Это подтверждается и несогласием населения с презумпцией согласия на посмертное изъятие органов и тканей человека для донорских целей. Несмотря на то что основной целью такого изъятия считается спасение жизни и здоровья реципиентов, которым необходимы донорские материалы для выздоровления и продления жизни, подобные меры зачастую вызывают возмущение у родственников тех, кто посмертно стал донорами². Родственники (иные близкие люди) таких доноров пытаются в судебном порядке признать посмертное изъятие органов и тканей человека незаконным, несмотря на позицию органов судебной власти, которая обозначена тем, что право на жизнь и здоровье реципиента превалирует над правом на честь и достоинство умершего донора.

В связи с изложенным имеет смысл сказать, что преступления, связанные с органами и тканями человека, можно считать двубъектными, если результатом преступных деяний становятся причинение

¹ См.: Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25.11.2021 № 77-5165/2021 // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 01.06.2021 № 88-8625/2021 по делу № 2-62/2020 // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 20.08.2020 № 88-13138/2020 // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 13.04.2020 № 34-КГ20-2 // СПС «КонсультантПлюс»; Рудич В. В. Стандарты допустимости доказательств по уголовным делам, выработанные в решениях Европейского суда по правам человека // Уголовное судопроизводство: современное состояние и основные направления совершенствования: сб. материалов Междунар. науч.-практической конф., посвященной 50-летию юбилею доктора юридических наук, профессора А. В. Гриненко. Екатеринбург: Уральский институт экономики, управления и права, 2016. С. 362–368.

² Определение Московского городского суда от 27.09.2019 № 4Г-12082/2019 по делу № 2-835/19 // СПС «КонсультантПлюс»; Апелляционное определение Московского городского суда от 04.06.2019 по делу № 33-23636/2019 // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Конституционного суда РФ от 10.02.2016 № 224-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бирюковой Татьяны Михайловны, Саблиной Елены Владимировны и Саблиной Нэлли Степановны на нарушение их конституционных прав статьей 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // СПС «КонсультантПлюс».

вреда жизни и здоровью потерпевшего. Основным объектом будут являться соответственно жизнь или здоровье потерпевшего, а дополнительным – общественная нравственность и общественный порядок. Предлагается считать общественную нравственность и общественный порядок в данном случае именно дополнительным объектом, а не факультативным, поскольку эти ценности будут страдать в любом случае, хоть и в некоторых случаях второстепенно¹.

Однако в таком составе преступления, как надругательство над телами умерших и местами их захоронения, жизнь и здоровье не будут являться объектом, поскольку у умершего человека этих ценностей попросту нет. В таком случае основным объектом станут общественный порядок и общественная нравственность.

Предметом преступлений являются органы и ткани человеческого организма. Как было сказано в первой главе данной работы, с медицинской точки зрения все органы являются тканями человеческого организма. Однако в правовых актах и юридической литературе устойчивым является выражение «органы и ткани человека», хотя с точки зрения логики оно является некорректным, поскольку звучит как «вид тканей человеческого организма и ткани человеческого организма». На страницах данного исследования используется понятие «органы и ткани человека», поскольку оно является устойчивым.

Ткани человека представляют собой биологический материал. Определение понятия «биологически материал» дано в п. 9 ст. 2 Федерального закона от 23.06.2016 № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах». Согласно данной норме, биологическим материалом являются «биологические жидкости, ткани, клетки, секреты и продукты жизнедеятельности человека, физиологические и патологические выделения, мазки, соскобы, смывы, биопсийный материал». Так как данное понятие является более широким и детальным, а также более современным, чем понятие «органы и ткани», используемое в уголовном законодательстве, предлагается считать предметом рассматриваемых преступлений именно биологический материал человека. Это определение является более актуальным: норма, раскрывающая

¹ См.: Миллеров Е. В. Уголовно-правовая охрана нравственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2006. 26 с.

определение данного понятия, появилась на двадцать лет позже уголовного закона Российской Федерации.

Необходимо отметить, что с точки зрения медицинского права эмбрион также является органом человека (следует предположить, что он является органом беременной им женщины)¹. Поэтому незаконное прерывание беременности относится к преступлениям, предметом которых выступают органы и ткани человека².

Потерпевшим в таких преступлениях является сам человек, органы и ткани которого стали предметом преступления, а также его родственники (иные близкие лица), если непосредственно сам потерпевший скончался.

Объективная сторона в анализируемых преступлениях представляет собой обычно деяние в форме действия. Убийство, причинение вреда здоровью, незаконное прерывание беременности, принуждение к изъятию органов и тканей человека, надругательство над телом умершего и т. д. представляют собой активные действия со стороны злоумышленника.

Однако судебная практика знает случаи деяния в форме бездействия: приговором Московского городского суда в 2005 году была осуждена группа врачей, обвиняемых в том, что 11 апреля 2003 года в стенах городской клинической больницы № 20 города Москвы они умышленно не проводили операцию потерпевшей, дожидаясь ее смерти ради изъятия у нее почек для дальнейшего их использования в донорских целях³.

При анализе отдельных составов преступлений, предметом которых выступают органы и ткани человека, возник вопрос о возможности применения ряда норм, исходя из понимания именно объективной стороны состава преступления: законодатель дал конкретные дефиниции, определяя уголовно-наказуемое деяние, которые затрудняют квалификацию преступлений. Согласно данным статистики, некоторые нормы уголовного закона не применяются

¹ См.: Афанасьев И. В., Машков А. В. Статус человеческого эмбриона в наследственном праве и вытекающие из него юридические проблемы // Современное право. 2022. № 1. С. 72–78.

² Определение Верховного суда РФ от 22.06.1995 // Бюллетень Верховного суда РФ. 1996. № 1.

³ Постановление Президиума Верховного суда РФ от 11.10.2006 № 429-По6 // СПС «КонсультантПлюс».

долгое время именно из-за того, что определение преступных деяний дано некорректно.

Как было сказано ранее на страницах данной работы, определенные затруднения в применении ст. 244 УК РФ вызывает оценочное понятие, используемое в названии и в диспозиции данной нормы. Речь идет о надругательстве над телами умерших и местами их захоронения. Понятие «надругательство» носит весьма оценочный характер. Каждый правоприменитель понимает надругательство по-своему в зависимости от внешних и внутренних условий. К внешним относятся особенности культуры, в которой воспитан субъект, религиозных норм (если он принадлежит к определенной конфессии), обычаи народа, к которому относит себя человек, и т. д. К внутренним стоит отнести личное осознание субъектом категории «надругательство». Несмотря на великое множество внешних факторов, влияющих на сознание человека, в конечном счете он сам определяет для себя понятие того, что есть именно надругательство над телом умершего.

Зачастую не применяются статьи Уголовного кодекса, устанавливающие наказание за преступления, предметом которых являются органы и ткани человека, поскольку такие деяния можно квалифицировать по другим статьям УК РФ. Так, законодатель не разъясняет, что входит в понятие «принуждение», используемое в ст. 120 УК РФ. Принуждение психическое и психологическое может быть квалифицировано по другим статьям УК РФ, о чем и свидетельствует статистика: ст. 120 УК РФ не применяется на практике на протяжении долгого времени.

Также анализ научной литературы и практики показал, что деяния, связанные с незаконным изъятием и использованием органов и тканей человека, может выходить за рамки составов преступлений, рассмотренных на страницах данной работы. Например, Д. А. Дорогин и М. О. Ноженко относят к жестокому обращению с военнопленными или гражданским населением (ч. 1 ст. 356 УК РФ) изъятие у потерпевших органов и тканей человека¹.

¹ См.: Дорогин Д. А., Ноженко М. О. Изъятие органов или тканей у лиц, лишенных свободы в условиях вооруженного конфликта, как вид жестокого обращения с военнопленными (статья 356 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Право в Вооруженных Силах. 2017. № 10. С. 82–87.

Решением Международного трибунала по бывшей Югославии посмертное изъятие органов и тканей человека у жертв военных действий на территории бывшей Югославии является нарушением международного гуманитарного права и априори считается аффилированным с убийством военнопленных¹.

В 2005 году многократный забор крови у В. И. Баталина медицинским персоналом психиатрической клиники был расценен следствием как незаконное удержание потерпевшего в больнице, а также его избиение сотрудниками клиники². Дело дошло до Европейского суда по правам человека, который постановил, что Российская Федерация должна выплатить потерпевшему 26 000 (двадцать шесть тысяч) евро.

Это позволяет сделать вывод о том, что к объективной стороне преступлений, предметом которых являются органы и ткани человека, относятся деяния, совершаемые с незаконным изъятием и/или использованием органов и тканей.

Субъектом, как правило, выступает физическое лицо, не лишенное судом дееспособности и достигшее возраста уголовной ответственности.

Необходимо остановиться на вопросе вменяемости субъектов данных преступлений. Зачастую лица, совершающие преступления ради использования органов и тканей человека (особенно в целях, отличных от медицинских, таких как каннибализм, ритуалы, и т. д.), обладают некими девиациями и особенностями нарушения психики. Так, Э. В. Селезнев, осужденный 16 марта 2020 года по п. «м» ч. 2 ст. 105 за убийство с целью употребления в пищу мягких тканей организма потерпевшего, обладает диагнозом дебилность, на чем, собственно, и была построена основная линия защиты: адвокат настаивал на отсутствии критерия вменяемости как обязательного элемента субъекта преступления. Однако суд назначил Э. В. Селезневу наказание в виде пожизненного лишения свободы (осужден он за убийство не в первый раз), аргументируя свое решение тем, что Э. В. Селезнев не лишен дееспособности в судебном порядке, несмотря на диагностированную

¹ Решение МТБЮ от 27.09.2007 по делу «Прокурор против М. Мршкича, М. Радича и В. Шливанчанина» (Prosecutor v. Mile Mrksic, Miroslav Radic and Veselin Sljivancanin) (дело № IT-95-13/1T) // International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia.

² Постановление ЕСПЧ от 23.07.2015 «Дело „Баталины (Bataliny) против Российской Федерации“ (жалоба № 10060/07)» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2016. № 1.

у него дебилность. Пересмотр дела в кассации в 2021 году оставил приговор без изменения¹.

Подобная история была и с самым известным серийным убийцей Советского Союза Андреем Чикатило (который убивал своих жертв в том числе и для использования их органов и тканей в целях каннибализма): сознание маньяка было деформировано, по версии суда и следствия, но такие деформации не выходили за рамки вменяемости².

Критерий вменяемости (как и критерий возраста) субъекта играет важную роль в квалификации таких преступлений.

Что касается квалифицирующих признаков субъектов анализируемых преступлений, то они отсутствуют. Однако анализ практики показал, что субъектами таких преступлений зачастую являются лица, обладающие медицинским образованием: для изъятия органов и тканей потерпевшего необходима определенная профессиональная квалификация, которой обладают те, кто имеет профессиональные познания в медицинской сфере. Так, в 2003 году группа сотрудников городской клинической больницы обвинялась в убийстве пациента для изъятия у него органов и тканей человека в целях трансплантологии³. Однако в уголовном законе наличие у субъекта медицинского образования не является обязательным или квалифицирующим признаком. Принимая во внимание, что человек, имеющий медицинское образование, проведет изъятие органов и тканей человека (пускай и незаконное) с наименьшими потерями для здоровья потерпевшего, на страницах данной работы предлагается принять поправки в законодательство, регламентирующие, что если преступления против здоровья, предметом которых являются органы и ткани человека, были совершены лицами, обладающими медицинским законодательством, то такие преступления можно считать привилегированными.

Особую роль для квалификации таких преступлений играет субъективная сторона. Чаще всего преступления, предметом которых

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации от 09.02.2021 по делу № 1-УД21-2СП-А2 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Бойков А. Преступность как форма социального протеста // Мировой судья. 2007. № 5. С. 16–18.

³ Кассационное определение Верховного суда РФ от 19.04.2005 № 5-О05-48 // СПС «КонсультантПлюс».

выступают органы и ткани потерпевшего, совершаются с прямым умыслом. Субъект знает и хочет наступления преступных последствий, в результате которых органы и ткани потерпевшего будут отделены от его тела.

Квалифицирующим признаком субъективной стороны таких преступлений является цель. В абсолютном большинстве случаев цель прописана в диспозиции уголовной нормы: убийство *с целью* использования органов и тканей человека, причинение тяжкого вреда здоровью *с целью* использования органов и тканей принуждения, принуждение к изъятию органов и тканей человека для трансплантации и т. д.

Важно отметить, что цель использовать органы и ткани потерпевшего должна сформироваться до начала преступных действий. Как говорилось ранее, в 2009 году были осуждены М. О. Главатских и Ю. П. Можнов за то, что они убили потерпевшую Б. и съели части ее тела. Суд не квалифицировал данное деяние по п. «м» ч. 2 ст. 105 (убийство, совершенное группой лиц), поскольку умысел использовать части тела умершей в качестве пищи возник у виновных уже после ее убийства¹.

Екатеринбуржец Александр Ч. в 2012 году расчленил труп, находясь под принуждением злоумышленников, угрожавших ему ножом. Летом 2012 года Федорович и Поташенков убили жителя Екатеринбурга Григория Лежнина, после чего привезли своего знакомого Александра Ч. в гараж, где находилось тело Лежнина, и, угрожая жизни Александра Ч., заставили того расчленить труп. Несмотря на наличие в действиях Александра Ч. всех элементов состава преступления, предметом которого являются органы и ткани человека, а именно надругательства над телом умершего, Александр Ч. так и не стал подсудимым, в ходе уголовного процесса ему был присвоен статус свидетеля, поскольку следствие (а позже и суд) установили, что у Александра Ч. не было цели использовать органы и ткани потерпевшего либо совершать над ними надругательство: свои действия он совершал из-за принуждения. Из-за отсутствия цели как обязательного

¹ Определение Верховного суда РФ от 15.07.2010 № 78-О10-76сп // СПС «Консультант-Плюс».

признака преступления его действия не были квалифицированы как преступные¹.

В ноябре 2020 года Подгорнов С. В. совершил убийство малолетнего с особой жестокостью. После того как Подгорнов, будучи в состоянии алкогольного и наркотического опьянения, убил ребенка путем ампутации головы, то стал наносить телу удары тем же ножом, которым он отсек голову потерпевшего от тела. Удары трупа ножом Подгорнов совершал с целью надругаться над телом потерпевшего. В связи с этим он был осужден по п. «в», «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ и приговорен к пожизненному лишению свободы; по ч. 1 ст. 244 УК РФ на 8 месяцев исправительных работ с удержанием 10 % заработка ежемесячно; в соответствии с ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений окончательно – на пожизненное лишение свободы с отбыванием в исправительной колонии особого режима. Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 19 октября 2021 года приговор Саратовского областного суда от 6 августа 2021 года в отношении Подгорнова С. В. оставлен без изменения². Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации от 29.03.2022 № 32-УД22-1-А4 также оставило приговор без изменений³.

Анализ показал, что мотивы преступлений, предметом которых являются органы и ткани человека, разнообразны. Ведущим мотивом преступлений, связанных с органами и тканями человека в сфере трансплантологии, является корысть⁴, однако люди, идущие на преступления ради использования органов и тканей человека, руководствуются различными мотивами: религиозными, хулиганскими, сексуальными и т. д. В абсолютном большинстве случаев эти мотивы девиантны и аморальны. Мотив не является квалифицирующим признаком данной категории преступлений, однако он зачастую

¹ Свидетель по делу банды Федоровича рассказал, как его пытались повязать кровью. URL: <https://www.e1.ru/text/criminal/2014/07/14/52872961>; Юрист, расчленивший труп по просьбе Федоровича, ушел от наказания. URL: <https://66.ru/news/society/159811>.

² Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 19.10.2021 № 55-782/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации от 29.03.2022 № 32-УД22-1-А4 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Кобец П. Н. Об основных причинах и условиях, способствующих незаконной трансплантации органов и тканей человека // Медицинское право. 2021. № 3. С. 9–14.

подвергается изучению и анализу с точки зрения криминологии с целью выявления детерминантов преступности, связанной с незаконным использованием органов и тканей человека для превенции таких преступлений¹.

Подводя итоги данного параграфа, можно сказать о том, что при квалификации преступлений, предметом которых являются органы и ткани человека, необходимо обратить внимание на собственно сам предмет преступления: нарушение уголовного закона совершается ради использования органов и тканей человеческого организма в противозаконных целях, которые зачастую являются аморальными для российского социума.

Квалифицирующим признаком также является цель – использование органов и тканей потерпевшего. При этом цель использовать органы и ткани должна возникнуть до начала совершения преступных деяний.

3.2. Предложения по совершенствованию уголовного законодательства в сфере защиты органов и тканей

Органы и ткани человека имеют непосредственное отношение к жизни и здоровью, которые являются наивысшей ценностью в нашем государстве и охраняются в том числе и уголовным законом. Также нарушение целостности человеческого организма ради использования органов и тканей человеческого организма нарушает право на достоинство, которое охраняется различными правовыми нормами, включая уголовные.

Нельзя не отметить, что за время существования действующего уголовного законодательства Российской Федерации произошел ряд изменений, касающихся охраны личности, в том числе жизни и здоровья, а также чести и достоинства². Однако анализ законодательства и судебной практики, проведенных на страницах данного исследо-

¹ См.: Хомякова М. А. Детерминанты надругательства над телами умерших // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 4. С. 71–77.

² Мартыненко Н. Э. Современная концепция уголовно-правовой охраны личности // Российский следователь. 2019. № 7. С. 34–37.

вания, показал, что в рамках уголовно-правовой охраны отношений, связанных с преступным использованием органов и тканей человека, в современном праве присутствует множество пробелов. Данные пробелы вызывают затруднение в использовании уголовного законодательства, что является причиной таких негативных последствий для права и социума, как:

- 1) высокая латентность преступлений, предметом которых являются органы и ткани потерпевшего;
- 2) низкий уровень уголовно-правовой охраны отношений, связанных с эксплуатацией органов и тканей человека;
- 3) множество способов избежать уголовно-правовой ответственности за нарушение законодательства в сфере охраны отношений, связанных с органами и тканями человека.

В связи с изложенным имеет смысл предположить, что современное законодательство нуждается в доработке для усиления уголовно-правовой охраны органов и тканей человека.

В частности, имеет смысл дать определение понятия «органы и ткани человека» на законодательном уровне. Для того чтобы верно квалифицировать преступления, предметом которых выступают органы и ткани, необходимо дать легальное определение данного понятия. Методологический анализ законодательства и медицинской литературы, проведенный в первой главе данного исследования, показал, что сам термин «органы и ткани», на данный момент используемый в российском уголовном законодательстве, является неверным с точки зрения медицины. Однако сегодня законодатель дал развернутое определение понятия «биологический материал человека», которое является достаточно точным и полным на сегодняшний момент, охватывающим весь спектр особенностей не только органов и тканей, но и иного биологического материала человеческого организма, который также зачастую выступает предметом преступных посягательств.

Необходимо напомнить, что данное определение представлено законодателем в п. 9 ст. 2 Федерального закона от 23.06.2016 № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах»¹. Согласно тексту данной нормы, «биологический материал – биологические жидкости, ткани,

¹ Федеральный закон от 23.06.2016 № 180-ФЗ (ред. от 08.03.2022) «О биомедицинских клеточных продуктах» // СЗ РФ. 2016. № 26 (Часть I). Ст. 3849.

клетки, секреты и продукты жизнедеятельности человека, физиологические и патологические выделения, мазки, соскобы, смывы, биопсийный материал».

Замена термина «органы и ткани человека» термином «биологический материал человека» в УК РФ актуализирует уголовно-правовые нормы в соответствии с медицинским законодательством, а также упростит их применение¹.

Нормы уголовного права, в диспозиции которых будет использоваться понятие «биологический материал человека» вместо термина «органы и ткани человека» станут бланкетными: для того чтобы правильно растолковать понятие, правоприменитель сможет обратиться к п. 9 ст. 2 Федерального закона от 23.06.2016 № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах». Также необходимо отметить, что термин «биологический материал человека» все чаще встречается в уголовных процессуальных документах².

Следующим изменением уголовного законодательства в вопросе применения статей, описывающих составы преступлений, предметом которых являются органы и ткани человека, является минимизация использования оценочных понятий. В частности, это касается термина «надругательство», используемого в диспозиции ст. 244 Уголовного кодекса Российской Федерации. С учетом того, что Российская Федерация является полинациональной и полирелигиозной страной, то, что будет являться надругательством над телом умершего (его фрагментами) в одном регионе, может оказаться культурной или религиозной особенностью обращения с телом усопшего на территории другого субъекта. Надругательство же, как было выявлено в ходе работы, несет в себе цель совершить посягательство на общественную нрав-

¹ Белая О. В. Практика Европейского суда по правам человека об использовании генетической информации и биоматериала человека // Международное право и международные организации. 2019. № 2. С. 57–70.

² См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18.08.2020 по делу № 64-УД20-7-А5 // СПС «КонсультантПлюс»; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18.01.2022 № 34-УД21-6-А2 // СПС «КонсультантПлюс»; Апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 21.08.2020 по делу № 22-5802/2020 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Президиума Новосибирского областного суда от 09.09.2019 по делу № 44у-125/2019 // СПС «КонсультантПлюс»; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18.08.2021 № 5-УД21-75-А1 // СПС «КонсультантПлюс».

ственность в сфере уважительного отношения к памяти умерших. В связи с этим имеет смысл закрепить на законодательном уровне, что является надругательством над телами умерших: умышленное причинение вреда телу человека (частям тела) с целью осквернения умершего, либо его родственников, исходя из культурных, либо религиозных, либо национальных, либо иных традиций региона, где происходит преступление.

Отсутствует дефиниция, определяющая то, что есть принуждение к изъятию органов и тканей человека. Отсутствие судебной практики по ст. 120 УК РФ, а также тот факт, что по данной статье в течение последнего десятилетия не возбуждаются уголовные дела, свидетельствуют о том, что на практике применение такой нормы невозможно: законодатель не раскрывает должным уровнем, какие именно действия являются такого рода принуждением, в связи с чем необходимо либо раскрыть, что конкретно является принуждением к изъятию органов и тканей потерпевшего в целях трансплантации, либо исключить данную норму из Уголовного кодекса Российской Федерации. Второе решение представляется более рациональным, исходя из изученных материалов практики. Принуждение (физическое, либо психологическое) охватывается другими статьями УК РФ. В частности, п. «ж». ч. 2 ст. 111 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за причинение тяжкого вреда здоровью (физического либо психологического) с целью использования органов и тканей потерпевшего. Данное предложение по изменению уголовного законодательства подтверждается судебной практикой: «Корюкиной также предъявлено обвинение в том, что после совершенного убийства Ю. в период с <...> до <...>. <...>, находясь в <адрес> <адрес> в р. <адрес> с целью надругательства над телом умершего Ю., пренебрегая обычаями, традициями и религиозными обрядами погребения, действуя с исключительным цинизмом и глумясь над его трупом, вбила молотком два шурупа в шею трупа Ю., причинив две колотые раны подбородка со сквозными повреждениями корня языка»¹.

Также необходимо привести к единообразию нормы медицинского и уголовного права. Например, согласно законодательству о транс-

¹ Приговор Курганского областного суда № 2-16/2020 от 14 июля 2020 г. по делу № 2-16/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-kurganskii-gorodskoi-sud-kurganskaia-oblast> (дата обращения: 01.03.2024).

плантации, купля-продажа органов и тканей человека уголовно наказуема, в то время как в УК РФ отсутствует норма, предусматривающая такую ответственность. Согласно судебной практике, в России закрывают сайты сети Интернет, предлагающие куплю-продажу органов и тканей человека. Суды закрывают эти сайты, мотивируя свое решение ст. 120 УК РФ: принуждением к изъятию органов и тканей человека. Но информация о купле-продаже органов и тканей не является принуждением к изъятию, а лишь предложением сделки¹.

В связи с этим необходимо либо легализовать гражданско-правовые сделки, предметом которых выступают органы и ткани человеческого организма (точнее сказать, биологический материал), но с оговоркой, что такие сделки не принесут вреда человеку, его жизни и здоровью. Из медицинского законодательства следует в таком случае убрать слова о том, что купля-продажа органов и тканей является уголовно наказуемой

Данное предложение рискованно тем, что в сознании россиян такие цивилистические изменения могут быть приняты негативно с точки зрения морали и нравственности, о чем свидетельствует нынешнее негативное отношение к презумпции на изъятие органов и тканей человека в донорских целях.

Также существует второй вариант: установить уголовное наказание за куплю-продажу органов и тканей человека в Российской Федерации. В таком случае предлагаемая новелла имеет все шансы найти положительные отзывы среди населения, которое в большинстве своем негативно относится к посмертному обращению с телом человека.

Исторически сложилось, что наиболее близкими к российской правовой системе являются нормы, содержащиеся в законодательстве бывших советских стран. Это обусловлено схожестью менталитетов, общим историческим прошлым и близкими международными отношениями в настоящем. Не последнюю роль в компаративистском анализе законодательства сыграл тот факт, что в некоторых бывших странах СССР по сей день русский язык является одним из официальных языков, поэтому законодательство (в том числе и уголовное)

¹ Решение Сургутского городского суда № 2А-6426/2020 2А-6426/2020-М-5402/2020 А-6426/2020М-5402/2020 от 6 июля 2020 г. по делу № 2А-6426/2020. URL: <https://sudact.ru/practice/prestuplenie-protiv-svobody-lichnosti-nezakonnoe-1/?page=11> (дата обращения: 01.03.2024).

написано в оригинале на русском языке. Соответственно, при научном анализе таких норм не требуется перевод, не искажается смысл сказанного иностранным законодателем. В ходе данной работы были проанализированы УК РК и УК РБ. Оба этих нормативных акта содержат нормы, предусматривающие ответственность за незаконное использование органов и тканей человека, аналогичные предлагается принять в уголовном законодательстве Российской Федерации.

Учитывая структуру действующего УК РФ, представляется возможным разместить предлагаемую статью сразу после ст. 244 (надругательство над телами умерших и местами их захоронения), тогда основным объектом будут являться общественная безопасность и общественная нравственность.

Подобным образом строится УК РК. Научный интерес представляет ст. 315 УК РК «Незаконное изъятие органов и тканей трупа человека». Эта норма находится в главе 11 УК РК «Уголовные правонарушения против здоровья населения и нравственности», следуя за ст. 314 «Надругательство над телами умерших и местами их захоронения». Объект совпадает с тем, который описан выше: общественная безопасность и общественная нравственность.

Следует отметить, что в диспозиции ст. 315 УК РК прямо сказано, что уголовно наказуемым является незаконное изъятие органов или тканей трупа человека для трансплантации или иного использования, а равно совершение сделок в отношении органов или тканей трупа человека. То есть, исходя из правил формальной логики, если живой человек захочет продать, подарить или иным способом передать часть своего организма, не нанеся себе при этом вреда и действуя добровольно, данная сделка не будет уголовно наказуемой. Сделки же с органами и тканями трупа в Республике Казахстан прямо запрещены уголовным законом и влекут за собой наказание в виде лишения свободы до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет либо без такового (в случае если состав обычный, т. е. предусмотрен ч. 1 ст. 315 УК РК), либо наказывается лишением свободы сроком от трех до шести лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет либо без такового (в случае если состав квалифицированный, т. е. предусмотрен ч. 2 ст. 315 УК РК).

В УК РБ также можно увидеть подобную норму: ст. 348 «Незаконное изъятие органов или тканей у умершего донора». Как и в УК РК, данная норма идет следом за статьей, предусматривающей уголовное наказание за надругательство над трупом или могилой (ст. 347 УК РБ). В отличие от диспозиции ст. 315 УК РК в аналогичной части ст. 348 УК РБ уголовное наказание предусмотрено за незаконное изъятие органов или тканей у умершего донора, то есть при толковании данной нормы правоприменитель может прийти к выводу о том, что речь идет о наказании лишь за незаконную трансплантологию, поскольку использован термин «донор». В случае расширенного толкования, подразумевая, что донорство может быть не только в трансплантологии, следует отметить, что данную норму можно применить и в случае изъятия органов и тканей у умершего для целей, отличных от трансплантологии. Однако подобное толкование является спорным, поскольку оно может нарушить один из принципов уголовного процесса – ненаказание невиновного. Квалифицированный состав в данном случае (ч. 2 ст. 348 УК РБ) говорит о незаконном изъятии органов или тканей умершего в корыстных целях.

Представляется, что статья 315 УК РК является более совершенной, чем ст. 348 УК РБ, поскольку содержит менее спорные с точки зрения юридической техники определения уголовно-наказуемого деяния, поэтому в УК РФ предлагается принять норму, аналогичную той, что содержится в ст. 315 УК РК.

Исторический анализ советского уголовного права, а также изучение норм современных стран выявили еще один нюанс современного российского уголовного права, который можно считать недостатком. Это касается субъекта ст. 123 УК РФ. На данный момент субъектом такого преступления может быть только лицо, не обладающее медицинским образованием в сфере акушерства и гинекологии. Однако незаконно прервать беременность может в теории любой человек, в том числе врач, в том числе и гинеколог. Если сегодня врач прервет пациентке беременность незаконным образом, то его действия будут квалифицироваться как тяжкий вред здоровью в соответствии с ч. 1 ст. 111 УК РФ, санкции которой гораздо тяжелее, чем наказание, предусмотренное ст. 123 УК РФ.

Исходя из того, что человек, имеющий медицинское образование (тем более профиля по акушерству и гинекологии), скорее всего,

причинит меньший вред здоровью пациентки во время прерывания беременности, предлагается ч. 1 ст. 123 УК РФ предлагается принять в следующей редакции:

Незаконное прерывание беременности:

а) Проведенное лицом, имеющим медицинское образование по профилю «Акушерство и гинекология»;

б) Проведенное лицом, имеющим медицинское образование по профилю, отличному от профиля «Акушерство и гинекология»;

в) Проведенное лицом, не имеющим медицинского образования.

В рамках совершенствования законодательства предлагается раскрыть, что есть цель использования органов и тканей человека. Данное предложение касается Верховного суда Российской Федерации. В частности, в Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»¹ раскрыты особенности квалификации многих убийств, кроме того, что предусмотрено п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Раскрытие в данном судебном акте того, какие цели являются целью использовать органы и ткани потерпевшего, возможно будет применять и при квалификации по иным составам, предметом которых являются органы и ткани человека (например, п. «ж» ч. 2 ст. 111 УК РФ).

На сегодняшний день правоприменитель в ряде случаев затрудняется квалифицировать преступления, предметом которых выступают органы и ткани, поскольку на законодательном уровне нет однозначного ответа, какие именно цели являются целями использовать органы и ткани потерпевшего.

Анализ уголовного закона и связанных с ним нормативных актов в вопросе криминального использования органов и тканей человека, а также отсутствие единообразия в достаточно обширной судебной практике уголовных дел показывают, что современное российское уголовное законодательство требует ряда изменений и разъяснений, чтобы квалификация противоправных деяний, направленных на незаконное использование органов и тканей человека, стала более однозначной.

¹ Постановление Пленума Верховного суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Российская газета. 1999. № 24. 9 февр.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе подготовки настоящего исследования получены сведения, расширяющие научные представления о роли органов и тканей человека как предмета преступления. Изучены исторические аспекты и предпосылки становления уголовной ответственности за противоправные деяния, предметом которых являются органы и ткани человека. Проведен компаративистский анализ норм национального, международного права, а также нормативных правовых актов зарубежных стран, устанавливающих уголовную ответственность за преступные покушения на органы и ткани человеческого организма. Проведен методологический анализ понятийного аппарата, используемого при квалификации преступлений, предметом которых являются органы и ткани потерпевшего. Проанализированы отдельные составы преступлений, предметом которых выступают органы и ткани человека. Выявлены законодательные пробелы в нормах, регламентирующих уголовную ответственность за противоправное использование органов и тканей человека. Вынесены предложения о совершенствовании действующего законодательства в рамках уголовной ответственности за криминальное использование органов и тканей потерпевшего.

1. Выводы исследования, касающиеся генезиса уголовной ответственности за незаконное использование органов и тканей человека:
 - 1.1. Анализ понятия «органы и ткани человека», используемого в действующем уголовном законодательстве, позволил говорить о следующем:
 - в системе российского права отсутствует легальное определение понятия «органы и ткани человека», что затрудняет квалификацию преступлений, предметом которых являются органы и ткани человеческого организма;
 - понятие «органы и ткани человека» является семантически неверным с точки зрения медицины, поскольку органы являются разновидностью тканей человеческого организма, логически

неверно использовать понятие, которое фактически выглядит как «часть тканей и ткани человеческого организма»;

- в современном российском законодательстве содержится определение понятия «биологический материал человека», которое является более актуальным и точным с точки зрения медицины и права, чем используемое в действующей уголовно-правовой парадигме понятие «органы и ткани человека»;
- анализ судебной практики (более сотни дел) показал, что предмет преступления скорее можно назвать биологический материал человека, а не органы и ткани. Современная практика показывает, что суды в уголовном судопроизводстве стали использовать термин «биологический материал человека», нежели «органы и ткани человека»;
- предлагается актуализировать уголовное законодательство Российской Федерации, заменив понятие «органы и ткани человека» понятием «биологический материал человека»;
- анализ научной литературы, судебной практики и норм права показал, что органы и ткани человека (биологический материал человека) могут являться предметом преступления.

1.2. Исторический анализ законодательства позволил сделать следующие выводы:

- на протяжении всей отечественной истории совершались противоправные деяния, предметом которых являлись органы и ткани человека. Такие деяния зачастую носили культовый либо религиозный характер, однако не выделялись в отдельную категорию дел;
- выделение (как научное, так и практическое) преступлений, предметом которых являются органы и ткани, как особого вида преступлений началось в начале XX века. Во многом это было связано с передовыми разработками советских ученых в области трансплантологии. Осознание того, что органы и ткани человека играют важную общественно полезную роль и после смерти человека, привело к развитию правовых норм об охране такой ценности, в том числе в уголовно-правовой сфере;
- Начиная с советских времен отечественное уголовное законодательство охраняет отношения, предметом которых выступают органы и ткани человека. Наследие этих уголовно-правовых

норм можно увидеть в УК стран постсоветского пространства. Обширная судебная практика современных российских судов говорит об актуальности таких норм. Однако некоторые из них требуют своего совершенствования. Можно сделать вывод о том, что современное уголовное право находится на стадии становления в области охраны отношений, предметом которых являются органы и ткани человека.

- 1.3. Анализ норм международного права в области уголовно-правовой охраны отношений, предметом которых являются органы и ткани человека, показал следующее:
 - отношения, связанные с органами и тканями человеческого организма, охраняются на международном уровне, о чем свидетельствуют нормативные акты Всемирной организации здравоохранения, ООН, СНГ и т. д. (многие акты ратифицированы Россией);
 - уголовно-правовая охрана органов и тканей человека осуществляется в абсолютном большинстве государств;
 - меры уголовно-правовой защиты отношений, связанных с органами и тканями человека, не всегда находят положительный отклик среди населения иностранных государств и нуждаются в реформации. Например, уголовный запрет на прерывание беременности на любом сроке в ряде европейских стран противоречит праву женщины на распоряжение собственным организмом; в то же время презумпция согласия на посмертное изъятие органов человека в донорских целях зачастую возмущает родственников погибшего и становится поводом подачи заявления для возбуждения уголовного дела о надругательстве над телом умершего;
 - компаративистский анализ норм зарубежного и российского права в сфере уголовно-правовой охраны органов и тканей человека, сравнение позитивного и негативного результатов такой охраны позволяет внести предложения по совершенствованию норм российского уголовного права, охраняющих отношения, предметом которых выступают органы и ткани человека, опираясь на опыт зарубежных стран.
2. Изучение отдельных видов преступлений, предметом которых являются органы и ткани человека, в современном уголовном законодательстве России показал:

- 2.1. Анализ норм уголовного права, устанавливающих ответственность за каннибализм, а также практики по случаям каннибализма позволил сделать следующие выводы:
- в настоящее время на территории Российской Федерации, а также за ее пределами неоднократно происходят случаи каннибализма, то есть поедания человеком себе подобных;
 - в Российской Федерации не предусмотрено наказание за каннибализм как за отдельный вид преступления;
 - уголовное наказание за каннибализм возможно либо в том случае, если был причинен вред жизни или здоровью потерпевшего (п. «м» ч. 2 ст. 105, либо п. «ж» ч. 2 ст. 111 УК РФ соответственно), либо если суд посчитает каннибализм надругательством над телом умершего (ст. 244 УК РФ);
 - ввиду сложности квалификации таких деяний случаи каннибализма не идентифицируются как преступные, и акты поедания человеком человека носят в ряде случаев латентный характер, что затрудняет оценку статистики таких преступлений в целом;
 - отсутствует единообразие в судебной практике в случаях квалификации преступлений, связанных с убийством человека и поеданием его плоти. Иногда такие деяния квалифицируются в соответствии с п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство с целью использования органов и тканей человека), иногда по совокупности ч. 1 ст. 105 УК РФ (убийство) и ст. 244 УК РФ (надругательство над телами умерших);
 - принимая во внимание, что в России достаточно обширная судебная практика по случаям криминального каннибализма (учитывая латентность таких преступлений, описанную выше, случаев поедания человеком себе подобных встречается достаточно много на территории нашей страны), предлагается установить на законодательном уровне, что убийство с целью каннибализма является убийством с целью использования органов и тканей человека. Данное правило может быть прописано либо непосредственно в ст. 105 (причинение тяжкого вреда здоровью с целью каннибализма должно быть раскрыто соответственно в ст. 111 УК РФ), либо в Постановлении Пленума Верховного суда;
 - учитывая, что каннибализм в нашем обществе не принят и считается аморальным, предлагается любой каннибализм

считать надругательством над телом человека, поскольку в случае поедания человеком себе подобного страдают общественная мораль и общественная нравственность, которые как раз и являются объектом состава, описанного в ст. 244 (в случае если каннибализм связан с другим преступлением, например с убийством, предлагается квалифицировать данное деяние по совокупности статей).

2.2. Анализ норм права, устанавливающих уголовную ответственность за незаконную трансплантацию органов и тканей человека, показал следующее:

- несоответствие между нормами медицинского и уголовного законодательства в вопросах ответственности купли-продажи органов и тканей человека. Трансплантологическое законодательство говорит об уголовной ответственности за куплю-продажу органов и тканей человека, в УК РФ такая норма отсутствует;
- существующая презумпция согласия на посмертное изъятие органов и тканей человека в донорских целях вкупе с правовым нигилизмом значительной части населения России породили обширную судебную практику: изъятие органов и тканей у трупа воспринимается зачастую близкими и родственниками умершего как надругательство над телом; позиция медицинского законодательства и Конституционного Суда такова, что данное изъятие надругательством не является, родственникам умершего отказывают в возбуждении уголовного дела по статье 244 УК РФ, что вызывает некоторую степень недовольства среди населения;
- анализ законодательства зарубежных стран позволил внести предложение по аналогии с французским правом: правовое просвещение населения и наличие национальной базы, фиксирующей несогласие человека стать донором после смерти, упрощают процесс квалификации изъятия органов и тканей у трупа как надругательство или не надругательство над его телом. При жизни человек вносит в базу свое согласие либо несогласие на использование его биологического материала в качестве донорского после смерти. Если гражданин показал свое несогласие, но его органы и ткани были изъяты, это яв-

ляется неуважением воли усопшего и надругательством над телом. Если человек при жизни изъявил согласие стать донором, изъятие у него биологического материала после смерти надругательством не будет. Предлагается ввести аналогичную базу фиксации согласия (несогласия) на использование органов и тканей в донорских целях в России;

- анализ уголовного законодательства зарубежных стран показал, что в некоторых государствах есть уголовная ответственность за куплю-продажу и иное незаконное использование органов и тканей человека. Наиболее близкими к российскому уголовному законодательству являются соответствующие нормы белорусского и казахстанского уголовного права, устанавливающие уголовную ответственность за указанное деяние. Сравнительный анализ этих норм позволил сделать вывод, что наиболее раскрытой и проработанной с точки зрения юридической техники является норма УК РК. Предлагается принять аналогичную в УК РФ и разместить ее в главе 25 УК РФ, поскольку от купли-продажи органов и тканей человека страдают в первую очередь общественная мораль и общественная нравственность;
- анализ статистики преступности показал, что статья 120 УК РФ фактически не применяется ввиду ее юридико-технического несовершенства. Законом не установлено, что такое принуждение к изъятию органов и тканей человека осуществляется в целях трансплантации. Однако судебная практика показывает, что представители органов власти справедливо считают целесообразным квалифицировать такое принуждение (физическое либо психологическое) по п. «ж» ч. 2 ст. 111 УК РФ (данная норма в отличие от ст. 120 УК РФ работает), в связи с чем предлагается исключить ст. 120 УК РФ из УК РФ.

2.3. Анализ уголовной ответственности за незаконное прерывание беременности дал следующие результаты:

- эмбрион в соответствии с медицинским законодательством приравнивается к органам человека, поэтому незаконное прерывание беременности относится к преступлениям, предметом которых являются органы и ткани;
- уголовным законодательством России предусмотрено, что субъектом незаконного прерывания беременности может

- быть только лицо, не обладающее медицинским образованием по специальности «Акушерство и гинекология»;
- изучение практики показало, что произвести незаконную операцию по изъятию плода из организма беременной им женщины может в том числе и врач – акушер-гинеколог, который сегодня субъектом по ст. 123 не является;
 - ретроспективный анализ отечественного законодательства показал, что в советское время врачи – акушеры-гинекологи являлись субъектами данного преступления, но состав в данном случае становился привилегированным, поскольку акушер-гинеколог, даже проводя незаконный аборт, наносит меньший вред здоровью пациентки, чем человек, не обладающий специальными знаниями;
 - предлагается внести изменения в ч. 1 ст. 123 УК РФ и разграничить незаконное прерывание беременности субъектно, установив для акушеров-гинекологов ответственность меньше, чем для лиц, не обладающих специальными знаниями в данной сфере.
- 2.4. Анализ преступности в сфере торговли людьми с целью использования органов и тканей человека показал:
- предлагается дать конкретные практические рекомендации и разъяснения судами высшей юрисдикции, как определить и доказать цель купли-продажи (иных сделок) человека в виде дальнейшего изъятия у него органов и тканей;
 - предлагается применять данную норму только к той стороне (сторонам) сделки, которая на самом деле планировала осуществить куплю-продажу человека с дальнейшим изъятием у него органов и тканей человека. Если вторая сторона не знала о такой цели, то деяния такого субъекта следует квалифицировать по ч. 1 ст. 127.1
- 2.5. Анализ преступлений в сфере надругательства над телами умерших позволил сделать следующие выводы:
- использование оценочного понятия «надругательство» затрудняет применение ст. 244 УК РФ, поскольку каждый вкладывает свое определение в данное понятие;
 - судебная практика по данной статье тем не менее достаточно обширна, что является показателем того, что деяния, которые могут быть расценены как надругательство над телом умершего в общепринятом смысле, соответственно квалифицируются;

- квалифицирующим элементом является цель: квалификация преступления затрудняется, если субъект уверяет, что цели надругаться над телом умершего у него не было;
 - предлагается внесение правок в уголовное законодательство (принятие примечания к ст. 244 УК РФ), где бы разъяснялось, что под надругательством подразумевается неуважительное отношение к телу умершего, унижающее память об усопшем с учетом религиозных, национальных, культурных и иных традиций.
3. Общий разбор составов преступлений, предметом которых являются органы и ткани человека, а также предложения по совершенствованию уголовного законодательства в данной части позволили сделать следующие выводы:
- преступления, предмет которых – органы и ткани человека, всегда являются преступлениями против общественной нравственности и требуют квалификации по соответствующей статье главы 25 УК РФ (исключение – незаконное прерывание беременности);
 - зачастую деяния, направленные на незаконное использование органов и тканей человека, связаны с угрозой жизни или здоровью потерпевшего, в таком случае они являются полиобъектными и нуждаются в квалификации по совокупности статей;
 - квалифицирующими признаками таких преступлений являются предмет (собственно органы и ткани потерпевшего) и цель – незаконное использование органов и тканей потерпевшего (незаконное обращение с ними);
 - необходимо усовершенствовать законодательство в сфере уголовно-правовой охраны указанного предмета, исходя в первую очередь из квалифицирующих признаков, а именно усовершенствовать уголовное законодательство в понятийном плане, исключив термин «органы и ткани человека» и заменить его на более актуальным «биологический материал человека»; законодательно закрепить, какие деяния можно расценивать как совершенные с целью использования органов и тканей (иного биологического материала) человека: ритуальные цели, каннибализм, незаконная трансплантация и т. д.

БИБЛИОГРАФИЯ

Нормативные акты

Российская Федерация. Законы. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2024). – Текст: электронный.

Российская Федерация. Законы. Закон РФ от 22.12.1992 № 4180-1 (ред. от 23.05.2016) «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2024). – Текст: электронный.

Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2024). – Текст: электронный.

Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // СЗ РФ. – 03.12.2001. – № 49. – Ст. 4552. – Текст: непосредственный.

Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2024). – Текст: электронный.

Российская Федерация. Законы. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. – 07.01.2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1. – Текст: непосредственный.

Российская Федерация. Законы. Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ (ред. от 07.12.2011) «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. – 15.12.2003. – № 50. – Ст. 4848. – Текст: непосредственный.

Российская Федерация. Законы. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 19.07.2018) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2024). – Текст: электронный.

Российская Федерация. Законы. Федеральный закон от 20.07.2012 № 125-ФЗ (ред. от 07.03.2018) «О донорстве крови и ее компонентов» //

СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2024). – Текст: электронный.

Российская Федерация. Законы. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 29.05.2019) // СЗ РФ. – 01.01.1996. – № 1. – Ст. 16. – Текст: непосредственный.

Российская Федерация. Законы. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах» (ред. от 03.08.2018) // СЗ РФ. – 27.06.2016. – № 26 (часть I). – Ст. 3849. – Текст: непосредственный.

Российская Федерация. Законы. Постановление ЦИК СССР № 65, СНК СССР № 1134 от 27.06.1936 «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» (утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2024). – Текст: электронный.

Российская Федерация. Законы. Постановление СНК СССР от 15.09.1937 № 1607 «О порядке проведения медицинских операций» (утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2024). – Текст: электронный.

Российская Федерация. Законы. Указ Президиума ВС СССР от 21.11.1941 (ред. от 25.12.1972) «О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2024). – Текст: электронный.

Российская Федерация. Законы. Указ Президиума ВС СССР от 23.11.1955 (ред. от 13.04.1959) «Об отмене запрещения абортов» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2024). – Текст: электронный.

Российская Федерация. Законы. Постановление ВС РСФСР от 07.12.1991 № 1999-1 «О порядке введения в действие Закона РСФСР „О подоходном налоге с физических лиц“» // Российская газета. – № 59. – 13.03.1992. – Текст: непосредственный.

Российская Федерация. Законы. Постановление Правительства РФ от 17.08.2007 № 522 (ред. от 17.11.2011) «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // СЗ РФ. – 27.08.2007. – № 35. – Ст. 4308. – Текст: непосредственный.

Российская Федерация. Законы. Приказ Минздрава России от 01.11.2012 № 572н (ред. от 12.01.2016) «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю «акушерство и гинекология (за исключением использования вспомогательных репродуктивных технологий)»» (Зарегистрировано в Минюсте России 02.04.2013 № 27960) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2024). – Текст: электронный.

Российская Федерация. Законы. Постановление Правительства РФ от 06.02.2012 № 98 «О социальном показании для искусственного прерывания беременности» // СЗ РФ. – 13.02.2012. – № 7. – Ст. 878. – Текст: непосредственный.

Российская Федерация. Законы. Приказ Минздрава России № 306н, РАН № 3 от 04.06.2015 (ред. от 01.10.2018) «Об утверждении перечня объектов трансплантации» (Зарегистрировано в Минюсте России 18.06.2015 № 37704) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2024). – Текст: электронный.

Международные и зарубежные нормативные акты

Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) (Принят в г. Нью-Йорке 22.07.1946) (с изм. от 24.05.1973) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2024). – Текст: электронный.

Хельсинкская декларация Всемирной медицинской ассоциации. Этические принципы проведения медицинских исследований с участием человека в качестве субъекта (Принята в г. Хельсинки в июне 1964 года на 18-й Генеральной Ассамблее ВМА) (с изм. и доп. от октября 2013 года). – URL: <http://acto-russia.org> (дата обращения: 20.02.2020). – Текст: электронный.

Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. – № 67. – 05.04.1995. – Текст: непосредственный.

Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине (ETS № 164) (Заключена в г. Овьедо 04.04.1997) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2024). – Текст: электронный.

Дополнительный протокол к Конвенции по правам человека и биомедицине относительно трансплантации органов и тканей человеческого происхождения» (ETS № 186) (Подписан в г. Страсбурге 24.01.2002) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2024). – Текст: электронный.

World Health Assembly. Resolution on Human organ and tissue transplantation WHA57.18. Fifty Seventh World Health Assembly. 22 May 2004 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2024). – Текст: электронный.

World Medical Association Statement on Human Organ Donation and Transplantation // Adopted by the 52nd WMA General Assembly in Edinburgh, Scotland during October 2000 and Revised by the WMA General Assembly Pilanesberg. – South Africa. – October 2006. – Текст: непосредственный.

Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с торговлей людьми, органами и тканями человека (Заключено в г. Москве 25.11.2005) // Бюллетень международных договоров. 2007. – № 6. – С. 5–11. – Текст: непосредственный.

Хартия Европейского Союза об основных правах (2007/С 303/01) [рус., англ.] (Вместе с Разъяснениями... (2007/С 303/02)) (Принята в г. Страсбурге 12.12.2007) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2024). – Текст: электронный.

Руководящие принципы ВОЗ по трансплантации человеческих клеток, тканей и органов 2010 года // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2024). – Текст: электронный.

Стамбульская декларация о торговле органами и трансплантационном туризме. – URL: <http://www.declarationofistanbul.org> (дата обращения: 04.10.2019). – Текст: электронный.

Соглашение о сотрудничестве в борьбе с торговлей людьми, органами и тканями человека от 25.11.2005. – URL: <http://www.cis.minsk.by/page> (дата обращения: 04.10.2019). – Текст: электронный.

Программа сотрудничества государств – участников СНГ в борьбе с торговлей людьми 2014–2018 гг. – URL: <http://www.cis.minsk.by/page> (дата обращения: 04.10.2019). – Текст: электронный.

Проекты законов

Проект Федерального закона № 681134-6 «О внесении изменения в статью 35 Федерального закона „Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации“ (об ограничении финансирования производства абортов)» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 18.12.2014). – URL: <http://asozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 20.03.2020). – Текст: электронный.

Проект Федерального закона № 983271-6 «О внесении изменений в статьи 53 и 55 Федерального закона „Об обращении лекарственных средств“» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 26.01.2016). – URL: <http://asozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 20.03.2020). – Текст: электронный.

Судебная практика

Окончательное решение ЕСПЧ от 18.04.2002 «По вопросу приемлемости жалобы № 69580/01 „Лариса Константиновна Литовченко (Larissa Konstantinovna Litovchenko) против Российской Федерации“ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2024). – Текст: электронный.

Решение МТБЮ от 27.09.2007 по делу «Прокурор против М. Мршкича, М. Радича и В. Шливанчанина» (Prosecutor v. Mile Mrki, Miroslav Radić and Veselin Ljivannanin) (дело № IT-95-13/1T) // International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia. – Текст: непосредственный.

Постановление ЕСПЧ от 10.06.2010 «Дело „Свидетели Иеговы“ в Москве и другие (Jehovah's Witnesses of Moscow and others) против Российской Федерации» (жалоба № 302/02) // Российская хроника Европейского Суда. – 2011. – № 2. – Текст: непосредственный.

Постановление ЕСПЧ от 16.12.2010 «Дело „А, В и С (A, B and C) против Ирландии“ (жалоба № 25579/05)» // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. – 2020. – № 8. – Текст: непосредственный.

Постановление ЕСПЧ от 03.11.2011 «Дело „S. Н. и другие (S. H. and Others) против Австрии“» (жалоба № 57813/00) // Прецеденты Евро-

пейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. – 2020. – № 10. – Текст: непосредственный.

Постановление ЕСПЧ от 02.10.2012 Кнехт (Knecht) против Румынии (жалоба № 10048/10) // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. – 2016. – № 9 (33). – Текст: непосредственный.

Постановление ЕСПЧ от 06.06.2013 «Дело „Сабанчиева и другие (Sabanchiyeva and Others) против Российской Федерации“» (жалоба № 38450/05) [рус., англ.] (Вместе со «Списком заявителей и их погибших родственников») // Российская хроника Европейского суда. Приложение к «Бюллетеню Европейского Суда по правам человека». Специальный выпуск. – 2014. – № 1. – С. 51–81. – Текст: непосредственный.

Постановление ЕСПЧ от 13.01.2015 «Дело „Элберте (Elberte) против Латвийской Республики“» (жалоба № 61243/08) // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. – 2015. – № 3(15). – Текст: непосредственный.

Постановление ЕСПЧ от 23.07.2015 «Дело „Баталины (Bataliny) против Российской Федерации“ (жалоба № 10060/07)» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2016. – № 1. – Текст: непосредственный.

Постановление ЕСПЧ от 09.01.2018 «Дело „Ревтюк (Revtyuk) против Российской Федерации“» (жалоба № 31796/10) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – Российское издание. – 2018. – № 7. – Текст: непосредственный.

Определение Верховного Суда РФ от 22.06.1995 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1996. – № 1. – Текст: непосредственный.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Российская газета. – № 24. – 09.02.1999. – Текст: непосредственный.

Кассационное определение Верховного Суда РФ от 19.04.2005 № 5-О05-48 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2024). – Текст: электронный.

Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 11.10.2006 № 429-По6 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2024). – Текст: электронный.

Определение Верховного Суда РФ от 21.12.2006 по делу № 5-006-179 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2024). – Текст: электронный.

Постановление Конституционного Суда РФ от 28.06.2007 № 8-П «По делу о проверке конституционности статьи 14.1 Федерального закона „О погребении и похоронном деле“ и Положения о погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта, в связи с жалобой граждан К. И. Гузиева и Е. Х. Кармовой» // СЗ РФ. – 02.07.2007. – № 27. – Ст. 3346. – Текст: непосредственный.

Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 11.11.2009 № 132-По9 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2024). – Текст: электронный.

Определение Верховного Суда РФ от 15.07.2010 № 78-О10-76сп // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2024). – Текст: электронный.

Постановление Пленума Верховного суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Бюллетень Верховного суда РФ. – 2011. – № 8. – URL: <https://vsrf.ru/documents/newsletters/1810> (дата обращения: 01.03.2024). – Текст: электронный.

Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 мая 2012 г. № 880-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч. П. и Ч. Ю. на нарушение их конституционных прав положениями пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2024). – Текст: электронный.

Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2016 г. № 120-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Королева Николая Валентиновича и Королевой Вероники Вадимовны на нарушение их конституционных прав пунктом «б» части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2024). – Текст: электронный.

Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22.09.2016 № 37-АПУ16-6 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2024). – Текст: электронный.

Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 марта 2017 г. № 494-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Парапана Евгения Ивановича на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 12.8 и примечанием к данной статье Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2024). – Текст: электронный.

Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14.02.2019 № 84-АПУ19-2 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2024). – Текст: электронный.

Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 20.06.2019 № 81-АПУ19-9 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2024). – Текст: электронный.

Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 30.10.2019 № 74-АПУ19-6сп // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2024). – Текст: электронный.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2020. – № 3, март. – С. 17–20. – Текст: непосредственный.

Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 13.04.2020 № 34-КГ20-2 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2024). – Текст: электронный.

Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18.08.2020 по делу № 64-УД20-7-А5 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2024). – Текст: электронный.

Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2021 по делу № 1-УД21-2СП-А2 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2024). – Текст: электронный.

Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18.08.2021 № 5-УД21-

75-А1 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2024). – Текст: электронный.

Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18.01.2022 № 34-УД21-6-А2 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2024). – Текст: электронный.

Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29.03.2022 № 32-УД22-1-А4 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2024). – Текст: электронный.

Приговор Санкт-Петербургского городского суда от 05.05.2010 по делу № 2-30/2010 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2024). – Текст: электронный.

Определение Московского городского суда от 30.03.2011 по делу № 33-9107 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2024). – Текст: электронный.

Приговор Верховного Суда Республики Башкортостан № 2-24/2018 от 23 октября 2018 г. по делу № 2-24/2018. – URL: <http://surl.li/ugng> (дата обращения: 26.09.2019). – Текст: электронный.

Приговор Кемеровского областного суда № 2-14/2019 2-37/2018 от 27 марта 2019 г. по делу № 2-14/2019. – URL: <http://surl.li/ugng> (дата обращения: 26.09.2019). – Текст: электронный.

Приговор Липецкого областного суда № 2-5/2019 от 18 октября 2019 г. по делу № 2-5/2019. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/JXAxflse2BV1> (дата обращения: 01.03.2024). – Текст: электронный.

Приговор Мытищинского городского суда Московской области № 1-261/2018 от 5 июня 2018 г. по делу № 1-261/2018. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/LDaK7l5ahYUu> (дата обращения: 01.03.2024). – Текст: электронный.

Приговор Октябрьского районного суда г. Омска № 1-273/2018 от 13 июня 2018 г. по делу № 1-273/2018. – URL: <http://surl.li/ugng> (дата обращения: 26.09.2019). – Текст: электронный.

Приговор Аскизского районного суда Республики Хакасия от 27 августа 2009 г. по делу № 1-184/2009 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2024). – Текст: электронный.

Приговор Аскизского районного суда Республики Хакасия № 1-221/2014 от 24 октября 2014 г. по делу № 1-221/2014. – URL:

<https://sudact.ru/regular/doc/e1fNGRrH9UHW> (дата обращения 11.10.2019). – Текст: электронный.

Постановление Тулунского городского суда (Иркутская область) № 1-185/2015 от 15 июня 2015 г. по делу № 1-185/2015. – URL: <http://surl.li/ugng> (дата обращения: 11.10.2019). – Текст: электронный.

Приговор Кочубеевского районного суда Ставропольского края № 1-183/2018 от 26 июля 2018 г. по делу № 1-183/2018. – URL: <http://surl.li/ugng> (дата обращения: 26.09.2019). – Текст: электронный.

Приговор Прикубанского районного суда г. Краснодара от 29.02.2019 по делу № 1-406/2019. – URL: https://krasnodar-prikubansky-krd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&uid=D-78FEAD3-E9E3-4132-948F-25EB88896D14&deloId=1540006&caseType=0&_new=0&srv_num=1 (дата обращения: 09.09.2019). – Текст: электронный.

Апелляционное определение Московского городского суда от 04.06.2019 по делу № 33-23636/2019 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2024). – Текст: электронный.

Постановление Президиума Новосибирского областного суда от 09.09.2019 по делу № 44у-125/2019 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2024). – Текст: электронный.

Определение Московского городского суда от 27.09.2019 № 4г-12082/2019 по делу № 2-835/19 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2024). – Текст: электронный.

Апелляционное постановление Иркутского областного суда № 22-3687/2019 от 12 декабря 2019 г. по делу № 4/1-57/2019. – URL: http://oblsud.irk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=655 (дата обращения: 01.03.2024). – Текст: электронный.

Приговор Курганского областного суда № 2-16/2020 от 14 июля 2020 г. по делу № 2-16/2020. – URL: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-kurganskii-gorodskoi-sud-kurganskaia-oblast> (дата обращения: 01.03.2024). – Текст: электронный.

Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 20.08.2020 № 88-13138/2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2024). – Текст: электронный.

Апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 21.08.2020 по делу № 22-5802/2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2024). – Текст: электронный.

Апелляционное определение Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 08.09.2020 по делу № 55-473/2020 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 04.03.2024). – Текст: электронный.

Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 01.06.2021 № 88-8625/2021 по делу № 2-62/2020 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 04.03.2024). – Текст: электронный.

Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 19.10.2021 № 55-782/2021 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 04.03.2024). – Текст: электронный.

Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25.11.2021 № 77-5165/2021 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 04.03.2024). – Текст: электронный.

Постановление Еманжелинского городского суда (Челябинская область) № 1-175/2015 от 31 августа 2015 г. по делу № 1-175/2015. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/wOON7CIn75oX> (дата обращения: 01.03.2024). – Текст: электронный.

Постановление Северного флотского военного суда (Мурманская область) № 22-9/2019 22К-9/2019 от 15 февраля 2019 г. по делу № 22-9/2019. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/irAdBW4K5QJV> (дата обращения: 01.03.2024). – Текст: электронный.

Решение Вязниковского городского суда Владимирской области № 2А-830/2020 2А-830/2020~М-578/2020М-578/2020 от 29 апреля 2020 г. по делу № 2А-830/2020. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/7Nr8qH4ciYHR> (дата обращения: 01.03.2024). – Текст: электронный.

Решение Собинского городского суда Владимирской области № 2А-1-350/2020 2А-1-350/2020~М-1-297/2020 М-1-297/2020 от 28 мая 2020 г. по делу № 2А-1-350/2020. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ZO7kdhuvNVdX> (дата обращения: 01.03.2024). – Текст: электронный.

Решение Сургутского городского суда № 2А-6426/2020 2А-6426/2020~М-5402/2020 А-6426/2020 М-5402/2020 от 6 июля 2020 г. по делу № 2А-6426/2020. – URL: <https://sudact.ru/practice/prestuplenie-protiv-svobody-lichnosti-nezakonnoe-1/?page=11> (дата обращения: 01.03.2024). – Текст: электронный.

Научная и учебная литература

Delmonico Francis, L. The Implications of Istanbul Declaration on organ trafficking and transplant tourism / L. Delmonico Francis. – Текст: непосредственный // Current Opinion in Organ Transplantation. – 2009. – № 14 (2). – Pp. 116–119.

Davis, D. H. New Religious Movements and Religious Liberty in America / D. H. Davis, B. Hankins. – Waco: Baylor University Press, 2003. – 246 p. – Текст: непосредственный.

Jackson, E. Learning from Cross-Border Reproduction / E. Jackson. – Текст: непосредственный // Medical Law Review. – Vol. 25, Iss. 1. 2017. – Pp. 23–46.

Gordon, L. The Moral Property of Women: a History of Birth Control Politics in America. 3rd ed. / L. Gordon. – Chicago: University of Illinois Press, 2002. – 464 p. – Текст: непосредственный.

Mead, S. A Novel protective prion protein variant that colocalises with kuru exposure / S. Mead, J. Whitfield, M. Poulter, P. Shah, J. Uphill, T. Cambell, H. Al-Dujaily, H. Hummerich, J. Beck, C. A. Mein, C. Verzilli, J. Whittaker, M. P. Alpers, J. Collinge. – Текст: непосредственный // The New England Journal of Medicine. – 2009. – Vol. 361. – Pp. 2056–2065. – DOI: 10.1056/NEJMoa0809716.

Millbank, J. What is the Responsibility of Australian Medical Professionals Whose Patients Travel Abroad for Assisted Reproduction? / J. Millbank. – Текст: непосредственный // Medical Law Review. – 2019. – Vol. 27, Iss. 3. – Pp. 365–389.

Huxtable, R. Cryonics in the Courtroom: Which Interests? Whose Interests? / R. Huxtable. – Текст: непосредственный // Medical Law Review. – 2018. – Vol. 26, Iss. 3. – Pp. 476–499.

Chadwick, R. The Emergence and Development of Bioethics in the UK / R. Chadwick, D. Wilson. – Текст: непосредственный // Medical Law Review. – 2018. – Vol. 26, Iss. 2. – Pp. 183–201.

Scott, R. Risks, Reasons and Rights: The European Convention on Human Rights and English Abortion Law / R. Scott. – Текст: непосредственный // Medical Law Review. – 2016. – Vol. 24, Iss. 1. – Pp. 1–33. – DOI: 10.1093/medlaw/fwv020.

Murphy, T. F. Adolescents and Body Modification for Gender Identity Expression / T. F. Murphy. – Текст: непосредственный // *Medical Law Review*. – 2019. – Vol. 27, Iss. 4. – Pp. 623–639.

Абрамова, С. Р. Криминалистическая характеристика способов торговли несовершеннолетними / С. Р. Абрамова. – Текст: непосредственный // *Российский следователь*. – 2019. – № 1. – С. 6–9.

Адмиралова, И. А. Особенности выявления фактов торговли людьми / И. А. Адмиралова, Т. В. Астишина. – Текст: непосредственный // *Административное и муниципальное право*. – 2014. – № 1. – С. 70–73.

Азарова, Е. Г. Социальное обеспечение детей: теоретические подходы: монография / Е. Г. Азарова. – Москва: КОНТРАКТ, 2012. – 256 с. – Текст: непосредственный.

Алсынбаева, Э. М. Развитие правового регулирования трансплантации органов и тканей человека в России: исторический аспект / Э. М. Алсынбаева. – Текст: непосредственный // *Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. Общественные науки*. – 2011. – № 4. – С. 120–123.

Антонян, Ю. М. Отрицание цивилизации: каннибализм, инцест, детоубийство, тоталитаризм / Ю. М. Антонян. – Москва: Логос, 2003. – 256 с. – Текст: непосредственный.

Аськов, Н. Н. Особенности субъектного состава отношений в связи с медицинской деятельностью для целей применения статей 123 и 124 УК РФ / Н. Н. Аськов. – Текст: непосредственный // *Судья*. – 2020. – № 2. – С. 34–37.

Ау, Т. И. Конституционные гарантии защиты несовершеннолетних от экономической эксплуатации в Республике Казахстан и Российской Федерации / Т. И. Ау, Д. У. Балгимбеков, А. В. Турлаев. – Текст: непосредственный // *Конституционное и муниципальное право*. – 2017. – № 8. – С. 47–51.

Афанасьев, И. В. Статус человеческого эмбриона в наследственном праве и вытекающие из него юридические проблемы / И. В. Афанасьев, А. В. Машков. – Текст: непосредственный // *Современное право*. – 2022. – № 1. – С. 72–78.

Барabanова, О. Н. К вопросу об установлении момента начала жизни в Уголовном кодексе Российской Федерации / О. Н. Барabanова. – Текст: непосредственный // *Новая наука: гипотезы, взгляды и факты*:

сборник научных трудов; под общ. ред. С. В. Кузьмина. – Казань: ИП Кузьмин Сергей Владимирович, 2017. – С. 94–97.

Белая, О. В. Практика Европейского суда по правам человека об использовании геномной информации и биоматериала человека / О. В. Белая. – Текст: непосредственный // Международное право и международные организации. – 2019. – № 2. – С. 57–70.

Бинэ, Ж. Р. Презюмируемое согласие и выражение несогласия на посмертное изъятие органов во французском праве / Ж. Р. Бинэ. – Текст: непосредственный // Прецеденты Европейского суда по правам человека. – 2017. – № 9. – С. 32–45.

Бисярина, А. Н. Проблемы борьбы с торговлей несовершеннолетними в современной российской уголовно-правовой науке / А. Н. Бисярина. – Текст: непосредственный // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2016. – № 4. – С. 9–11.

Богопольский, П. М. Д. А. Арапов (К 110-летию со дня рождения) / П. М. Богопольский, М. М. Абакумов. – Текст: непосредственный // Хирургия. – 2007. – № 11. – С. 78.

Бойков, А. Преступность как форма социального протеста / А. Бойков. – Текст: непосредственный // Мировой судья. – 2007. – № 5. – С. 16–18.

Бриллиантов, А. В. Уголовное право России в схемах и определениях: учебное пособие / А. В. Бриллиантов, Я. Е. Иванова. – Москва: Проспект, 2018. – 232 с. – Текст: непосредственный.

Бурков, А. Априори все мы доноры / А. Бурков. – Текст: непосредственный // ЭЖ-Юрист. – 2014. – № 47. – С. 8.

Винницкий, А. В. Административная ответственность арбитражных управляющих: динамика и практика применения новых норм КоАП РФ / А. В. Винницкий. – Текст: непосредственный // Административное и муниципальное право. – 2017. – № 12. – С. 11–25.

Волков, К. А. Эксплуатация человека как уголовно-правовая категория / К. А. Волков. – Текст: непосредственный // Российская юстиция. – 2011. – № 3. – С. 19–21.

Герасимова, Е. В. Принуждение к изъятию органов или тканей человека / Е. В. Герасимова. – Текст: непосредственный // Lex russica. – 2017. – № 4. – С. 203–208.

Гецманова, И. В. Правовое регулирование искусственного прерывания беременности и ответственности за незаконное производство

аборта: история, проблемы, перспективы / И. В. Гецманова. – Текст: непосредственный // Медицинское право. – 2016. – № 5. – С. 31–35.

Голиченков, В. А. Эмбриология / В. А. Голиченков, Е. А. Иванов, Е. Н. Никерясова. – Москва: Академия, 2004. – 224 с. – Текст: непосредственный.

Демин, А. В. Бланкетный и отсылочный способы формирования правовых норм: понятие, систематизация, проблематика / А. В. Демин, Ф. Г. Кипарисов. – Текст: непосредственный // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – № 2 (30). С. 25–32.

Дорогин, Д. А. Изъятие органов или тканей у лиц, лишенных свободы в условиях вооруженного конфликта, как вид жестокого обращения с военнопленными (статья 356 Уголовного кодекса Российской Федерации) / Д. А. Дорогин, М. О. Ноженко. – Текст: непосредственный // Право в Вооруженных Силах. – 2017. – № 10. – С. 82–87.

Дронова, С. А. Защита прав и достоинства человека при донорстве органов и их трансплантации: сравнительно-правовой подход / С. А. Дронова // Конституционное и муниципальное право. – 2018. – № 4. – С. 66–71.

Дядюн, К. В. К вопросу о субъекте преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ / К. В. Дядюн. – Текст: непосредственный // Российский следователь. – 2017. – № 23. – С. 37–40.

Евдокимов, В. Б. Уголовно-правовая защита прав человека в сфере трансплантации органов и тканей / В. Б. Евдокимов, М. А. Хомякова. – Текст: непосредственный // Российское право: образование, практика, наука. – 2021. – № 1. – С. 48–57.

Емельянова, Н. А. Академик В. П. Филатов. Достижения в диагностике и лечении глаукомы / Н. А. Емельянова. – Текст: непосредственный // Глаукома. – 2005. – № 2. – С. 63–65.

Еремеева, О. И. К вопросу о принятии и правовом положении эмбриона человека / О. И. Еремеева, Н. А. Сайфуллина. – Текст: непосредственный // Инновационная наука. – 2016. – № 3. – С. 40–44.

Еремина, О. Ю. Правовое регулирование материнского капитала: практика применения и перспектива развития / Е. Ю. Еремина. – Текст: непосредственный // Журнал российского права. – 2018. – № 5. – С. 125–138.

Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. Москва. – 2000. – 1232 с. – Текст: непосредственный.

Жуйков, П. В. Применение методологического принципа Уильяма Оккама «Бритва Оккама» в образовательной практике / П. В. Жуйков. – Текст: непосредственный // Восточно-Европейский научный вестник. – 2018. – № 1 (13). – С. 11–12.

Иваницкий, М. Ф. Анатомия человека (с основами динамической и спортивной морфологии): учебник для институтов физической культуры. Изд. 7-е / М. Ф. Иваницкий; под ред. Б. А. Никитюка, А. А. Гладышевой, Ф. В. Судзиловского. – Москва: Олимпия, 2008. – 624 с. – Текст: непосредственный.

Иванов, А. Л. Вопросы квалификации убийства в целях использования органов или тканей потерпевшего (п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ) / А. Л. Иванов. – Текст: непосредственный // Российский следователь. – 2020. – № 10. – С. 46–51.

Исаев, М. А. История Российского государства и права: учебник / М. А. Исаев. – Москва: Статут, 2012. – 840 с. – Текст: непосредственный.

История и философия науки: словарь-минимум / Сост. Ю. Г. Ершов. – Екатеринбург: Ури РАНХиГС, 2012. – 32 с. – Текст: непосредственный.

Казакова, В. А. Проблемы квалификации преступлений против здоровья: монография / В. А. Казакова. – Москва: РУСАЙНС, 2018. – 436 с. – Текст: непосредственный.

Калужская, А. В. Критерии разграничения убийства и надругательства над телом умершего / А. В. Калужская. – Текст: непосредственный // Законность. – 2017. – № 10. – С. 43–46.

Калужская, А. В. Уголовно-правовое противодействие надругательству над телами умерших и местами их захоронения (на примере стран романо-германской правовой семьи) / А. В. Калужская. – Текст: непосредственный // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2017. – № 10. – С. 101–106.

Капитонова, Е. А. Правовое регулирование трансплантологии: монография / Е. А. Капитонова, О. В. Романовская, Г. Б. Романовский. – Москва: Проспект. – 2016. – 351 с. – Текст: непосредственный.

Клипецкий, И. А. Торговля людьми: законодательство и судебная практика / И. А. Клипецкий, Г. П. Мелконян. – Текст: непосредственный // Российская юстиция. – 2006. – № 12. – С. 39–42.

Кобец, П. Н. Об основных причинах и условиях, способствующих незаконной трансплантации органов и тканей человека / П. Н. Кобец. – Текст: непосредственный // Медицинское право. – 2021. – № 3. – С. 9–14.

Козлова, А. А. Соотношение преступлений, связанных с незаконным оборотом человеческих органов и торговлей людьми с целью изъятия человеческих органов, в нормах международного права / А. А. Козлова. – Текст: непосредственный // Российская юстиция. – 2019. – № 4. – С. 26–28.

Козлова, А. А. Правовые аспекты деятельности международных организаций по противодействию незаконному обороту человеческих органов / А. А. Козлова. – Текст: непосредственный // Современное право. – 2018. – № 6. – С. 141–143.

Козлова, А. А. Правовые основы международного сотрудничества в сфере противодействия незаконному обороту человеческих органов / А. А. Козлова. – Текст: непосредственный // Международное публичное и частное право. – 2017. – № 4. – С. 33–36.

Козлова, Н. Мумии возвращаются / Н. Козлова // Российская газета. – 2014. – 25 апреля. – С. 5. – Текст: непосредственный.

Колчина, Н. А. Организационно-правовой механизм борьбы с убийствами, совершенными в целях использования органов и (или) тканей потерпевшего: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2011. – 235 с.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / К. А. Барышева, Ю. В. Грачева, Р. О. Долотов [и др.]. – Москва: Проспект, 2021. – 816 с. – Текст: непосредственный.

Бриллиантов, А. В. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) / А. В. Бриллиантов, Г. Д. Долженкова, Э. Н. Жевлаков [и др.]. – Москва: Проспект, 2015. – 792 с. – Текст: непосредственный.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный). Т. 2 / А. В. Бриллиантов, А. В. Галахова, В. А. Давыдов [и др.]. – Москва: Юрайт, 2017. – 371 с. – Текст: непосредственный.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный). Т. 3 / А. В. Бриллиантов, А. В. Галахова, В. А. Давыдов [и др.]. – Москва: Юрайт, 2017. – 298 с. – Текст: непосредственный.

Коннов, В. А. О понятии незаконного оборота человеческих органов в международном праве / В. А. Коннов, А. А. Козлова. – Текст: непосредственный // Арбитражный и гражданский процесс. – 2017. – № 3. – С. 61–64.

Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства: монография / И. С. Власов, Н. А. Голованова, А. А. Гравина [и др.]. – Москва: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2018. – 280 с. – Текст: непосредственный.

Крылатова, И. Ю. Право ребенка на жизнь как элемент основ конституционного строя / И. Ю. Крылатов. – Текст: непосредственный // Российское право: образование, практика, наука. – 2017. – № 4. – С. 13–21.

Кузнецова, С. С. Этнические и экономические аспекты индийского федерализма и их отражение в конституционном праве (на примере штата Джаркханд) / С. С. Кузнецова. – Текст: непосредственный // Российское право: образование, практика, наука. – 2016. – № 4. – С. 42–47.

Мочалов А. Н. Отражение этнического многообразия в конституционном регулировании территориального устройства Индии и Китая / А. Н. Мочалов. – Текст: непосредственный // Российское право: образование, практика, наука. – 2016. – № 4. – С. 36–41.

Кулицкая, Л. И. Правовой режим органов, тканей, клеток и тела человека после смерти лица, не оставившего завещания / Л. И. Кулицкая. – Текст: непосредственный // Власть Закона. – 2016. – № 2. – С. 96–106.

Лавриненко, М. В. К вопросу о применении ареста как вида уголовного наказания в Российской Федерации / М. В. Лавриненко, Г. Л. Минаков // Евразийская юридическая конференция: сборник статей по итогам научно-практической конференции. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. – С. 112–115. – Текст: непосредственный.

Магомедов, Т. М. -С. Состояние, структура и динамика торговли людьми / Т. М. -С. Магомедов, М. М. Зейналов, В. М. Гаммаев. – Текст: непосредственный // Юридический вестник ДГУ. – 2015. – Т. 15. – № 3. – С. 129–130.

Малешина, А. В. Преступления против жизни в странах общего права / А. В. Малешина. – Москва: Статут, 2017. – 480 с. – Текст: непосредственный.

Маркина, И. Н. Субъект незаконного проведения искусственного прерывания беременности: теоретические и практические проблемы определения / И. Н. Маркина. – Текст: непосредственный // Современный юрист. – 2018. – № 4. – С. 149–156.

Маркова, Е. Н. Право на отказ от обязательной вакцинации в соответствии с религиозными убеждениями: pro et contra / Е. Н. Маркова. – Текст: непосредственный // Государственная власть и местное самоуправление. – 2019. – № 2. – С. 3–9.

Мартыненко, Н. Э. Современная концепция уголовно-правовой охраны личности / Н. Э. Мартыненко. – Текст: непосредственный // Российский следователь. – 2019. – № 7. – С. 34–37.

Масленников, М. Я. Правовые темы подсказывают газеты / М. Я. Масленников // Административный процесс: теория и практика / М. Я. Масленников. – Москва: НОУ «Школа спецподготовки „Витязь“», 2008. – С. 137–149. – Текст: непосредственный.

Медицинское право: учебное пособие / К. В. Егоров, А. С. Булина, Г. Х. Гараева [и др.]. – Москва: Статут, 2019. – 190 с. – Текст: непосредственный.

Миллеров, Е. В. Уголовно-правовая охрана нравственности: автореф. дис. ... канд. юр. наук / Е. В. Миллеров. – Ростов-на-Дону, 2006. – 26 с. – Текст: непосредственный.

Мирский, М. Б. Пионер клинической трансплантологии (к 110-летию юбилею профессора Ю. Ю. Вороного) / М. Б. Мирский. – Текст: непосредственный // Клиническая хирургия. – 2005. – № 6. – С. 60–64.

Михельсон, Н. М. Косметические операции лица / Н. М. Михельсон, Г. В. Кручинский, Л. А. Крикун, Г. И. Пакович, К. Ф. Сибилова. – Москва: Медицина. – 1965. – 254 с. – Текст: непосредственный.

Мухамедов, Р. А. Общественный и религиозный уклад жизни и характерные черты обрядов мусульман / Р. А. Мухамедов. – Текст: непосредственный // Tatarica. – 2018. – № 1 (10). – С. 77–90.

Мызров, С. Н. К вопросу о вещно-правовом статусе органов и тканей человека: дифференцированный подход к разрешению проблемы / С. Н. Мызров, В. А. Нагорный. – Текст: непосредственный // Медицинское право. – 2014. – № 3. – С. 38–39.

Невинский, В. В. Конституция Российской Федерации и достоинство человека (воспоминание о будущем) / В. В. Невинский. – Текст: непосредственный // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 11. – С. 48–54.

Новиков, В. Генри Резник: восемь – семь [Интервью с Г. Резником] / В. Новиков. – Текст: непосредственный // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. – 2015. – № 1. – С. 84–98.

Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2017) // Бюллетень трудового и социального законодательства РФ. – 2017. – № 6. – Текст: непосредственный.

Ображиев, К. Постановления Пленума Верховного Суда РФ как формальные (юридические) источники российского уголовного права / К. Ображиев. – Текст: непосредственный // Уголовное право. – 2008. – № 4. – С. 40–45.

Опалич, Е. В. Сравнительно-правовой анализ законодательства стран Латинской Америки о запрете рабства / Е. В. Опалич. – Текст: непосредственный // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2020. – № 3. – С. 20–24.

Осокин, Р. Б. Возраст субъекта состава надругательства над телами умерших и местами их захоронения необходимо снизить / Р. Б. Осокин. – Текст: непосредственный // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». – 2012. – № 5. – С. 79–81.

Осокин, Р. Б. К вопросу о предмете надругательства над телами умерших и местами их захоронения / Р. Б. Осокин. – Текст: непосредственный // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – № 6 (110). – С. 271–273.

Осокин, Р. Б. Общественная нравственность как особо ценный объект охраны / Р. Б. Осокин. – Текст: непосредственный // Вестник Московского университета МВД России. – 2011. – № 7. – С. 167–169.

Павлуцкая, С. В. Убийства, совершаемые при отягчающих обстоятельствах, характеризующих особенности субъективной стороны: дис. ... канд. юрид. наук / С. В. Павлуцкая. – Владивосток, 2009. – 199 с. – Текст: непосредственный.

Первалов, В. Д. Теория государств и права: учебник для вузов / В. Д. Первалов. – Москва: Юрайт, 2010. – 379 с. – Текст: непосредственный.

Перевозчикова, Е. В. Конституционное право на жизнь и правовой статус эмбриона / Е. В. Перевозчикова, Е. А. Панкратова. – Текст: непосредственный // Медицинское право. – 2006. – № 2. – С. 16–23.

Перез, В. Большой атлас анатомии человека / В. Перез – Санкт-Петербург: Астрель, 2017. – 192 с. – Текст: непосредственный.

Пестрикова, А. А. Международные стандарты правового регулирования биомедицинских клеточных продуктов / А. А. Пестрикова. – Текст: непосредственный // Медицинское право. – 2018. – № 3. – С. 26–29.

Попова, Ю. П. Уголовная ответственность за незаконную трансплантацию / Ю. П. Попова. – Текст: непосредственный // Судья. – 2020. – № 2. – С. 38–41.

Правовое регулирование трансплантации в Российской Федерации: научно-практическое пособие / Н. С. Волкова, О. Ю. Еремина, О. О. Журавлева [и др.]. – Москва: Проспект, 2019. – 176 с. – Текст: непосредственный.

Рац, С. В. Операция ГПУ «по высылке антисоветской интеллигенции» (май – декабрь 1922 года) / С. В. Рац. – Текст: непосредственный // Военно-юридический журнал. – 2015. – № 6. – С. 27–32.

Свобода, Р. Агхора. По левую руку бога / Р. Свобода. – Москва: Саттва, 1998. – 352 с. – Текст: непосредственный.

Романовская, О. В. Законодательство в сфере трансплантологии: проблемы и перспективы развития / О. В. Романовская. – Текст: непосредственный // Судья. – 2016. – № 11. – С. 27–32.

Романовская, О. В. Перспективы реформирования законодательства в сфере трансплантологии / О. В. Романовская. – Текст: непосредственный // Реформы и право. – 2014. – № 1. – С. 3–10.

Рудич, В. В. Решения Европейского Суда по Правам Человека о недопустимости использования при получении обвинительных доказательств по уголовному делу ловушек и провокаций / В. В. Рудич. – Текст: непосредственный // Вестник. Государство и право. – 2015. – № 20. – С. 45–47.

Рудич, В. В. Стандарты допустимости доказательств по уголовным делам, выработанные в решениях Европейского Суда по Пра-

вам Человека / В. В. Рудич. – Текст: непосредственный // Уголовное судопроизводство: современное состояние и основные направления совершенствования. сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию юбилею доктора юридических наук, профессора А. В. Гриненко. – Екатеринбург: Уральский институт экономики, управления и права, 2016. – С. 362–368.

Рыжкова, Е. В. Черная трансплантология. Незаконное изъятие органов / Е. В. Рыжкова, В. О. Сокол. – Текст: непосредственный // Наука и знание: конкурентный потенциал общества, науки и бизнеса в условиях глобального мира: сб. ст. по итогам науч.-практ. конф. (Новороссийский филиал Московского гуманитарно-экономического университета 8 апреля 2016 года). – Ставрополь: Логос, 2016. – С. 216–221.

Рыжов, В. Б. Направления сотрудничества стран – участников Европейского союза в противодействии криминальной трансплантологии / В. Б. Рыжов. – Текст: непосредственный // Современное право. – 2017. – № 9. – С. 125–129.

Салагай, О. О. Трансплантация органов и тканей человека в международно-правовом и сравнительно-правовом аспектах / О. О. Салагай. – Текст: непосредственный // Российская юстиция. – 2010. – № 7. – С. 58–64.

Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка: материалы для лексической разработки заимствованных слов в рус. лит. речи: портр. и краткой биограф. А. Н. Чудинова / Сост. под ред. А. Н. Чудинова. – 3-е изд., тщательно испр. и знач. доп. (более 5000 новых слов) преимущественно соц.-полит. терминами, вошедшими в жизнь в последние годы. – Санкт-Петербург: издатель В. И. Губинский, 1910. – 676 с. – Текст: непосредственный.

Состояние и тенденции преступности в Российской Федерации: Криминологический и уголовно-правовой справочник / Под ред. А. Я. Сухарева, С. И. Гирько. – Москва: Экзамен, 2007. – 421 с. – Текст: непосредственный.

Степанова, Е. Н. Трансплантация органов человека: мировой опыт и Россия (гражданско-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук / Е. Н. Степанова. – Москва: Московский университет Министерства Внутренних Дел России, 2004. – 228 с. – Текст: непосредственный.

Судебная практика в современной правовой системе России: монография / Т. Я. Хабриева, В. В. Лазарев, А. В. Габов [и др.]. – Москва: НОРМА, 2017. – 432 с. – Текст: непосредственный.

Сунцов, Д. С. Цели и задачи как характеристика сущности прокурорского надзора за исполнением законодательства об обеспечении прав граждан на медицинскую помощь / Д. С. Сунцов. – Текст: непосредственный // В мире науки и инноваций: сб. ст. по итогам науч.-практ. конф. – Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «Аэтерна», 2016. – С. 182–184.

Тасаков, С. В. Оправданное преступление в поэме К. Иванова «Нарспи» / С. В. Тасаков. – Текст: непосредственный // Уголовные законоположения в изобразительном, ораторском искусстве, драматургии, классической литературе и кино: Коллективная монография по материалам XIII Международной научно-практической конференции, посвященной памяти основателя уральской уголовно-правовой школы, заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора М. И. Ковалева. – Екатеринбург: Издательский дом Уральского государственного юридического университета, 2016. – С. 113–114.

Тертуллиан, К. С. Ф. Апология VIII в. Т. 8: Богословские труды. Сб. 25 / К. С. Ф. Тертуллиан. – Москва: Издательство Московской патриархии, 1984. – 337 с. – Текст: непосредственный.

Тихонова, С. С. Прижизненное и посмертное донорство в Российской Федерации: Вопросы уголовно-правового регулирования / С. С. Тихонова. – Санкт-Петербург, 2002. – 321 с. – Текст: непосредственный.

Торгонский, В. В. Формирование личности, индивидуальности и ее интегративных качеств / В. В. Торгонский. – Текст: непосредственный // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2010. – № 4 (6). – С. 95–105.

Тютюнник, И. Г. Корыстный мотив в структуре преступлений против свободы личности: уголовно-правовой и криминологический анализ / И. Г. Тютюнник. – Москва: Юстицинформ, 2017. – 152 с. – Текст: непосредственный.

Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / А. А. Арямов, Т. Б. Басова, Е. В. Благов [и др.]. – Москва: КОНТРАКТ, 2017. – 384 с. – Текст: непосредственный.

Фабрика, Т. А. Влияние международных норм на формирование российского законодательства, регулирующего вопросы трансплантации / Т. А. Фабрика. – Текст: непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2010. – № 19 (200). – С. 87–90.

Фабрика, Т. А. Ответственность за незаконную трансплантацию человеческих органов и (или) тканей в зарубежном и российском законодательствах / Т. А. Фабрика. – Текст: непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2005. – № 1. – С. 131–139.

Федюкович, Н. И. Анатомия и физиология человека: учебное пособие. Изд. 2-е / Н. Ю. Федюкович. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. – 416 с. – Текст: непосредственный.

Фетисов, В. Д. Проблемы использования финансового контроля в России в современных условиях / В. Д. Фетисов. – Текст: непосредственный // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. – 2017. – № 24. – С. 17–32.

Хомякова, М. А. Биологический материал как объект гражданского права / М. А. Хомякова. – Текст: непосредственный // Вопросы российской юстиции. – 2015. – № 2 (2). – С. 105.

Хомякова, М. А. «Надругательство над телами умерших» как оценочное понятие в уголовном законе / М. А. Хомякова // Эволюция российского права: материалы XVII Международной научной конференции молодых ученых и студентов. – Екатеринбург, 2019. – С. 441–442. – Текст: непосредственный.

Хомякова, М. А. Биологический материал человека как предмет ритуальных убийств и квалификация таких преступлений / М. А. Хомякова // Эволюция российского права: материалы XVI Международной научной конференции молодых ученых и студентов. – Екатеринбург, 2018. – С. 400–402. – Текст: непосредственный.

Хомякова, М. А. Детерминанты надругательства над телами умерших / М. А. Хомякова. – Текст: непосредственный // Российское право: образование, практика, наука. – 2019. – № 4. – С. 71–77.

Хомякова, М. А. К вопросу о принуждении к изъятию органов и тканей человека для трансплантации / М. А. Хомякова // Эволюция российского права: материалы XIX Международной научной

конференции молодых ученых и студентов. – Екатеринбург, 2021. – С. 1329–1333. – Текст: непосредственный.

Хомякова, М. А. Корреляция посмертной трансплантации органов и тканей человека и оскорбления чувств верующих / М. А. Хомякова // Право в современном мире: достижение метабезопасности как атрибута государства V. 2020: материалы Всероссийской научно-практической конференции: в 3 выпусках. – Екатеринбург, 2020. – С. 191–194. – Текст: непосредственный.

Хомякова, М. А. Причины преступлений, связанных с каннибализмом / М. А. Хомякова // Проблемы реформирования российской государственности: материалы XIII Всероссийской конференции студентов и молодых ученых. – Екатеринбург, 2018. – С. 206–207. – Текст: непосредственный.

Хомякова, М. А. Торговля людьми с целью изъятия органов и тканей: проблемы квалификации / М. А. Хомякова. – Текст: непосредственный // Современное право. – 2022. – № 7. – С. 123–127.

Хомякова, М. А. Уголовное наказание за каннибализм: понять и простить? / М. А. Хомякова. – Текст: непосредственный // Российское право: образование, практика, наука. – 2017. – № 3. – С. 77–80.

Хомякова, М. А. Устранение законодательных пробелов в вопросах регулирования отношений в сфере трансплантологии в Российской Федерации / М. А. Хомякова. – Текст: непосредственный // Сборник проектов конкурса «всероссийская научная школа «Медицина молодая». Международный фонд развития биомедицинских технологий им. В. П. Филатова. – Москва, 2023. – С. 798–814.

Хомякова, М. А. Целесообразность использования понятия «биологический материал» в уголовном законодательстве Российской Федерации / М. А. Хомякова. – Текст: непосредственный // Современное право. – 2023. – № 3. – С. 115–117.

Цыбизова, Н. А. Безвестное отсутствие граждан по российскому гражданскому праву / Н. А. Цыбизова. – Томск: НТЛ, 2017. – 112 с. – Текст: непосредственный.

Чернышева, Ю. А. Причины, условия возникновения преступлений в сфере реализации программы суррогатного материнства, а также их предупреждение / Ю. А. Чернышева. – Текст: непосредственный // Семейное и жилищное право. – 2013. – № 3. – С. 6–8.

Шокель, А. С. Надругательства над телами умерших и местами их захоронений: причины, условия, мотивы / А. С. Шокель. – Текст: непосредственный // Человек: преступление и наказание. – 2010. – № 1. – С. 90–94.

Эльязов, О. А. Новые тенденции в борьбе с международной преступностью / О. А. Эльязов. – Текст: непосредственный // Nauka-Rastudent.ru – 2017. – № 1. – С. 68

Якунин, В. И. Государственная политика вывода России из демографического кризиса / В. И. Якунин, С. С. Сулакшин, В. Э. Багдасарян и др. – Москва: Экономика. Науч. эксперт, 2007. – 889 с. – Текст: непосредственный.

Интернет-источники

Игорь (Ильшат) Кузиков. Серийный убийца, каннибал. Убийственная шизофрения. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=KbKs6WT7g60> (дата обращения: 09.10.2018). – Текст: электронный.

Кубанского каннибала посадили на 12 лет. – URL: <https://news.rambler.ru/crime/42412112-kubanskogo-kannibala-posadili-na-12-let> (дата обращения: 09.09.2019). – Текст: электронный.

Судебная статистика РФ. – URL: <http://stat.xn--7sbqk8achja.xn-p1ai> (дата обращения: 01.09.2021). – Текст: электронный.

УК не запрещает. – URL: <http://www.vz.ru/society/2013/11/8/658679.html> (дата обращения: 15.03.2017). – Текст: электронный.

Свидетель по делу банды Федоровича рассказал, как его пытались повязать кровью (18+). – URL: <https://www.e1.ru/text/criminal/2014/07/14/52872961> (дата обращения: 15.04.2022). – Текст: электронный.

Юрист, расчленивший труп по просьбе Федоровича, ушел от наказания. – URL: <https://66.ru/news/society/159811> (дата обращения: 15.04.2022). – Текст: электронный.

Доклад ООН: пандемия усугубила угрозу торговли людьми, особенно для женщин и девочек. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/09/1387132> (дата обращения: 01.03.2022). – Текст: электронный.

Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 10 (2021). – URL: <https://vsrf.ru/> (дата обращения: 15.10.2021). – Текст: электронный.

Научное издание

Хомякова Маргарита Александровна

ОРГАНЫ И ТКАНИ ЧЕЛОВЕКА
КАК ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

МОНОГРАФИЯ

Редактор *А. В. Ерофеева*

Дизайнер-верстальщик *А. Ю. Тюменцева*

Подписано в печать 16.04.2024. Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Alegreya, Alegreya Sans.
Уч.-изд. л. 12,15. Усл. печ. л. 11,16. Тираж 500 экз. Заказ 16/04

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Уральский государственный аграрный университет». 620075, Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 42

Отпечатано в Издательском доме «Ажур»
620075, Екатеринбург, ул. Восточная, 54. Тел.: +7 (343) 350-78-28, +7 (343) 350-78-49. Эл. почта: azhur.ek@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении
высшего образования «Уральский государственный аграрный университет».
620075, Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 42